

Предлагаемая Вашему вниманию книга сложно идентифицируется по жанру. Она написана от первого лица в стиле эмоциональных мемуаров. Но подчас излишне откровенный рассказ о неординарной жизни сильной девушки, сумевшей добиться успеха и признания всех, кто ей был близок и дорог, служит темой глубоких размышлений о не проходящих ценностях жизни.

Раскрытие истории работы одного из ведущих авиационных институтов СССР - ЛИИ им.М.М.Громова практически на всех этапах создания сложной вертолетной техники делает книгу редким источником знаний.

И, конечно, основная тема, которой автор делится с читателем, это размышления о любви к людям, об азартном отношении к любимому делу, неравнодушном участии в чужих радостях и бедах, честности, порядочности, то есть о том, что сегодня более чем актуально.

ISBN 978-5-4465-0734-4

9 785446 507344 >

АЛЛА ГАВРИЛОВНА ПУХОВА

Дела земные и небесные

АЛЛА ГАВРИЛОВНА ПУХОВА

Дела земные и небесные

Алла Гавриловна Пухова

*Дела земные
и небесные*

ББК 84(2РОС=РУС)6-4

УДК 82-94

АВТОР ПУХОВА АЛЛА ГАВРИЛОВНА

П90 «ДЕЛА ЗЕМНЫЕ И НЕБЕСНЫЕ»

АВТОР А. Г. ПУХОВА

ISBN 978-5-4465-0734-4

172 СТР, ИЛ.

2015 Г

Предлагаемая Вашему вниманию книга сложно идентифицируется по жанру. Она написана от первого лица в стиле эмоциональных мемуаров.

Но подчас излишне откровенный рассказ о неординарной жизни сильной девушки, сумевшей добиться успеха и признания всех, кто ей был близок и дорог, служит темой глубоких размышлений о не проходящих ценностях жизни.

Раскрытие истории работы одного из ведущих авиационных институтов СССР - ЛИИ им.М.М.Громова практически на всех этапах создания сложной вертолетной техники делает книгу редким источником знаний. И, конечно, основная тема, которой автор делится с читателем, это размышления о любви к людям, об азартном отношении к любимому делу, равнодушном участии в чужих радостях и бедах, честности, порядочности, то есть о том, что сегодня более чем актуально.

ISBN 978-5-4465-0734-4

9 785446 507344 >

ИД ООО «БУКИ ВЕДИ»

119049, Г. МОСКВА, ЛЕНИНСКИЙ ПР-Т, Д. 4, СТР. 1А

Алла Гавриловна Пухова

*Дела земные
и небесные*

Предисловие

А.А.Пухов у пруда Николо-Угрешского монастыря, 2015 г.

Родители для каждого из нас являются главным источником знаний. Эти знания становятся особенно ценными, если ты их получаешь, когда сам способен понять не только суть, но и случайность всего, что происходит вокруг.

В детстве нам с братом родители никогда подробно не рассказывали о своих трудовых буднях. Это считалось ненужным. Тем более что оба занимались чем-то официально секретным, сложным, и говорить об этом с детьми серьезно не было необходимости.

Может быть поэтому, когда у меня встал вопрос распределения на авиационное предприятие по окончании института, я выбрал фирму,

где работал отец. Мальчишеское любопытство. Спустя годы судьба подарила возможность заняться вертолетостроением, и опять решение было мгновенным, очевидно, по той же причине.

История появления этой книги относится к концу 2005 года. Тогда с папой случился инсульт, и, как обычно, мать организовывала и сама осуществляла его лечение и уход в городе Раменское. Я посильно помогал ей в основном транспортировкой к больнице, по магазинам и домой. Она очень переживала и волновалась, и я, честно признаться, стал бояться уже за ее самочувствие.

Чтобы как-то отвлечь от тяжелых дум, я стал расспрашивать ее про работу. Конечно, я многое знал о деятельности матери в Летно-исследовательском институте имени М.М.Громова (ЛИИ). Отлично помнил ее друзей и подруг. Но то, что она начала мне рассказывать в наши поездки тогда, представляло несколько другую картину мира. Тогда-то я и предложил ей написать о своей жизни воспоминания. Получил категорический отказ, сопровождаемый такими шуточками и прибаутками, что даже сам не ожидал. Тем не менее идея появилась и процесс пошел.

Почти десять лет ушло на уговаривание. Были испробованы самые хитрые допустимые способы убеждения. Были отправлены письма руководству ЛИИ и даже получены скромные, ранее секретные, кино-материалы. Воля матери оставалась непреклонна! Нет и все! «Никому это не интересно, тем более сегодня», — говорила она жестко глядя в глаза.

Ситуацию помогла разрешить Елена Панкратенкова. Она предложила простой выход: проведя десять встреч, записала и обработала все, что Алла Гавриловна сочла необходимым рассказать. Огромное человеческое спасибо им обоим за это! Любой замысел важен своей реализацией...

А надо было или нет, теперь судить уже Вам — читателям.

Андрей Александрович Пухов

Какие же мы счастливые люди!
Влюбленные в свое дело. Преданные матери-Родине.
Похожие на своих предков, уверенные в своих потомках.
Верим в Бога и Великую Судьбу России.
Прочти и убедись в этом еще раз.

*Сергей Викторович Михеев,
«Козерог» МАИ 1956 года.*

A handwritten signature in blue ink, consisting of a large, stylized 'S' followed by the name 'Mikhayev' in a cursive script.

«Жизнь моя, иль ты приснилась мне...»

С.А.Есенин

Родители

ГАВРИИЛ АКИМОВИЧ ПЕТРОВ

Мой отец, Гавриил Акимович Петров, был необыкновенным человеком: сильным, умным, талантливым. К сожалению, таким он стал благодаря многочисленным трудностям, которые выпали на его долю. С пяти лет отец остался один без родных в целом мире и еще в детстве пережил столько, сколько иной не увидит за всю жизнь. Маленький беспризорник прошел одиночество, холод, голод, болезни, ранения и смог стать Человеком, любящим мужем и отцом.

Родительский дом в Иркутске, фото 2005 г.

Родители и долгожданный ребенок, 1935 г.

В моей памяти история жизни отца — это его работа, и мы — его семья. Я знала папу уже взрослым состоявшимся человеком, мастером своего дела и единственной на всю жизнь любовью моей мамы.

Несмотря на отсутствие образования, трудолюбием, характером и жизненной мудростью отец достиг значительных успехов в профессии строителя. Он был востребованным специалистом и всю свою профессиональную жизнь руководил строительством крупных объектов. Был и прорабом, и главным инженером. Так что мы исколесили за папой по разным стройкам всю Сибирь.

Родилась я в Иркутске 2 сентября 1935 года, в то время отец там строил костно-туберкулезный санаторий.

Когда мне было пять лет, семья переехала в город Сталинск Кемеровской области. Позднее, в 1961 году, городу вернули историческое название — Новокузнецк.

С тридцатых годов Новокузнецк стал важным угледобывающим и промышленным центром страны, это о нем знаменитые строки стихотворения В. Маяковского: «Я знаю — город будет, я знаю — саду цвести, когда такие люди в стране Советской есть».

Но в Новокузнецке мы прожили недолго, перед началом Великой Отечественной войны отца перевели на строительство Марганце-

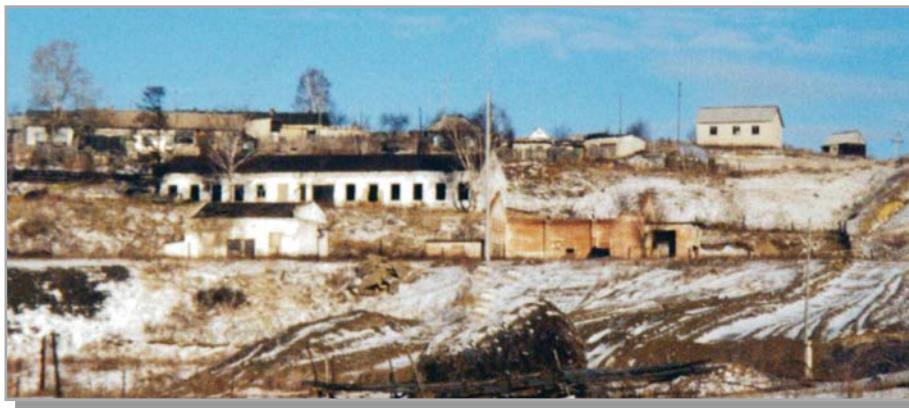
С мамой, 1935 г.

вого рудника в Красноярском крае. Второе название рудника — Мазульский. Постановление о строительстве рудника вышло в 1930 году, в 1932 появились первые домики, а поскольку маленький поселок и сам рудник входили в состав Мазульского сельского Совета, название прижилось само собой. В 1941 году рудник был передан в административное подчинение Ачинского городского Совета и получил название Марганцевый рудник.

Во время войны добыча руды шла большими объемами. Эшелоны с рудой непрерывным потоком шли на Новокузнецкий металлургический комбинат, где выплавлялась наша знаменитая броня для легендарных танков «Т-34» и другого вооружения. Кроме того Марганцевый рудник обеспечивал рудой всю Сибирь и Дальний Восток.

На фронт Великой Отечественной отец не попал из-за ранения, которое получил, будучи маленьким десятилетним мальчиком во время событий революции и первой мировой войны. Тогда, волей случая, он попал под обстрел «семеновцев» и ему перебило обе ноги. С тех пор ноги часто болели, но отец был очень мужественным человеком, держался, сколько хватало сил.

Свою Победу в Великой Отечественной папа ковал в тылу. В 1944, когда выгнали немцев с Украины, партия направила отца как способ-

Мазульский рудник, 2004 г.

ного организатора восстанавливать Донбасс. Немецкие фашисты зверствовали на Донбассе, уничтожали и взрослых, и детей, те, кто выжил, после войны жили в землянках. Трудное было время — разруха и стены вместо домов. Война закончилась, страна подымалась из руин, и отец стал строить Докучаевск.

Город Докучаевск расположен в Донецкой области в четырнадцати километрах от железнодорожной станции Еленовка. До 1954 года город считался поселком и назвался красивым словосочетанием — Еленовские Карьеры, позднее был назван в честь Василия Васильевича Докучаева, известного геолога и основателя русской школы почвоведения.

Благодаря отцу в Докучаевске были построены прекрасный Дворец культуры, два кинотеатра, больница, роддом, жилые дома, а также два поселка по соседству, с созданием которых в нашей семье связана курьезная история.

После войны не хватало не только еды и одежды, нужда была во всем, в том числе и в строительном материале. Приходилось строить дома из самана — прессованного глинистого грунта с добавлением соломы или других добавок. Под руководством отца рядом с Докучаевском ударными темпами возводились два «самановых» поселка — «Сокол» и «Победа» по пятьдесят домов в каждом. Вокруг поселков были расположены действующие рудники: добывали кремний, велись открытые разработки, то и дело сопровождавшиеся взрывами, от которых сотрясались и «Сокол», и «Победа». Эти обстоятельства не остались незамеченными. Нашелся какой-то ушлый журналист, представивший в журнале сатиры и юмора ситуацию в лицах (кажет-

ся, это был «Крокодил» 1946 или 1947 годов выпуска). На первой странице журнала была изображена карикатура на прораба (моего отца), который подпирает дом плечом и обращается к главному инженеру (своему начальнику): мол, я подержу, а ты беги скорей, чтобы успеть премию получить за построенные дома. Карикатура была подписана, указаны фамилии конкретных людей. По тем временам это был позор на всю страну.

История с карикатурой имела неожиданное продолжение много лет спустя, когда я вышла замуж, и родители мужа приехали в Докучаевск знакомиться со сватами. Как полагается, накрыли стол, выпили, полилась беседа о жизни. И вдруг мой свёкр — Леонид Федорович говорит:

— Слушай, Гавриил Акимович, а я ведь помню тот «Крокодил», там еще было написано: ты поддержи, чтоб он не развалился, а я побегу за премией.

Отец был немногословен:

— Леонид,— сказал он,— поехали!

И повез родителей мужа в эти поселки. Те самые «самановые» дома, прочность которых подверглась сомнению, а их строители высмеяны на всю страну, стояли один к одному — ровные, без трещин, один дом на одного хозяина. Стоят они и по сей день.

КЛАВДИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ПЕТРОВА (ДОЛГИХ)

Маму я привезла с Украины, когда ей было восемьдесят шесть лет. В то время у нас была хорошая квартира в Жуковском, все удобства, обстановка, но мама вдали от земли стала болеть: сначала дизентерия, потом инсульт, после которого ее парализовало.

Для меня было очевидно, что если ничего не предпринять, мама умрет в этой квартире. Тогда я купила дачный дом, по сути — развалюху, сделала там капитальный ремонт, и через семь месяцев вся

95 День рождения мамы —
7 января 2008 г.

семья переехала в новое жилье. Следующие пятнадцать лет дом достраивался и улучшался.

После переезда мама еще восемь лет прожила в любви и внимании. Когда ей исполнилось девяносто пять, мой младший сын Андрей сделал ей фантастический подарок — девяносто пять великолепных высоких роз!

Здесь, в доме на земле, ей было хорошо. Маме было девяносто шесть лет, когда она очень тихо, спокойно ушла.

ЛЕОНИД ФЕДОРОВИЧ ПУХОВ

В 1958 году муж привез меня в Иваново и представил своей многочисленной родне.

Отец мужа и мой свекор Леонид Федорович Пухов был человек очень суровый, сильный, умный и справедливый. Кадровый офицер, подполковник, прошел две войны, на тот момент служил начальником УВД Ивановской области.

В послевоенные годы разгул бандитизма наблюдался по всей стране. Ивановская область не была исключением. Советская милиция вела свою последовательную и непримиримую борьбу с преступностью. Но я знаю, что Леонида Федоровича бандиты уважали за человеческую позицию по отношению к ним. Нет, он не заигрывал с ними, напротив, честно делал свое дело, боролся с бандитскими формированиями и нарушителями, но никогда не переступал грань, за которой начинались насилие и издевательство над личностью, пусть даже преступника.

Это был человек предельной честности. Пуховы жили

Л. Ф. Пухов (1963).

17.5.46

КОМАНДА ЛЕОНИД ФЕДОРОВИЧ

Полковник
Пограничного Рязанского ордена Богдана Хмельницкого полка пограничных войск
награжден орденом "Отечественной войны I степени".
1911 Русский чл. 11/6/

Участовал в боях с белофиннами с 1929-30 г.
На фронтах Отечественной войны против немецких захватчиков с 1941 г. по настоящее время.
Одно тяжелое, одно легкое.
1930 г. Пушским РМ

Орден "Отечественной войны II степени"
Приказ 27 армии М. 07 от 13.1.45 г.

В пограничных поисках с 1930 г. по настоящее время. На разведывательной работе с первых дней Отечественной войны. Разумно расставлял силы разведчиков полка, батальонов, проявляя при этом энергию, инициативу и отвагу. Работая по опистке тылов ДКА от вражеских элементов, только за 1945 г. разведчикам выявлено, задержано и разоблачено:

1. Агентов контр-разведчиков противника	- 27;
2. Крупных шпионов и пособников	- 7;
3. Мучеников Родине и предателей	- 38;
4. Агентов разведчиков	- 7;
5. Шпионов-бандитов	- 43;

Всего им задержано и разоблачено 23 человек.
Кроме того, под его руководством вскрыта и разоблачена шпионская партия, которая имела большую сеть и обширные связи.

Достоин награждения правительственной наградой орденом "Отечественной войны I степени".

КОМАНДР ПО ПОГРАНИЧНОГО РЯЗАНСКОГО
ОРДЕНА БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО ПОЛКА
ПОДПОЛКОВНИК: *В. С. Сидор* /полковник/

" 8 " мая 1945 г.

ПЕЧАТ: КОМАНДА ПОГРАНИЧНОГО РЯЗАНСКОГО ПОЛКА

Наградной лист из архива Министерства обороны Российской Федерации.
www.podvignaroda.mil.ru.

ПРИКАЗ

Войскам 46 Армии 2-го Украинского фронта

(по личному составу)

№ 0142/М

СЕКРЕТНО

инз. № 3

31 мая 1945 г.

Действующая Армия.

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество — **НАГРАЖДАЮ:**

Орденом ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ

1. Майора
ПУХОВА Леонида Федоровича	- Заместителя командира по разведке 10 пограничного Рымнинского ордена Богдана Хмельницкого полка войск НКВД.

Орденом ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ВТОРОЙ СТЕПЕНИ

1. Красноармейца
БЕДОНОВИЧ Сергея Яковлевича	- Сапера 10 пограничного Рымнинского ордена Богдана Хмельницкого полка войск НКВД.
2. Лейтенанта
БЕРЕЩАК Николая Ефимовича	- Помощника начальника штаба батальона 10 пограничного Рымнинского ордена Богдана Хмельницкого полка войск НКВД.
3. Лейтенанта
БОРОНОВА Семена Степановича	- Младшего помощника начальника разведотделения 10 пограничного Рымнинского ордена Богдана Хмельницкого полка войск НКВД.
4. Капитана
ГРУВАНТ Виталия Николаевича	- Заместителя начальника маневренной группы 10 пограничного Рымнинского ордена Богдана Хмельницкого полка войск НКВД.
5. Младшего лейтенанта
ЗАВОЛОНТОГО Николая Семеновича	- Командира саперного взвода 10 пограничного Рымнинского ордена Богдана Хмельницкого полка войск НКВД.
6. Красноармейца
КОРЕТНИКОВА Василия Сергеевича	- Минометчика маневренной группы 10 пограничного Рымнинского

Копия Приказа о награждении Л. Ф. Пухова
(из архива Министерства обороны Российской Федерации.
www.podvignaroda.mil.ru).

Свекор и невестка, 1981 г.

безбедно, но на честно заработанные деньги. Несмотря на свой высокий пост и возможности, Леонид Федорович никогда не злоупотреблял властью.

Удивительное впечатление произвела на меня ивановская тюрьма, которая находилась в подчинении Леонида Федоровича. Свёкор повел нас туда как в кинотеатр на просмотр кинофильма «Коммунист» (режиссер Юлий Райзман). Я попала в образцовое заведение со своей библиотекой. Во всем чувствовалась продуманность и порядок. Кто-то шел нам навстречу и культурно здоровался, с некоторыми Леонид Федорович останавливался и беседовал. Вокруг чистота и порядок. Долгое время в нашей семье хранилась своеобразная память об образцовой советской тюрьме — нарисованная одним из заключенных и подаренная свекру великолепная копия картины Перова «Охотники на привале», которая украшала стену нашей квартиры вплоть до семидесятых годов прошлого века.

Умер Леонид Федорович в 1989 году.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА ПУХОВА (ДЕМИНА)

Мой муж, Александр Леонидович Пухов, многое унаследовал от мамы. Свекровь была родом с Поволжья — саратовская. По характеру гордая и суровая, но необыкновенно красивая и... очень одинокая...

Ко мне Надежда Александровна относилась по-разному. Первое время не очень привечала. Но меня это не обижало, сразу смирилась и относилась ко всему спокойно: невестка для свекрови чаще всего посторонний человек.

Надежда Александровна была замечательной рассказчицей. Когда мы приезжали к ним в гости, я всегда крутилась на кухне, чтобы побольше услышать её удивительных рассказов. Вот так все тридцать

пять лет с открытым ртом просидела рядом. Ах, как она рассказывала! Как актриса! И такая же была необыкновенно красивая. А однажды она сказала:

— Алла, я тебе сейчас кое-что расскажу, но это должно умереть с тобой.

Это была повесть о ней самой, ее откровение. На самом деле за внешней неприступностью и красотой скрывалась одинокая и не очень счастливая женщина: трое детей, муж... Все считали, что он ее очень любил... Он ревновал до безумия, а она была очень гордая и верная жена.

Надо сказать, что дети Пуховых — Александр, мой муж, и две его сестры — Лира и Вера — не похожи друг на друга ни внешне, ни характерами, ни судьбами.

Моей самой закадычной подружкой из всей родни мужа стала его младшая се-

Н.А.Пухова, свекровь.

Надежда Александровна и Леонид Федорович Пуховы.

стра Вера. Когда мы поженились, Вере было всего двенадцать лет, но разница в возрасте не мешала нам проводить время весело и в полном взаимопонимании. Мы с ней так и до сих пор — не разлей вода.

Вера рано встретила свою женскую счастливую судьбу: с будущим мужем Колей дружила со школьной скамьи. После уроков они частенько прибегали в подъезд Вериного дома и подолгу ворковали на третьем этаже. Я не выдерживала: «Господи, Боже мой, ну дети ведь еще, голодные стоят». Бутербродов быстренько наделаю, по компоту налью, и потихонечку им на третий этаж: «Вот, перекусите немного». Колю еще с тех пор звала родственником. И надо сказать, эту взаимную симпатию и доброжелательность мы поддерживали все годы нашего знакомства. Относился он ко мне настолько бережно, что не останавливался даже перед довольно трудным выбором.

Был как-то случай. В то время Леонид Федорович Пухов уже был болен диабетом, и ему отняли ногу. Мы часто к нему ездили: то коляску, то врачей привозили. Проблем с дорогой не возникало — двадцать минут до аэропорта Быково, потом сорок минут на Ан-24 до Иванова, а там нас встречал Коля. Вся поездка занимала не больше двух часов.

Родня Пуховых. Село Палех. 1971.

В 1988 году мы очередной раз приехали провести отца. Коля нас встретил на «Волге», и все вместе отправились на дачу к врачу. Приехали, а тот только руками разводит:

— Не могу. Жена велела поле вскопать...

Поле оказалось приличным — соток десять. Тут Александр Леонидович, недолго размышляя, подошел к доктору, взял из его рук лопату и уверенно сообщил:

— Моя жена Вам вскопает. Садитесь в машину... — и сунул мне лопату.

Я оторопела. Стою с этой лопатой в обнимку и наблюдаю, как муж и врач усаживаются в машину. Безусловно, я бы копала, но вдруг Николай вышел из машины и решительным шагом направился ко мне, взял из моих рук злополучную лопату, с силой зашвырнул ее на другой конец поля и твердо произнес:

— Алла, немедленно в машину!!!

Если учесть, что Коля — зять Пухова, очень его уважал и был значительно младше, то можно понять, насколько непросто ему дался такой поступок.

Коля обладал удивительной способностью — он умел любить. Любил он всех — жену, детей, внуков, не просто декларировал свою любовь, но проявлял в эмоциях, заботе, поступках. Даже то, как он ушел из жизни, будто доказывает его заботливую, бережную любовь.

В декабре 2012 года утром Николай готовился отвезти жену на работу:

— Верочка, — попросил, — ты подожди, холодно, сейчас машину прогрею, потом сядешь.

В этих словах отражается его привычное отношение к близким.

После работы Коля ехал забирать жену, по пути заехал в магазин, купил продукты и торопился к любимой Верочке, чтобы отвезти ее на какой-то банкет. В дороге почувствовал себя плохо, свернул, заглушил двигатель и... умер. Жил любя, и ушел так же, не обременяя любимых... Но, безусловно, эту потерю нельзя восполнить, и для Веры жизнь изменилась...

Надо сказать, родня у Пуховых большая, и принимали меня все по-разному. Некоторые считали, что Саша очень красивый, а я ему не подхожу, во-первых, старше, а во-вторых, не достаточно для него хороша. Но были два дядьки и две тетки, которые души во мне не чаяли.

Одна из них — тетя Маша, умерла совсем недавно, в апреле 2014, ей было девяносто три года. А вторая — ее сестра Нина. Жили обе в Палехе и очень меня любили. В Палехе у них была своя баня. Помню, Нина меня как-то веником парила, а во мне было всегда сорок пять килограмм, и как запричитает:

— Девочка моя, ну в чем душа держится!

Ну а после парилки мы с ней в речку Палешку окунались. Хорошо — словами не передать! По иронии судьбы эта речка последней видела Нину живой. Нина умерла от инсульта очень рано, ей не было и шестидесяти. Перед Пасхой пошла на Палешку половики полоскать, там и предстала перед Богом.

Всего же у Сашиной бабушки было семеро детей. Два брата Леонида Федоровича Пухова — Николай и Владимир — меня тоже любили. Дядя Коля был конюх, бедный несусветно, но он первый подарил нам палехскую шкатулку. Храним и любимся ею вот уже пятьдесят лет. И ничего с ней не происходит...

НЕВЕСТКА*

Воспоминания Веры Леонидовны Кузнецовой, в девичестве Пуховой

Из детских воспоминаний — взрослые разговоры о невестках и снохах мне казались несколько колючими, чаще всего связанные с осуждениями поведения этих самых невесток и снох. В моей жизни получилось все наоборот. Этот человек для меня и всей моей семьи стал по-настоящему родным и близким. Можно привести массу красивых эпитетов, характеризующих мою невестку, и ничего не сказать об Аллочке — так я называла её всегда. Какая она?

На память сразу приходит 1984 год. Мне тридцать восемь лет, у меня семья: муж, две дочери — младшей всего полтора года, и мне предстоит операция, довольно серьезная по тем временам. Как только об этом узнала Аллочка, коротко в трубку сказала: «Я еду!» Я пыталась объяснить, что за мной есть, кому ухаживать, что у нее самой семья, серьезная работа, но в трубке прервал меня голос Аллы: «Верочка, о чем ты говоришь?! Из наркоза я буду выводить тебя сама!» И, действительно, «выводила». У нее вообще какой-то особый дар и особые познания по медицине, она просто чутьем определяет, что нужно в той или иной ситуации, хотя никаких медицинских образовательных учреждений не оканчивала. Когда мои соседки по палате (палата была большая) узнали, что она москвичка, да ещё инженер — конструктор по вертолетам и доводится мне всего-то невесткой, то честно признались — не думали, что такое бывает в жизни. Аллочка три дня прожила со мной в больнице: контролировала и врачей, и медсестер, что назначено, как назначения исполняются, делала сама мне массаж, помогала с гигиеной и не только мне, но и другим, нуждающимся в этом женщинам палаты. А на ночь обязательно сама мыла с хлоркой в этой огромной палате пол, проветривала помещение, чтобы всем больным спалось на свежем воздухе! И только когда я встала на ноги, она вернулась домой.

1985 год. Маме поставили диагноз: рак левой почки. «Сноха» по короткому телефонному звонку опять, бросив все свои дела и проблемы, примчалась за триста километров в Иваново и весь трудный для нашей семьи период была рядом, поддерживая и словом, и делом.

* Большое участие в написании воспоминаний принял мой муж, собрав истории обо мне. И хотя включения эти мной не запланированы, мои родные и друзья вложили душу в свои рассказы, поэтому здесь и далее с благодарностью привожу их тексты.

Пуховы и Кузнецовы, город Иваново, 1981 г.

Это наиболее значимые события, а вообще мы живем дружно и весело, если долго не видимся, то скучаем. Праздники, юбилеи, дни рождения стараемся отмечать вместе, то в Москве, то в Иваново с посещением Палеха, каждый раз получаем огромное удовольствие от общения.

Были в нашей жизни и горькие времена: уходили из жизни близкие родственники, и Пуховы, при всей своей занятости, всегда находили и время, и силы быть в это время с родней и поддерживали морально и материально.

Брат у меня большой умница, много достиг в профессии. И в этом опять вижу заслугу Аллы. Она всегда давала возможность неограниченно отдаваться своей работе, не нагружала его бытовыми рутинными делами. Я никогда не слышала от нее упреков, что брат большую часть суток находился на работе, не помогал ей в домашних делах и мало уделял времени сыновьям.

Аллочка — оптимист, всегда жизнерадостна, дома у нее порядок и вкусная еда. В свои 78 лет она прекрасно выглядит и, мне кажется, ничем не отличается от той веселой энергичной девочки, которая впервые появилась у нас в доме летом 1958 года, когда мне было двенадцать лет, и я ее полюбила сразу и навсегда!

Вот такая она — моя невестка!

Воспоминания Константина Николаевича Леванюк

Аллу Гавриловну я знаю с 1987 года — с того времени, как женился на племяннице ее мужа А.Л.Пухова — Е.Н.Кузнецовой и познакомился с большим и дружным родом Пуховых. Казалось бы, у нас приличная разница в возрасте, в профессиональном плане тоже — я гуманитарий-законник, она — технарь, живем друг от друга за четыреста километров, да и по крови, как говорят, не родные, но с первого знакомства по настоящие дни тётя Алла (так я ее называл смолodu) родной и близкий человек для меня и моей семьи. Она относится к тем людям, с которыми через пять минут знакомства кажется, что давно знаешь этого человека, хочется быть с ним искренним и откровенным, хочется чем-то поделиться, посоветоваться.

Тетя Алла очень гостеприимная и хлебосольная хозяйка. Бывало, по молодости, ездили погулять по Москве, посмотреть достопримечательности столицы, ну а ночевать — часто к Пуховым, иногда даже без предупреждения. Встречает в любое время суток с доброй улыбкой, хорошим настроением и вкусной едой.

Было у нас с ней общее хобби — шахматы. После застолья, общения с родственниками, мы обязательно находили потише уголок и с упоением играли не одну партеечку. Меня всегда удивляла в тете Алле ее спортивность, энергичность и выносливость. Когда они приезжали в Иваново, то обязательно ездили в Палех, ну а там — в лес, за грибами, целый день пешком, потом еще и приготовление этих же грибов, тут и сильный мужчина не выдерживает, а у нее потом еще и баня!

Я знаю, что корни тети Аллы идут из Сибири, и вот эта закалка, выносливость просто по-настоящему сибирские. Париться она начинает первой, вениками перепарит всех, покупаемся в реке, а выходит из бани самая последняя, когда баня уже начинает остывать. При этом всегда жизнерадостна и в хорошем расположении духа. Я никогда не слышал от нее «устала», «не могу».

Еще меня поначалу поражало, что у нее со всеми родственниками сложились прекрасные отношения. Вот как это бывает: невестка, сноха, суды-пересуды, какие-то недовольства, обиды. В этой семье такого не было никогда: и со свекровью, и с золовками, и с их детьми, — со всеми тетя Алла находила общий язык, для всех у нее находилось время и ласковое слово, каждому уделит внимание независимо от возраста и интересов.

Вообще она человек разносторонний, с ней очень интересно поговорить и о спорте, и о политике, и об артистах, и о жизни в целом. Я считаю, что мне очень повезло, что я приобрел такую родню, среди которой есть замечательный человек — наша тетя Алла!

Школа

УЧИТЕЛЯ

В нашей небольшой докучаевской послевоенной школе были удивительные учителя. Мне и сейчас непонятно, как люди такого ума, знаний, образования могли там оказаться.

Мария Васильевна Аедоницкая — преподаватель немецкого языка. Известный композитор Павел Аедоницкий - ее племянник.

Удивительно образованный и душевный человек, она училась в Сорбонне, знала четыре языка. Мария Васильевна была у нас классным руководителем, когда ей было уже за семьдесят. Это была одинокая старушка, седая, как лунь, сухопарая, со следами былой красоты. Необыкновенная умница. Она нас всех обучила немецкому разговорному языку: мы пели песни на немецком, ставили спектакли, а когда я приехала в Москву, то одинаково плохо говорила на трех языках — русском, украинском и немецком. Сама Мария Васильевна была необыкновенно артистична, что, несомненно, влияло на нас, формировало детскую душу.

Математик — Онипко Николай Яковлевич — выпускник киевского университета. Николай Яковлевич приносил мне огромные амбарные книги с университетскими лекциями по математике, вот с их помощью я и освоила дифференциальное и интегральное исчисление еще в школе. Что характерно для того времени, у нас не было тетрадей, поэтому использовались старые, исписанные (писали между уже написанным). Позже, уже в институте, у меня не было никаких проблем с математикой, хотя при этом многие одноклассники, «не дружившие» с предметом, лишились повышенных стипендий.

Арифметику вел у нас Дмитрий Ефремович. Мне нравилось, как он преподавал материал, если кто-то не понимал его объяснения, он очень нервничал и всегда говорил: «куриные мозги», при этом тряс руками надо мной, потому что я сидела на первой парте.

В жизни часто непреднамеренно возникают комические ситуации. Однажды Дмитрий Ефремович на чьи-то «куриные мозги» тряс руками, а я снизу наблюдала, как при этом у него шатается и вот-вот выпадет передний зуб. Относилась я к Дмитрию Ефремовичу с почтением и уважением, поэтому абсолютно откровенно и с лучшими намерениями произнесла:

— Дмитрий Ефремович, у Вас зуб сейчас выпадет.

Класс грохнул, а мне было сказано:

— Петрова, встать и выйти за дверь!

И я встала и вышла.

ШКОЛЬНЫЕ ДРУЗЬЯ

Все мои друзья по жизни и единомышленники по работе люди выдающиеся.

Надо сказать, что из нашего класса живы и в строю еще многие. Класс у нас был сборный. В 1944 году только ушли немцы, поэтому в нашем классе собрали всех, кто был в пределах школьного возраста, не взирая на годы рождения.

Со второго по десятый класс в школе у меня был хороший друг Гена Польшин. Жили по соседству и дружили, он носил мой портфель в школу, был мой «оруженосец Санчо Пансо», как все говорили в шутку.

Парнем Гена вырос порядочным, умным и красивым: пшеничный кудрявый чуб, голубые глаза, словом, обладал очень открытой и приятной внешностью. Учился в Харькове, потом переехал в Москву и окончил Химико-технологический ВУЗ. Мы с ним постоянно встречались, поддерживали связь, даже были на его свадьбе.

В 1960 году Гена познакомил меня с будущей женой Татьяной. Девушка была из обеспеченной семьи, отец занимал высокий пост, красивая, но очень кокетливая. Я любила Геннадия, как брата, и, увидев, поняв особенности его избранницы, постаралась аккуратно предупредить друга о возможных последствиях. Свадьба состоялась, вскоре у них родилась Маринка, а спустя еще какое-то время произошел предсказуемый развод. Знаю, что отец Татьяны полюбил Геннадия, опекал как сына и после развода разменял их трехкомнатную квартиру на две на одном этаже: в двухкомнатной квартире поселились бывшая жена и дочь, а в соседней жил Гена.

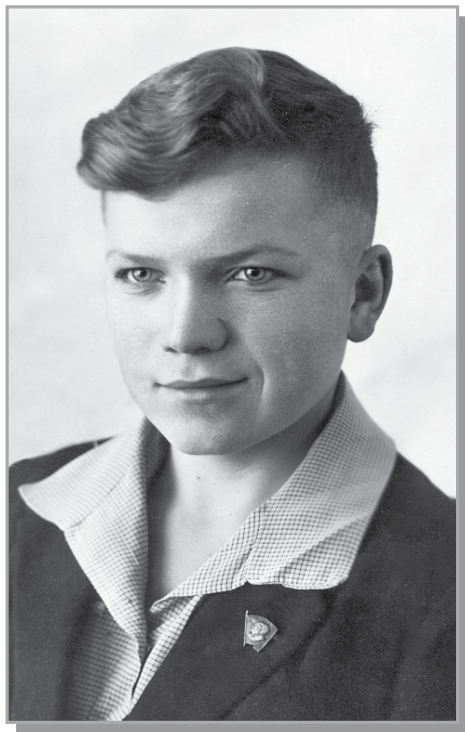
Жизнь на разводе не заканчивается, так что спустя какое-то время в Докучаевске Геннадия женили на двоюродной сестре, которая родила ему дочку (по совпадению — в тот же день, когда родилась моя внучка).

Онипко Н.Я. (второй ряд, 5-й слева), Нелли Вещунова
(первый ряд, 3-я слева), Юрий Пшеничный (верхний ряд 4-й слева),
Виталий Борцов (верхний ряд, 3-й справа).

Польшин был другом детства и на всю жизнь. Так что мы встречались и помогали друг другу, в том числе в делах, связанных с родными. Как-то Геннадию понадобилось устроить родственника. А у меня есть очень хороший знакомый на луховицком авиационном заводе — Юрий Абрамович — прекрасный человек, работал летчиком-испытателем, потом начальником летной службы, кажется, и сейчас еще работает. Живет в Жуковском, а работает в Луховицах! Столько лет он каждый день ездит на своей «Волге». Застенчивый, скромный, интеллигентный, а летал замечательно и долго — больше сорока лет. Столько было всего — выжил! Вот он устраивал родственника Гены на работу в заводскую вертолетную группу, которая направляется на поиски, если что-то происходит. Не помню, кажется, фамилия родственника Разумный, там он всю жизнь и проработал.

Гену всегда притягивала техника, и в 1993 году он купил себе старенький «Фиат». Однажды у меня возникло устойчивое чувство, что мне нужно с ним связаться, это было абсолютно интуитивное желание, не подкрепленное какой-либо необходимостью. Я позвонила на

Выпускник Геннадий Польшин, 1953 г.

домашний номер, ответила его жена, Валя:

— Валя, — спросила я, — а где Гена?

— Гена... — она помолчала, — Гена умирает.

Выяснилось, что Гена в гараже что-то делал с машиной, она неожиданно вспыхнула, он тушил, обжег всю спину и руки.

После случившегося Геннадий выжил. Родные его вывели: отвезли в Докучаевск, там он восстановился, но на образовавшихся рубцах развилась саркома кожи. Примерно через год в возрасте пятидесяти семи лет Геннадий Польшин умер. В июле 1994 года мы похоронили моего друга в Докучаевске, я ездила проститься.

Второй мой школьный приятель — Виталий Борцов — интеллигентный, тоже очень способный и талантливый. Мама Виталия, Елена Самойловна, преподавала в нашей школе математику. По национально-

сти она была еврейка, а отец — Борцов Иван — русский. Виталий от смешения этих кровей получился красивым, высоким, голубоглазым, но с чуть оттопыренными ушами. Ко всем внешним достоинствам прилагались ум и широкий кругозор. Для меня, так же, как и для Борцова, решать математические задачи было не сложнее, чем семечки щелкать. Поэтому на всех контрольных и самостоятельных мы с Виталей оперативно выполняли и первый, и второй варианты заданий, передавали свои листочки, а сами уходили гулять. С Борцовым было очень интересно. Полное взаимопонимание сохранилось между нами в старших классах и в студенческие годы. Встречаясь на каникулах в Докучаевске, мы с удовольствием часами гуляли, разговаривали, потому что всегда наше общение было необыкновенно интересным. Виталий закончил Харьковский политехнический вуз и распределился в Москву.

Несмотря на территориальную близость, теперь мы видимся редко. Последнее время только созваниваемся. Но в 1968 году я поехала с

младшим сыном Андрюшкой на море в пансионат в Седово. По чудесному совпадению туда же Елена Самойловна устроила свою невестку Нину, жену Виталия, с ребенком. Мы с Ниной не просто познакомились, а стали близки за этот месяц совместного отдыха и превосходно его провели. Оказалось, что наши жизни во многом совпадали, а в некоторых случаях даже во времени — по месяцам. Мы параллельно учились — я в МАИ, в Москве, а они в Харькове, у нас в одно время родились дети. Ирочка — ровесница моему старшему сыну. Как-то на пляже я не выдержала и поделилась впечатлением:

— Ира, ну как ты похожа на своего отца!

— Да, — ответила Ирочка и отодвинула косички, а там — точно такие же оттопыренные ушки, как у Виталия!

К тому моменту она была у них одна. Но в апреле 1970 года у нас было новоселье. Я позвонила Борцовым, чтобы пригласить отпраздновать наше событие, а в ответ узнала, что у них своя большая радость — в семье пополнение, Нина родила вторую девочку.

Еще в нашем классе учился Пшеничный Юра, творческая личность, художник. С ним у нас были какие-то юношеские романтические переживания. Юра окончил Харьковский политехнический институт. Однажды он приезжал ко мне в Москву, мы гуляли и рассматривали достопримечательности. Но его жизнь сложилась не очень удачно, если коротко: женился, развелся, стал пить, пьяный замерз. Ему было около пятидесяти. Похоронили Юру в Докучаевске, когда я приезжаю, мы обязательно ходим на могилу.

Самой надежной и верной подругой-одноклассницей стала Нелли Вещунова. На протяжении семидесяти лет мы общаемся и дружим до сих пор. В школьные годы жили по соседству.

Нелли была умненькая, гуманитарного склада девочка. Профессию выбрала строительную, часто ездила в командировки, и каждый ее приезд в Москву мы встречались. Сидели полночи разговаривали. Раз за два Нелли приезжала и жила у меня в Ильинском.

Жизнь Нелли складывалась нелегко. С мужем разошлась, воспитывала дочь Ингу — ровесницу моего младшего Андрюшки. И во все свои сложные драматичные периоды она ко мне приезжала, а я помогала ей, чем могла. Мне хотелось, чтобы она знала, она не одна, и у нее есть опора в жизни.

Когда в 2014 году начались беспорядки на Украине, я тут же предлжила:

— Собирай свою дочку, внука и приезжайте — проживем.

Тогда Инга, дочь, не хотела в Россию, а позже они все же переехали в город Железнодорожск под Курском.

Встреча выпускников в Докучаевске, август 2013 г.

С Нелли меня связывает еще и добрая память о ее маме.

Тетя Дуся была великая женщина, кроме Нелли она вырастила еще двух девочек. Время, когда мы учились в школе, было послевоенное, трудное, голодное. Одеть и обуть было нечего, мы бегали босые целое лето. К первому мая мне мама покупала какие-то тапки, но я их тут же изнашивала, а дальше — лето, пионерский лагерь — всё босиком до осени. И все это голодное нищее время мы кучковались и жили дво-ром. Тетя Дуся, я не знаю, из чего она так вкусно готовила, но всех нас кормила: борщ из крапивы, лепешки из тыквы...

У тети Дуси было полдома, после развода с мужем на одной половине жил муж, на второй она. Он пил, а тетя Дуся ему еду носила.

До 1999 года я каждый год приезжала и всегда к ней приходила. Ела ее вкусный украинский борщ, тушеные овощи и домашнее варе-нье. Все простое, но необыкновенно вкусное. При такой доброй душе тетя Дуся была простая и скромная. Работала телефонисткой на телеграфе. Вспоминаю ее, как свою родственницу, и каждый раз, когда езжу на могилу к отцу, к ней тоже захожу с цветочками.

Тетя Дуся ужасно умерла. Однажды ночью к ней постучались, скорее всего, кто-то знакомый, она открыла, вошли несколько в масках, забрали все, что можно было, а над ней, семидесяти пяти лет женщи-

ной, надругались, а потом отвезли в больницу. Она не сказала, кто это был, но, видно, знала. Через пару дней тетя Дуся умерла после инсульта. Так это кажется незаслуженно по отношению к ней, ведь она святой человек... святой. Трудная жизнь и такой финал...

Помню ее и буду помнить всю жизнь.

ВОСПОМИНАНИЯ НЕЛЛИ ВЕЩУНОВОЙ (КУЛИНИЧ)

Сейчас нас называют «дети войны».

Мы пережили Великую Отечественную войну, видели бомбежки, многие жили в оккупации, ехали в товарных вагонах в эвакуацию на Урал и в Сибирь, после освобождения от фашистов возвращались в родные края. Потом были голодные холодные послевоенные годы.

В 1944 году моя семья вернулась из Алтайского края в Еленовские карьеры, ныне город Докучаевск. В том же году семья Аллы приехала из Сибири на восстановление разрушенного Донбасса.

В поселке уцелела школа №1, куда мы пошли в первый класс. Мы с Аллой жили по-соседски, подружались. Поселок разделяла на две части речушка Сухая Волноваха. На возвышенной части (бугре) поселок называли «Электростанция» — здесь были одноэтажные и трехэтажные кирпичные дома, электростанция, дающая электричество всему поселку, предприятиям и рудникам. Поселок в низменной части назывался «Старая колония», здесь были в основном одноэтажные дома из природного камня. Мы ходили в школу на «Старую колонию» через бугор, расстояние немалое. Зимой скатывались с горы на своих сумках из мешковины, портфели были большой редкостью. Весной вброд переходили разлившуюся речушку в резиновых сапогах. В нашем классе было тридцать человек, а возраст от 1932 года рождения до 1935. Старшие верховодили, всячески помыкали младшими.

Алла была не из тихих, училась отлично, а в четвертом классе под её руководством мы дали отпор «переросткам», не дрались, а высказали им свое возмущение, как-то подействовало, перестали нас притеснять.

До четвертого класса нас учила Мария Львовна Строй, очень строгая. Однажды у доски она ударила указкой Лёню Сидорова, тихий мальчик, что-то плохо отвечал, указка сломалась.

И вот Алла и я дома решили выпустить стенгазету: на большом листе нарисовали классную доску, изобразили Лёню и учительницу с указкой и написали: «По лбу трескает указкой, и указки больше нет». Пришли в школу пораньше и на стене возле класса вывесили своё художество.

В школе это вызвало ЧП. наших родителей вызвали к директору школы, ставился вопрос о нашем исключении. Но обошлось, учились мы на отлично, поведение тоже на «пятерку». Так в четвертом классе мы стали «диссидентами», в шестидесятых так стали называть несогласных с чем-то.

Нашим любимым занятием было рисование, кино смотрели в клубе — одноэтажном здании, тогда показывали трофейные фильмы: «Большой вальс», «Девушка моей мечты», «Серенада солнечной долины». А когда увидели фильм «Молодая гвардия», задумали поставить пьесу, но не нашлось режиссера.

В том же клубе была большая библиотека, чудом уцелевшая в оккупации. Заведующей библиотекой была моя тетя, и мы всё лето проводили в библиотеке, помогали регистрировать книги, ставили на стеллажи. И, конечно, много читали: художественная русская классика, даже дореволюционного издания. Зачитывались Дюма, Ж.Верном, М.Твенном, Ж.Санд, Т.Драйзером, В.Гюго, знали и советских писателей.

Развлечения наши: классики, камушки, домики. Весной, когда было уже тепло, бегали на бугры искать какие-то луковицы, корешки, «медвежьи ушки». Всё это считалось съедобным. Фруктов мы не видели в те годы, лишь через несколько лет выросли фруктовые сады, и мы узнали вкус фруктов.

В 1947–1948 годах была засуха, неурожай, голодно. Мы все очень хотели летом попасть в пионерский лагерь, так как там детей хорошо кормили. При поступлении в лагерь нас взвешивали и в конце смены тоже, следили, чтобы дети поправились, набрали вес. Нас кормили хорошо, всем давали «добавки», кто хотел.

Однажды на блюдцах дали кабачковую икру, никто почему-то не хотел есть эту икру, нам она была в диковинку, не понятно, что это. Алла, одна из нашего отряда, съела эту икру. Вечером нас выстроили на линейке и пионервожатый сказал: «Шаг вперед, кто не ел икру». Все шагнули, и Алла тоже. Но вожатый сказал: «Петрова, встань на место, ты икру ела». Так Алла проявила свою солидарность с отрядом.

Потом были комсомольские дружные годы. Алла в классе училась лучше всех по математике, алгебре, геометрии, физике. Учителя у нас были прекрасные, многие с дореволюционным образованием, в основном, мужчины. По литературе — любимые учительницы: Варвара Федоровна Коломоец, Мария Ивановна была знакома с Маяковским. Они нам привили любовь к русской классике, мы читали всё не только по программе. Повзрослели, иногда ходили на танцплощадку потанцевать. У кого-то дома был патефон и пластинки, слушали Шульженко, Петра Лещенко, Утесова, Изабеллу Юрьеву, попадались и трофей-

ные с джазом, «Брызги шампанского». После окончания школы в 1953 году все поступили учиться в институты, техникумы, но летом на каникулах встречались.

В 1978 году была встреча «Двадцать пять лет окончания школы». Многие приехали из дальних мест, пришли некоторые учителя. И в последующие годы собирались, постоянно живущие в Докучаевске одноклассники старались собрать всех, кто приехал в отпуск к родным.

В 2013 году — «Шестьдесят лет окончания школы» Алла приехала из Москвы, я из Киева. Но нас уже осталось немного.

Алла из наших одноклассников самая состоявшаяся в жизни, и в семье, и в профессии. Мы всегда интересовались своей одноклассницей Петровой Аллой.

Мне приходилось и в семидесятых, и в восьмидесятых годах бывать у Аллы в Жуковском. В 2009 и 2010 годах я гостила в её доме. Она — просто умница, как управляется с таким большим семейством: муж, дети, внуки. Обо всех забота, помощь родственникам и друзьям.

Я её так и называю — «Мать Тереза». Ведь своей маме Клавдии Александровне она продлила жизнь до девяносто шести лет! Ради мамы приобрела дом, потому что та привыкла жить в доме, а не на этажах. Дай Бог, Аллочке здоровья и энергии еще надолго, она нужна семье и близким. Она ведь родом из Сибири, родители-долгожители. Держи, Алла, традицию своего рода.

*С папой (перед школьным выпускным),
1953 г.*

КУКУРУЗНИКИ

В послевоенном детстве надо было еще выжить, а выживать нам помогал огород. Отец сутками отсутствовал: то на работе, то в больнице с больными ногами, поэтому помочь он нам не мог. Вдвоем с мамой занимались хозяйством. С десяти лет приходилось и огородом заниматься, и корову доить.

Летом в донбасских степях жарко, иногда полоть и собирать траву приходилось в зной. Так как я была очень маленькая и слабенькая, такой труд для меня был тяжел, порой, до крови из носа.

И вдруг однажды в небе над полем — этот момент я в жизни не забуду — появились «кукурузники»: летают, кружатся над головой! Именно в этот момент я сказала:

— Хочу!

Измученный ребенок, истерзанный, голодный, копается в этой земле и вдруг видит что-то невероятное. Конечно, там был вопль души, определивший весь мой дальнейший путь.

Недалеко от нас был до-саафовский аэродром, самолеты которого летали над нашим поселком, и это было для меня неописуемое счастье. Прибегу, голову задержу к небу, больше мне ничего не нужно было...

Мой выбор был предопределен уже тогда — самолетостроительный факультет Московского авиационного института (МАИ).

Одноклассницы, 1951 г.

Институт

В МОСКВУ

Чемодан купил отец.

Родители не были против моего выбора. Я очень много им помогала и не доставляла никаких хлопот — дом, Вовка — младший брат, были на моей ответственности. Так что отец считал меня самостоятельным человеком лет с десяти: что Аллочка решила, то и хорошо.

Родители собрали мне денег в дорогу, а кроме чемодана отец купил и еще кое-что, сюрприз. Когда я открыла мой первый чемодан, то на дне обнаружила красный цилиндр — здоровую бутылку одеколона «Кремль». В те времена одеколон «Кремль» был довольно дорогим парфюмом со сладким запахом.

Дело в том, что я никогда не была в полном смысле девочкой, которая играет в куклы, общается с подружками, нет, я была другой. Поэтому сюрприз отца да еще в то время, когда мы жили очень плохо, только голод миновал, меня потряс до глубины души. Это отец так предусмотрительно позаботился обо мне, девочке, чтоб я могла поодеколониться, в Москву ведь еду!

— Пап, — удивилась я, — а это зачем? Стоит дорого ведь...

Папа никогда особых политесов не разводил:

— Ну, подумаешь, попользуешься, может, пригодится...

Но мне не пригодился, одеколон я оставила дома, правда, когда мама его нашла, тоже была сражена.

Советский одеколон «Кремль».

Студентки, 1 курс МАИ, 1954 г.

Родители меня проводили до автобуса в Донецк. Из Донецка в Москву я летела на самолете. И хотя это был первый полет в жизни, я его не запомнила, потому что на меня уже навалилась самостоятельная жизнь. Перед окончанием школы я с директором разругалась, медали у меня не было, я летела сдавать экзамены в ВУЗ, где конкурс был двадцать человек на место...

Прилетела во Внуково вечером, села на автобус и поехала прямо в МАИ. Конечно, там все было закрыто, а у меня никого в Москве нет — ни знакомых, никого! И вот стою с этим чемоданом, девчонка семнадцати лет — сорок пять кило, две косички тоненькие. Какой-то паренек пробежал мимо, я его остановила, попросила провести до общежития, он довел до четвертого корпуса, но в общежитие меня не пустили, отправили к комендантше Марии Николаевне. Она потом делилась первым впечатлением:

— Господи, если бы только видела себя в тот момент со стороны, обохоталась бы...

Мария Николаевна отвела меня в бухгалтерию, где мне предстояло провести время до утра. Там стояло три стола в маленькой комнате.

— Вот, — сказала Мария Николаевна, — ложись на стол и спи.

Я была счастлива, несмотря на голод решила не искать на ночь глядя пропитание, чтобы потом не остаться без ночлега, вместо этого постелила на пол осеннее пальто, которое мне отец насильно запихнул, легла и уснула.

Через какое-то время я проснулась и обнаружила, что нас собралась уже целая компания из трех абитуриентов. У кого-то была еда, так что удалось даже перекусить. Мы познакомились, поели, поохотали, словом, ночь провели очень хорошо, потом даже встречались. Девушка, Нелли Мельникова, не поступила, а парень поступил потом.

Утром все сложилось великолепно: я нашла приемную комиссию, там нашли мои документы, меня поселили в общежитие. Вскоре я стала сдавать экзамены. Экзаменов было шесть: русский — сочинение, литература, алгебра, физика, геометрия и иностранный язык. Чтобы поступить, нужно было набрать тридцать баллов. Я поступила.

ГРУППА СД-15

Наша группа в институте была очень талантливая, а курс просто выдающимся. Среди выпускников курса — конструктора, космонавты, бизнесмены. Каждые пять лет мы собираемся. Но время неумолимо, и к 2014 году многих проводили на вечный заслуженный отдых. Из двадцати пяти человек нашей группы ныне здравствуют всего четверо. Большинство выпускников занимали хорошие должности и были уважаемыми сотрудниками. Ради дела я могла обратиться к любому из них и всегда встречала понимание, получала все, что мне было нужно.

В нашей институтской группе учились в основном приезжие и человек пять москвичей. Ребята были очень сильные, умные и порядочные. Мы были дружны, все делали вместе — мальчишки и я: учились, жили в общежитии, отдыхали, ходили в поход, друг за друга переживали.

Самым главным, умным и заводным у нас был Женя Пак. С ним у нас возникли романтические чувства, переросшие в такую любовь, что надо было или жениться, или расходиться. Женя по национальности был кореец, но очень красивый: высокий, стройный спортсмен-гимнаст.

В отношениях с парнями я очень долго сохраняла незамутненность. Если нравился мне парень, мы могли вместе гулять, даже целоваться, но дальше я бежала без оглядки. И когда стал вопрос, что нам надо жениться, это был конец второго курса, я так испугалась, что решила: всё, хватит, дальше продолжать не имеет смысла.

Группа СД-15 в аудитории.

Мы перешли на третий курс, когда я сообщила: «Женя, мы расстаемся». Что тут было! Он бросал институт, даже пытался что-то с собой сделать. Проявляя солидарность к лидеру, группа меня возненавидела, бывшие друзья стали презирать и бойкотировать. Вот тут я хлебнула! Ведь уже привыкла к ним. И потом, что я такого сделала?! За что со мной никто не разговаривал, никуда меня не брали, со мной никаких дел не имели, проходили, как мимо пустого места? Масштаб бедствия был внушительным, поскольку меня игнорировали не только в нашей группе, но и на курсе. Со мной никто не общался, включая соседей по комнате, потому что все были с одного курса. Будто «задвинули» да так, что я осталась одна-одинешенька на весь третий курс. Тот год я прожила будто «в аду». Для Жени я больше не существовала. Он был человек очень глубокий, восточный, у него была страсть, а раз я ему отказала, вычеркнул меня из жизни.. Это было очень тяжело.

Многие из нашей группы стали выдающимися людьми. Калиновский — поляк — уехал к себе на родину и занимался вертолетом W-3, стал Главным конструктором.

Зимин работал конструктором.

Стеценко работал ведущим инженером-конструктором на Ухтомском вертолетном заводе им.Н.И.Камова.

Акиншин Виктор — стал хорошим инженером-конструктором, работал начальником бригады, кажется, занимался лопастями.

Эдик Неймарк был исключительным коммуникатором, симпатичным, румяным и очень покладистым. Мягким обволакивающим голосом на экзамене Эдик говорил что-то вроде: «...как Вы правильно говорили на лекциях..», чем приводил преподавателя в совершенный восторг, а дальше спокойно сдавала вся группа. Эдик очень быстро женился. Какое-то время работал начальником отдела в Госплане

~ 37 ~

Группа СД-15, 1958 г.

На Воробьевых горах, 3 курс, зима.

СССР, а с 1991 года возглавил Управление авиационной промышленности Министерства Обороны России. Я как-то обращалась к Эдику, мне нужен был двигатель на камовский вертолет, хотя он ничего не сделал сам, но правильно меня направил, и двигатель я получила. Слава Мерзвинский — красивый, работоспособный, но как-то не реализовался.

Евгений Толкушкин — мой приятель. Женя был на МВЗ им. М. Л. Миля главным конструктором, заместителем Генерального конструктора по эксплуатации и всегда мне помогал, к сожалению, тоже умер рано.

Группа была исключительная. Хотя до четвертого курса мы не знали, с какой специальностью нас выпустят. В то время на самолетостроительном факультете было четыре специальности.

Признаюсь, когда нашу группу определили как вертолетную, я так расстроилась, что ходила в деканат.

— Самолеты для меня самое главное, причем тут вертолеты, я их и не видела никогда, — просила я. — Переведите.

Но получила отказ.

— Ничего не могу сделать, — сказал декан. — Вы иногородняя, мы собрали вертолетную группу из иногородних. Хотите — переводитесь в Киевский, Харьковский, Казанский ВУЗы, могу поспособствовать, но здесь ничего не могу сделать.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Среди преподавателей МАИ были разные специалисты и по уровню знаний, и по культуре преподавания.

Нужно, конечно, понимать, что это было время бурного развития авиации, но школ и теоретического осмысления еще было не достаточно. Например, аэродинамику вертолета мы постигали на лекциях практически вместе — студенты и преподаватели. А одним из наших преподавателей был молодой парень, окончивший МАИ на три года раньше нас.

Теорию машин и механизмов преподавал Артоболевский Иван Иванович — советский учёный-механик, признанный специалист, академик и Герой Социалистического труда (было раньше такое звание).

Остославский Иван Васильевич читал нам аэродинамику самолетов, известный российский ученый в области аэродинамики, доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники РСФСР. Ему принадлежат некоторые труды по расчету аэродинамических характеристик, устойчивости и управляемости самолета. Три раза был обладателем Государственной премии СССР.

Одно время аэродинамику нам читал А.К.Мартынов, также выпустивший несколько книг и научных работ по тематике.

Теоретическую механику преподавал профессор Г.Н.Свешников. К тому моменту ему было уже лет восемьдесят, а занятия он вел в большой аудитории с кафедрой и двумя выходами. Профессор увлекался во время чтения лекций и неоднократно повторял один и тот же любопытный маршрут: направлялся к ближайшей двери со стороны кафедры, выходил в коридор, там продолжал что-то рассказывать и возвращался в аудиторию через вторую дверь.

С профессором связано еще одно воспоминание из бытовых моментов. Однажды я была у стоматолога в поликлинике МАИ, мне сделали обезболивающий укол новокаина с адреналином, и я отключилась, а когда пришла в себя, то услышала знакомый голос: «Такая большая девица, а уколов боица!» Открываю глаза и вижу — надо мной стоит длинный седой Свешников. Очень интересный был человек.

Преподаватели МАИ.

Преподаватели МАИ.

ОТНОШЕНИЯ

Вернувшись на четвертый курс после каникул, я обнаружила, что из группы со мной по-прежнему никто не общается. А так как у нас было одно развлечение — танцы, которые проходили в нашем же четвертом корпусе в «красном уголке», я спустилась на танцы и заглянула в зал. Там была Нина Котилова, единственная, кто со мной в то время разговаривал. Нина живо позвала меня:

— Алла, иди сюда! Вот, посмотри, там на диване сидит «козерог», — так звали первокурсников, — ну такой красивый, невозможно!!! Пойди, позови его, потанцуй с ним, а я его хоть поближе рассмотрю.

К тому времени зрение у меня уже ухудшилось, глядя в направлении, указанном Ниной, я различила молодого человека, но рассмотреть его тоже не могла. Объявили «белый танец», и я решительно направилась приглашать «козерога». Подхожу и вижу — правда, сидит симпатичный паренек в домашних тапках. Глянула на тапки, потом на него:

— Хотела Вас пригласить...

Он как вскочил и говорит:

— Я сейчас.

Побежал, переобулся, не успела я в себя прийти, как он вернулся, и мы стали танцевать. Вот с того самого момента мы не расстаемся. Так я познакомилась со своим будущим мужем — Сашей Пуховым — тогда молодым первокурсником, который был младше меня на три курса.

Ухаживал за мной Пухов год: ходили в кино, гуляли. В своей группе Саша был лидером и меня как-то сразу охватил своим вниманием. А так как со мной никто не разговаривал, а Пухов со мной и общался, и везде меня с собой брал, то я стала уже с их группой везде ходить — и в

На лыжной прогулке, 1957 г.

Свадьба, 1958 г.

походы, и на дни рождения. Саша даже стал приходить ко мне на лекции. А сейчас бывшие одногруппники вспоминают, что на лекциях мы сидели где-то сзади, и Пухов даже меня целовал. Правда, я этого не помню. Похоже, они возненавидели меня и его заодно, потому что он был высокий, красивый, яркий и очень молодой.

Мы были как брат и сестра. Тогда он был заботливый, не курил и не пил. Поэтому мне свекровь и говорила:

— Вот ты его взяла не целованного семнадцати лет, что сделала, то и будешь иметь.

Мы интересно проводили время. Однажды встречали Новый год у его приятельницы, которая была родственницей какого-то известного человека, чуть ли не племянница Ворошилова. После знакомства с Сашей я подружилась с его другом Валею Малининым, который стал другом всей нашей семьи. Сашины друзья и однокурсники очень быстро стали моим коллективом.

12 мая 1958 года на Сашин День рождения (девятнадцать лет) мы пошли на телеграф позвонить его родителям. По телефону Саша сообщил родным, что женится на мне. Позже в ресторане, где мы отмечали его девятнадцатилетие, будущий супруг озвучил свое решение:

«Мы с тобой женимся». Не спросил — первое время он принимал решения сам, а просто поставил в известность. Я же относилась к этому очень легкомысленно, даже разница в возрасте — почти четыре года, меня абсолютно не смущала.

После ресторана мы гуляли по Москве и не без приключений! Часа в четыре утра к нам пристали хулиганы: сначала попросили закурить, а потом замахнулись на Пухова, намереваясь ударить. Я молниеносно стала между ними и даже начала драться, в то время как мой молодой жених стоял слегка в сторонке! Но все завершилось благополучно.

Вторым решением Пухов сказал, что распишемся после сессии, а жить вместе будем сразу. И так он это сказал — в приказном порядке! Я только и ответила: «Ну ладно, только чтоб у нас сразу не было детей».

14 июля 1958 (день взятия Бастилии) была наша свадьба, мы расписались. Поздравить нас пришла вся моя группа и, признаюсь, после стольких трудных лет изоляции, это было счастьем!!!

А дальше мы опять стали общаться, дружить, позднее вместе работать. Женя Пак даже приезжал к нам в гости со своим сыном, ровесником моего Андрюшки, дети играли, и словно не было тех эмоционально тяжелых переживаний.

В честь нашего бракосочетания родители мужа подарили молодой семье подарок в духе того времени: полное собрание сочинений В.И.Ленина и И.В.Сталина.

Замужем

Первые шаги нашей семейной жизни были связаны с осознанием своей самостоятельности и ответственности не только моральной, но и материальной.

— Мы теперь семья, — сказал мой девятнадцатилетний муж, — и будем жить на свои собственные заработанные деньги.

До этого выбора мы получали посильную помощь от родителей, но я с готовностью поддержала предложение мужа и от помощи родителей отказалась.

Саша сразу озаботился заработком, учился он всегда на «отлично» — и в школе, и в институте, поэтому его с радостью приняли ра-

Молодожены.

ботать на кафедру в МАИ. Но преподавательских денег не хватало, так что по вечерам муж ходил разгружать вагоны. А я, верная подруга, сидела и ждала его возвращения. Давали ему за работу грузчиком от трех до пяти рублей. С тех самых пор никто и никогда нам деньгами не помогал. Наоборот, так как семья у нас организовалась рано, все приятели, которые потом еще лет десять не женились, были частью нашей семьи, в которой им всегда «был готов и стол, и дом».

Помню, как постепенно проходило трудоустройство мужа после окончания МАИ. Александр Леонидович по специальности ракетчик.

— Алла, я решил, — сообщил в конце пятого курса муж, — распределяться буду в город Королев.

— Как же мы будем, — спросила я, — ты распределяешься в Королев, а я-то работаю в Жуковском?

К тому времени я уже три года работала и летала, поэтому решение с распределением в Королев как-то само собой отпало.

Но через некоторое время в Сашиной, всегда богатой на смелые идеи голове возникло новое предложение:

— Вообще-то, я хочу поступить в МГУ на физико-математический факультет.

— Чудесно, — заметила я, — а когда же ты будешь работать?

Следующее предложение исходило уже от меня:

— Смотри, по этой дороге единственная более-менее стоящая фирма — это КБ Туполева. Может, туда тебе и пойти?

Так и получилось. Я потом его тысячу раз хвалила за это решение, все-таки он был очень способный и смог достичь хороших результатов.

СТАРШИЙ СЫН

Мне было двадцать два, я была почти на четыре года старше своего мужа, и ничего не знала из того, как рождаются дети. Мы жили в стране, в которой умели хранить тайны, в том числе и секреты предохранения. Когда ЭТО случилось впервые, я сказала:

— Пухов, только нам надо как-то так, чтобы у нас не было пока детей.

— Пока я не захочу, детей у нас не будет, — с «пуховским» апломбом заявил мой молодой муж. И я поверила...

Кончилось все тем, что я тут же забеременела, с первого раза. В силу природной худобы появляющийся животик стал сразу заметен и привлек внимание моих подруг:

— Пухова, тебе бы надо в консультацию...

— Да вы что! — возмущенно восклицала я. — Быть этого не может!

Но в консультацию от греха подальше решила сходить. Сопровождала меня в поликлинику соседка по комнате хохотушка Валентина. Молодые и задорные мы не могли уговориться и в консультации. Все хихикали, нарушая тишину, характерную для подобных заведений. Наконец подошла моя очередь. Я зашла, села. Врач, усталая пожилая женщина, что-то строчила в карточке больного. На сером лице следы глубокой усталости были особенно заметны. Мне стало жаль ее: «Вот, и я еще зачем-то пришла. Время занимаю». Наконец, она закончила писать и произнесла:

— Ложись на кушетку...

Пока она меня осматривала, расспрашивала и что-то записывала уже в мою карточку, я была спокойна. Закончив осмотр, врач посмотрела на меня:

— Ну что, девочка, четыре месяца беременности...

— Этого не может быть! — пораженная до глубины души воскликнула я.

— Не замужем, девочка? — сочувственно поинтересовалась она.

— Замужем! Но мой муж сказал, что пока он не захочет, у нас детей не будет.

Надо было видеть эту женщину, как она хохотала:

— Дорогая моя, ты скоро придешь к нам рожать!

Подошел срок рожать...четвертого февраля у Романчикова, Сашиного одноклассника, был день рождения. Мы были среди гостей. Клавдия Васильевна, мама именинника, увидев меня любопытствовала:

— Аллочка, когда тебе рожать?

— Не знаю...

— Ты только ничего не бойся, — попробовала поддержать Клавдия Васильевна.

А я и не боялась. Беременность переносила легко. Когда была на седьмом месяце, ходила в поход и даже в футбол играла — на воротах стояла.

Со дня рождения в общежитие мы шли пешком, смеялись и играли в снежки. Уже в общежитии почувствовала, что что-то сжимается и разжимается внутри меня. Тихонько собрала вещи, постучалась к Саше в комнату (мы в разных комнатах жили) и позвала:

— Саш, пойдем в роддом?

— Ну, пойдем, — ответил муж.

По дороге мы опять беспечно болтали и хохотали.

Медсестра в роддоме тут же определила:

— Ты скоро родишь,— взяла мой узелочек с вещами и отправила меня в предродовую.

У роддома 1958 г.

Поздравлять в роддом пришла вся Сашина группа, подарили нам коляску, в записке, которую мне передали от ребят, было написано: «Поздравляем с рождением Александра Александровича!» Так и называли старшего сына Александром.

В новом доме было холодно и неуютно, да еще у хозяйки сын напился. Пухов быстренько позвонил матери, а наутро она уже приехала, сразу натопила с хозяйкой печку, и мы малыша искупали.

— Алла, собирайся, поедem в Ивановo.

С первенцем, 1959 г.

Всю жизнь ей за это благодарна.

В поезде мы ребенка простудили. Для лечения врачи прописали пенициллин. Но и тут возникли сложности — пришла медсестра и вместо ста кубиков ввела ребенку пятьсот. Хорошо, что я сообразила и быстренько побежала в медсанчасть:

— Новорожденный ребенок, месячный, ему сделали укол вместо ста кубиков ввели пятьсот, что будет?

— Судороги, немедленно в больницу!

Я прибежала домой, у ребенка судороги, пена, вызвали врача и, можно сказать, переехали жить в ивановскую детскую клиническую больницу. Малыш умирал — отравление пенициллином. Стали промывать, промыли, но простудили — двустороннее воспаление легких. Вот в этой больнице мы и поселились: детская кроватка и коврик на цементном полу, на котором я спала.

Сначала Саню лечили от воспаления легких. Но в это же время в клинике был колиэнтерит — кишечная инфекция, которая тяжело про-

текает и быстро распространяется. Палата колиэнтеритников была рядом, и ребенка заразили колиэнтеритом. Беда была в том, что для лечения этого заболевания не было лекарств.

Мне повезло. Врач клиники мне рассказала, что у них проходил испытание препарат колимицин. Препарат хорошо себя зарекомендовал, деткам помогал, но в продаже его еще не было. Я быстренько побежала звонить Пухову. Когда надо подвиг совершить, он это делает легко и хорошо, поэтому уже на следующий день Саша передал редкий препарат с проводником поезда.

Еще в 1933 году на базе больницы была открыта кафедра детских болезней медицинского института. Заведующим кафедрой был назначен клиницист, ученый, человек большого личного обаяния — профессор Борис Аполлонов. И вот передо мной лежал спасительный черный порошок и предстоял разговор с профессором Аполлоновым. Я часто видела, как он вальяжно водил по больнице студентов. На следующий день я пришла к Аполлонову.

— Пиши расписку, что ты берешь всю ответственность на себя, и мы начнем лечить. Будем давать потихонечку, небольшими дозами, мы же не знаем, какой он концентрации.

— Борис Павлович, мы сейчас колимицин давать начнем, а рядом палата вся заражена, я тут же его подхвачу.

— Правильно говоришь, — отметил профессор и заключил: переселим тебя.

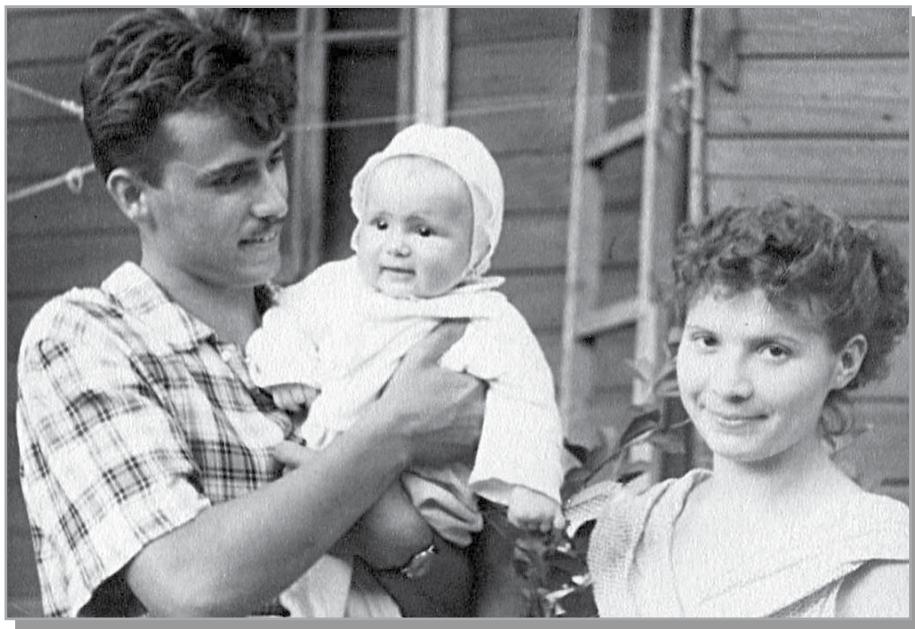
Спустя некоторое время по указанию Аполлонова нашли и отдали в мое распоряжение какой-то чулан. Новое место жительства я привела в порядок — вымыла с хлоркой, купила и разместила в нем детские игрушки. Саньке шел уже третий месяц, он стал реагировать на предметы. Но понос и рвота не прекращались, ребенок продолжал терять в весе. Мы стали давать колимицин. В наш чулан я никого не пускала — ни врачей, никого! Примерно через неделю вдруг кончился понос, кончилась рвота. Помню, когда Саня «сходил» маленькими каралечками, я положила их на видное место, а сама стала на голову и стала дрыгать ногами. В это время мимо проходил Аполлонов со студентами, увидел через стеклянную загородку мои ноги и тут же заглянул:

— Что с Вами? Вы здоровы?

— Здорова, Борис Павлович! Посмотрите, он каралечками сходил! Профессор повернулся и позвал своих студентов:

— Вот здесь, — сказал он, — живет сумасшедшая мать — студентка из Москвы. Она вытащила своего ребенка из воспаления легких и колиэнтерита, никого не пускала и правильно делала!

Перед выпиской профессор позвал меня к себе:

ИВАНОВО, 1959 г.

— Идите в Медицинский, я Вас приму на третий курс, из Вас получится хороший клиницист.

— Борис Павлович, я уже на пятом курсе МАИ. И потом — врачей много, а самолетов еще мало.

Расстались мы очень хорошо.

Уже стало тепло, я часто выносила ребенка на улицу и подставляла солнышку, поэтому, когда мы выходили из больницы, Санька был необыкновенной красоты: подрумяненный на весеннем солнышке с большими темными глазами, черными, как нарисованные, бровями, длинными густыми ресницами, маленьким носиком и выразительными губами. Просто чудо, а не ребенок! Был май и праздник в Иваново, к нам подошла какая-то молодая девица и восхитилась:

— Какая красивая девочка!

— Это не девочка, а мальчик, — отвечаю.

— А какая загорелая! — продолжала девица.

Однажды мы гуляли, а сына несла на руках свекровь, да так гордо, а я где-то плелась рядом. Прохожие то и дело восхищались: «Как похож на маму!». Под мамой, конечно, подразумевалась моя красивая све-

В Докучаевске 1959 г.

кровь, которая с удовольствием поддерживала общественное мнение и не признавалась, что она бабушка.

Вскоре мы уехали в Москву.

Чтобы не платить за съемную комнату, было решено вернуться в общежитие, а Саньку временно отдать на воспитание моей маме. Она была еще молодая и сильная — сорок шесть лет.

На Украине в Докучаевске ребенок прожил год. Я окончила институт, определилась с работой, и мы поехали навестить родителей. Саньке уже было полтора года. Помню, как аккуратно подошла к гамаку, он там спал, наклонилась и смотрю на него, вдруг ребенок открывает глаза и произносит: «Алла...» Это был гром среди ясного неба — «Алла!» Как только я это услышала, собрала ребенка и увезла с собой.

Семья наша воссоединилась, но кроме радости обрела новые трудности. У ребенка была гематома, в ясли его определить было нельзя. Жили мы, полунищие, в Удельной на чердаке. Зимой стены были все в снегу, обогревались рефлектором. Еще с нами жила Лира — старшая Сашина сестра с мужем и дочкой, ровесницей Саньки. Лира сидела с детьми, мужчины учились, я одна работала. Но, главное, сын был

На отдыхе в Евпатории, 1960 г.

со мной. «Алло!» он меня еще долго звал, а я шептала в ответ: «Мама, мама...» и ругала себя: «Ну, какая дура-то, отдала на год и вот что получила!» Это был важный урок. С тех пор, как бы я ни крутилась, ни вертелась, но дети были всегда рядом. Нельзя отдавать детей никогда и никому.

Так мы прожили год, а через год мне дали комнату от предприятія. В то время трудно было с яслями, поэтому очень скоро у Саньки появилась няня — замечательная бабушка Ариша. Она прекрасно справлялась со своей ролью. Жили мы настолько бедно, что и осенью, и зимой я ходила в одних

туфлях, у которых от старости отклеилась подошва. До работы добегала в шлепающих туфельках, там переобувала ноги в унты, так и перебивалась какое-то время, пока бабушка Ариша не отдала мои туфли в ремонт своему соседу.

Саня рос интересным и красивым ребенком. Я с ним с раннего детства делилась и советовалась. Как-то бежим на электричку, зима, он у меня на руках в кроличьей шубке и кроличьей шапке, такой хорошенький, вдруг я вспомнила:

— Ой, Саня, паспорт забыла! Чувствуешь?

— Чувствую, — серьезно ответил двухлетний малыш.

В детский сад Саню отдали в три года. Ребенок был задиристый, жизнерадостный и активный, к тому же не только сам любил подраться, но иногда, защищая сына, драться приходилось и мне.

Саня с первого класса мне во всем помогал. Учился он сам и всегда хорошо. В начальных классах у него была замечательная учительница Татьяна Андреевна, русская красавица, которая очень любила Саню и благодаря которой я стала обращать внимание, насколько мне повезло с сыном. Позднее, когда Саня пошел в четвертый класс, мы переехали в город Жуковский. Но еще лет пять мой благодарный ребенок приезжал к Татьяне Андреевне с цветами.

В школу я ходила редко, Саня был отличником, поэтому на родительские собрания я приходила только послушать, какой замечательный у меня сын. К тому же он был для меня незаменимым помощником, собеседником и даже советчиком. К сожалению, тогда я была все время в работе и заботах, поэтому не могла дать старшему сыну много ласки, нежности, внимания, ему доставалось то, что можно назвать «воспитанием». После работы в ЛИИ и испытательных полетов у меня начиналась вторая смена дома — постирать, приготовить, накормить, спать уложить. Помочь было некому. Поэтому Саня вырос очень самостоятельным, независимым, ответственным.

В девятом классе сын уверенно заявил: «Я хочу поступить в колмогоровскую физико-математическую школу». Вступительные экзамены сдал успешно и девятый, десятый классы учился там. Поступив, мой ребенок уехал жить в интернат при школе. И хотя на поцелуи и ласку мне времени не хватало, я всегда была мамой, которая вникала во все дела своих детей. Поэтому активно участвовала в жизни его класса, постоянно таскала им еду, это были непростые в плане обеспечения семидесятые годы, а они приезжали ко мне всем классом в Жуковский. Сане и тут повезло с учителями, в школе работала замечательная учительница русского языка и литературы, которая возила свой класс по музеям и театрам, что, бесспорно, повлияло на развитие детей.

Школу Саша окончил хорошо — одна или две «четверки», а затем поступил в Московский физико-технический институт в городе Долгопрудный (МФТИ). Учился на отделении теоретической физики, окончил с «красным» дипломом.

Парнем Саша был очень красивым — высокий, стройный, отбоя от девушек не было, а в характере моего старшего сына очень много смешалось знакомых черт — от моих отца и мамы. Ко мне Сашины поклонницы относились с уважением и даже цветы дарили. Саша стал все чаще задерживаться, поздно приходил домой.

В июле 1984 года мужа положили в больницу с почками. Это был трудный период для меня. Нужно было мотаться в больницу, а тут еще умер после тяжелой мочекаменной болезни мой любимый кот Кузьма. От перенапряжения и усталости я совсем расклеилась, и когда мне стал мерещиться Кузьма, я попросила сына:

Ольга и Саша 1984 г.

— Саня, у тебя много знакомых девочек, ты выбери какую-нибудь поскромнее и подороже, и приходите к нам. Я немного успокоюсь, главное, чтобы Кузя мне не мерещился.

И Саня привел Ольгу. Девушка оказалась очень милой, интересной, начитанной и общительной, училась в медицинском, года на два младше Саши.

Ольга стала приходить к нам, мы пили чай и всегда что-то обсуждали, потом Саша провожал ее домой. Так потихоньку стало все восстанавливаться, у старшего Пухова успешно прошла операция, и на реабилитационный период мы уехали в Геленджик.

После нашего возвращения с Геленджика, в ноябре, Саня мне объявил:

— Мама, Ольга беременна, надо жениться.

— Саня, — поразмыслив, предложила я, — мне сорок девять лет, если вы из-за ребенка жениться решили, то не нужно, я его воспитаю.

В декабре сыграли свадьбу. Этот был союз не по любви, но они так решили, и я приняла.

После свадьбы молодые жили у нас. В июне родился любимый первый внук Илюшка, в полтора года малыша отдали в ясли, а с пяти лет

его родители разошлись.

Илья долго жил у меня, водила его в детский сад, с шести лет — в музыкальную школу, потом в обычную. Наши отношения с Ольгой остались очень доброжелательными до сих пор. Но с Саней они оказались разными людьми.

Через десять лет Александр женился второй раз на женщине совсем другого типа. Ирина как раз оказалась очень семейной, прекрасной хозяйкой, заботливой женой и мамой. Встретились они уже зрелыми людьми, а Ванюша, самый младший мой внук родился, когда им было за сорок.

Любовью всей жизни моего старшего сына стала физика. С ней он никогда не расставался, не терял и не бросал. Сейчас он — Пухов Александр Александрович, ученый, доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник, автор книг и научных статей.

МЛАДШИЙ СЫН

В январе 1964 года я случайно забеременела. Муж был против рождения второго ребенка — комната десять метров, развернуться негде, и один уже растет. Так как я человек «железный», то решила: не хочешь — не будет. Сходила в больницу, взяла соответствующую бумажку, подготовилась, собрала в сумку тапочки и халат. Всё, как положено. Завтра нам (мне и одной приятельнице) идти. Восемнадцатого марта, как сейчас помню.

Ночью приснился мне сон... До сих пор спокойно не могу вспоминать... снился ребенок, что я его убиваю, что он протягивает ко мне ручки... Проснувшись в ужасе и тут же решила — ничего, и с двумя проживем. Я всегда мужа отпускала на все четыре стороны, вся жизнь итак всегда на мне была: работала, деньги в семью приносила, ребенка растила. Словом, отложила тапочки и халат в сторону и с этого момента стала жить припеваючи.

Пухов очень злился, что только не делал. А я была спокойна, не ругалась — делай, что хочешь. Я знала, что все равно все на меня ляжет. Он как-то быстро успокоился, потому что понял — его ничем не нагрузят. И я действительно, чтобы его не нагружать, когда пришел декретный отпуск, взяла Саньку и уехала к маме в Докучаевск.

В октябре я родила Андрюшку — 3,4 кг и 51 см (оба сына такие были). Вторая беременность тоже прошла легко, я летала до декретного отпуска. И никаких у меня не было токсикозов, ничего такого.

Втроем. Слева — брат Владимир, 1964 г.

По-прежнему весь быт и ребенок были на мне. Летала очень много: нужно было зарабатывать деньги, семью кормить, готовиться к пополнению.

Сейчас все помнят, что младшего Андреем назвали осознанно в честь великого авиаконструктора Андрея Николаевича Туполева. Но на самом деле перед тем, как отправиться в роддом, я спросила у Саньки: «Сынок, а кого бы ты хотел — сестренку или братика?» А поскольку у него был приятель Андрюшка, Саня тут же ответил: «Черноглазенького Андрюшку». Так вот, Андрей Александрович был назван не только в честь великого Туполева, но и в соответствии

с пожеланием старшего брата.

Андрея я родила сознательно, к тому времени я уже прочувствовала, что такое материнство, поэтому младшему ребенку досталось и ласки, и нежности сполна. Но главное, это было такое желанное дитя, такое любимое, что Санька мне все время говорил: «Вот ты родила себе второго сыночка и любишь его». Ревновал и до сих пор ревнует. Они оба. Этот считает, что я больше люблю Андрюшку, а тот считает, что я больше люблю Саньку.

Андрюшка был заласканный. Надо сказать, что Санька был капризный, плакал много, а этот был спокойный, уравновешенный, доброжелательный. А сколько мы с ним пели! Мы были с ним два сросшихся существа лет до тринадцати, все детство в обнимку.

Когда я стала учиться в дневной аспирантуре, Андрею было пять

Семейный Новый год, 1967 г.

лет, и, конечно, у меня времени свободного не было. Помню, я на кухне готовила, а Андрюша что-то лепил в комнате, лепил-лепил, а потом подошел ко мне, и своим особым басом попросил (у него был бас, у Саньки нет): «Мам, приласкай меня». Я быстренько все бросила, обняла его, и мы запели полонез Огинского...

Я, конечно, все им отдавала. А сейчас послушаешь, все они сами сделали, Санька сам стал профессором, доктором математических наук. Сейчас они говорят, что я мало уделяла им времени, а ведь все было отдано работе, детям, чтобы обеспечить их — накормить, постирать, погладить. У меня каждый день из дома выходило трое мужиков в белых рубашках, белых майках и белых трусах.

Долгое время мы ютились семьей в маленькой комнате, пока однажды на моего мужа не обратил пристальное внимание Андрей Николаевич Туполев:

— Ты что такой тощий?

— Да вот, Андрей Николаевич, сын маленький, ночами не получается выспаться.

*«Астероид», слева направо: А.Зайцев, В.Валяев,
А.Пухов, И.Зайцев, А.Мжельский, 1982 г.*

Мужу в то время было всего двадцать пять лет. И когда Андрей Николаевич узнал, что у молодого специалиста Пухова двое ребятишек, семья, которая живёт в десятиметровой комнате, он тут же направил к нам комиссию.

Был солнечный летний день, мы дома с детьми, и у нас царило веселье. Андрюша был хохотун, я бесконечно к нему подходила поиграть, подуть в животик, ребенок в ответ заходился смехом, а Санька его в этом поддерживал. В это веселье и попала жилищная комиссия, которой стоило большого труда даже заглянуть к нам внутрь, поскольку жилье наше для свободного передвижения не годилось: супружеская кровать, кровать Саньки, стол и коляска с Андрюшкой заблокировали все проходы.

Веселая, худенькая, с двумя девичьими косичками и в платье из детского мира, я заинтересованно смотрела на группу незнакомых людей, ведь о том, что это комиссия, мне стало известно гораздо позже.

Двое поместившихся на пороге, удивленно глядя на меня, поинтересовались:

Школьные друзья сына и мои, 1980 г.

— А взрослые дома есть?

— А взрослые — это я!

— Вы тут живете... Как вы тут живете? — все так же смущенно поинтересовались неожиданные гости.

— Очень хорошо живем, — весело ответила я, — может, чаю хотите, идемте на кухню.

Комиссия прошла за мной, но оценив размеры кухни, приняла решение отказаться от приглашения и в полном составе удалилась в неизвестном направлении.

Но посещение комиссии имело для нас замечательные последствия. Благодаря содействию Андрея Николаевича, которому было доложено об увиденном, нам очень быстро дали двухкомнатную квартиру в Томилино на улице Гаршина, в доме 24, квартира № 49. Прожили мы там пять лет, Андрей там пошел в детский сад, а Саня в школу.

Андрюшка был толстенький, румяненький и смугленький, и очень спокойный: спал два раза в день и потом еще всю ночь. Мы часто прогуливались во дворе, Андрюша в основном сидел в коляске, а я его возила. Однажды, уже при подходе к подъезду, малыш (к огромному удивлению местных старушек на лавочке) повернулся ко мне и нехарактерным детским басом что-то спросил.

— Так он у Вас говорит?! — сильно удивились бабульки.

Между тем ребенок встал с коляски и пошел в подъезд.

Сыновья, 1980 г.

— Так он у Вас и ходит!? — разволновались от неожиданности старушки.

— И говорит, и ходит, — улыбаясь, ответила я.

Я всегда говорила, что сына с таким спокойным характером мне послал Господь за то, что я решилась родить ребенка в то тяжелое нищее время.

Из детского садика Андрюшу забирал Саня. По-видимому, еще с тех пор младший не хотел подчиняться, а старший убеждал не словами. Я очень переживала, как они добрались, и всегда домой бежала.

Андрюшка никогда не дрался, его все любили, родители его одноклассников наперебой сообщали, какой он у меня хороший и как он нравится их детям. В классе он был миротворцем, всех примирял.

Правда, учился Андрей похуже Саши. Одно время я даже с ним и его друзьями Андреем Зайцевым и Сашей Мжельским занималась.

Так сложилось, что школьные и институтские друзья моих детей часто приходили к нам и даже становились моими друзьями. До сих пор некоторые из них звонят, приезжают и зовут меня к себе в гости. К сожалению, в моем окружении осталось немного друзей-сверстников, а те, кто остались, уже не в том состоянии, чтобы вести активный образ жизни. Поэтому я общаюсь с сыновьями и друзьями моих сыновей, и это общение дает мне и радость, и силы, и интерес к жизни.

В начале восьмидесятых Андрей с друзьями организовали ансамбль. Репетиции нередко были у нас дома. Оказалось, что мой сын отлично поет. Как-то раз к нам домой прибежал его друг с редким именем Мечислав (в простонародье Мечик) и с порога попросил:

— Алла Гавриловна, дайте гитару, Андрей просит, у них там вечер в шестой школе.

— А мне можно пойти? — спросила я.

— Идемте, только быстрее.

И мы с мужем отправились за Мечиком. Я была не готова к тому, что предстало перед нами — большой зал, огни, темнота, дискотека, а на сцене стоят кудрявые красавцы в белых сапогах и невозможных костюмах и наяривают на своих инструментах песни. Пели они, конечно, великолепно.

Я вышла из зала и оперлась о стену. Мне было ясно, что учебе моего сына, в том числе и в ВУЗе, пришел конец.

Проходивший по коридору директор школы Арон Ильич подошел ко мне и по-отечески поддержал:

— Здравствуйте, ну что Вы так переживаете, это ведь лучше, чем выпивка в подворотне с сомнительными друзьями. Это не худший вариант, поверьте мне.

Выпускной вечер Андрея по намеченному плану начинали праздновать у нас дома. Я накрыла стол, поставила шампанское, выпускники покушали, выпили и довольные отправились на выпускной в школу. Такой сценарий мы разработали на родительском комитете, предположив, что нужно самим организовать детям стол, чтобы не было соблазна выпить на стороне и сверх нормы. Потом мы дежурили в школе у выхода, и все прошло благополучно.

Восьмидесятые годы были тревожными и страшными для матерей молодых ребят. Шла война в Афганистане, наши потери умалчивались, говорить об этом было нельзя, но по роду деятельности я знала, что сотни ребят возвращаются в цинковых гробах или искалеченными на всю жизнь физически и морально. У Андрея в случае если он не поступит, были все шансы уйти сразу на войну в Афганистан, а с его внешними данными — это десантные войска.

Поэтому я решила бороться и, начиная со старших классов, наняла Андрею репетитора, чтобы обеспечить знания для поступления в ВУЗ. Познакомилась с прекрасным талантливым репетитором по математике Геннадием Меркуловым, другом Михаила Иерусалимского. Что характерно, учеников себе Меркулов отбирал только таких, которые хотели учиться и были сообразительными. Мой Андрей на тот момент заниматься дополнительно не хотел, а математику, очевидно,

знал плохо. Романтик, он увлекался девочками, гулянками, спортом и музыкой, был звездой на школьных вечерах, и ему было не до математических формул. Все же удалось эту задачу решить: Меркулову честно рассказала обо всем — и про маячивший Афганистан, и про уровень знаний и желаний сына, а с Андреем состоялся нелегкий откровенный разговор.

— Хорошо, — сказал он, — я буду заниматься, только чтобы ты туда близко не походила... буду сам.

— Договорились, — согласилась я.

Два года Меркулов подготавливал Андрея по физике, геометрии, алгебре и сделал свою работу блестяще. Андрюшка умный и азартный. Эти качества помогли ему втянуться и освоить материал настолько, что он рискнул поступить в Московский физико-технический институт на Факультет аэромеханики и летательной техники, но на последнем экзамене неожиданно получил двойку. Сбравшись, с учетом приобретенного опыта, через две недели сдал все экзамены в Московский авиационный институт, что было и легче, и результативнее.

Выбор Андрея — авиация — для нас с мужем не был неожиданным. Став студентом МАИ, сын на втором курсе переехал из дома в общежитие, в комнату четыреста восемнадцать все того же четвертого корпуса. На третьем курсе (после сопромата) появилась Таня, будущая жена Андрея. В один прекрасный день младший сын повторил историю старшего брата, поставив нас в известность:

— Таня беременна, мы женимся.

Свадьба выпала на Ленинский субботник — 20 апреля. Праздновали в нашей квартире, гостей было человек шестьдесят-семьдесят. Сутки пришлось готовить, но у меня все получилось, и свадьба прошла великолепно. Единственное, что меня расстроило — это будущая теща сына, которая, к сожалению, с годами не становилась ни лучше, ни роднее.

С первой женой Андрей прожил ровно двадцать лет, в этом браке родились Надюша и Андрюша. К Татьяне я относилась очень хорошо, объективно, она была доброй, ласковой, дети были ухожены. Мы с ней ладили. Жизнь их совместная была разной, но расстались они, как я думаю, во многом благодаря деятельному участию в их жизни все той же тещи.

Однажды я случайно приехала к ним в гости и неожиданно узнала, что внук Андрей исключен из школы и оказался замешанным в какую-то нехорошую историю. Родители явно не могли разобраться, кто виноват и кто должен решать ситуацию. И я забрала Андрюшу себе.

В выходные внук ездил к родителям, а я, переживая, чтобы за два

Сыновья, 2006 г.

дня он не натворил каких-нибудь новых дел, попросила Андрея-сына проследить за ребенком. Старший Андрей решил вопрос современным способом, установив на домашний телефон прослушивающий «жучок». Эти записи и сыграли роковую роль для семьи. Когда я услышала, о чем разговаривала Таня, я поняла, что Андрей ее никогда не простит, и не препятствовала их расставанию. К сожалению, их развод перечеркнул все хорошее, что было за двадцать лет совместной жизни, кроме рождения внуков.

Мой сын Андрей, как мне кажется, реализовал себя в авиации: доктор технических наук, профессор, почетный авиаконструктор, занимается самолетами, экранопланами, вертолетами, автор статей, очень творческий человек.

Я горжусь своими детьми, потому что они глубоко порядочные люди. Горжусь их профессиональными достижениями, горжусь, что воспитала их трудолюбивыми, горжусь их детьми. Мои дети сейчас дают мне ту заботу, которой в жизни ни от кого не видела. Особенно я благодарна за это Андрею, он умеет облегчить нам с отцом жизнь.

Сыновья — самое главное в моей жизни. Самые дорогие и близкие люди, самые важные, они единственные, кто может меня чем-то

обидеть, не намеренно, конечно. Они — мое продолжение. Их жизнь, мнение, слова, — очень много для меня значат. К остальным людям и событиям опыт научил относиться спокойно и не принимать близко к сердцу.

Вся моя жизнь крутится вокруг моих детей. Жила и делала все для них, как умела... хотя им, конечно, сейчас кажется, что они сами родились профессорами и докторами.

АВАРИЯ

В августе 1976 года я уехала к родителям в Докучаевск. Незадолго до этого мы заняли деньги, по тем временам сумму крупную — три с лишним тысячи рублей, и купили машину «Москвич 412». Буквально на следующий день после моего приезда в Докучаевск мне позвонили: «Алла, срочно приезжай, Саша попал в аварию». Я немедленно выехала обратно в Москву.

Сашу подобрали без сознания. Авария была страшная — лобовое столкновение на огромной скорости. Все случилось напротив поселка Красково. То, что я увидела на железной кровати в коридоре красковской больницы, мало соотносилось с Пуховым, это было месиво.

Врачи сообщили:

- Хорошо, если он сутки проживет...
- Давайте в палату, — попросила я
- Нет смысла. Сутки продержится — не больше...

По коридору распространялся запах водки. Саша, когда сел за руль, был сильно пьян. Этот запах вызвал у меня такую обиду и злость, что я взяла себя в руки и до октября не проронила ни слезинки. Мне нужно было поднимать мужа, плакать было некогда...

У меня не было вопроса, что делать. По опыту знала, что одними просьбами и жалобами делу не поможешь, поэтому стала всем платить. Надо было откуда-то взять уйму денег. В то время я работала ведущим инженером Летно-исследовательского института и к сбору денег подключила всех своих приятельниц. Тактика была правильной. Мужа тут же перевели в палату, правда там уже лежали восемь мужиков. В том числе и Юрий — та самая жертва аварии, с которым Пухов столкнулся «лоб в лоб». Юрке относительно повезло, так как он был за рулем старой «Волги», машины крепкой и с хорошим запасом прочности. В результате он отделался травмой ноги, а от нас получил приличную компенсацию и за травмированную коленку, и за машину.

Хирургом красковской больницы оказался здоровый молодой мужик, который прямо сказал мне:

После аварии 1977 г.

— У нас ничего нет — ни лекарств, ни возможностей. Если есть у тебя возможность, давай врачей и лекарства.

И тут я, конечно, засучила рукава. К тому времени я уже была кандидатом наук, защитилась, и у меня было официально два месяца отпуска. Кроме того, накопилось «не отгуленных» отпусков, поэтому я смело написала заявление и ушла на три месяца.

Одновременно я позвонила на работу сослуживцам мужа, которые тут же откликнулись: «Только говори, что надо». И я писала, и передавала. В больничном коридоре всегда кто-то дежурил, достаточно было выйти и сказать — надо то-то и то-то. Помощь шла со всех сторон. Ну и, конечно, нужны были деньги. Брала займы и записывала, кому сколько отдавать.

А вскоре разбился мой коллега и приятель — Анатолий Иванович Муха. Я плакала: это были первые слезы с того момента, как случилась беда с мужем.

Для начала я выяснила, какие травмы, какова степень их тяжести, а затем рассуждала и определяла, кто из врачей нужен в первую очередь.

Голова была разбита. Диагностировали эмболию мозга, месяца полтора Саша был не в себе: «летал на Марс», бредил. Нужен был ней-

рохирург.

Перелом бедра, разбиты ребра. Здесь работа для травматолога.

Почка оторвана...

Все тело было черное от удара, чтобы избежать застоя крови, сама делала массаж.

Сашу поднимали на ноги уникальные специалисты: В.М.Салазкина, нейрохирург из Москвы, Н.П.Абельцев — травматолог, с ним мы дружим по сей день. В общей сложности я наняла четырех врачей и назначила себя Главным лечащим врачом.

Каждый смотрел и назначал лекарства. Но в сложные моменты приходилось все решения принимать самой. Когда возник вопрос — делать трепанацию черепа или нет, чтобы принять решение, мне пришлось разобраться в голове мужа до тонкостей. В то время томографов на всю московскую область было два, один из них не рабочий, а второй в Дзержинском. Договорились, заплатили. Я подписывала все бумаги и согласия. Что характерно, не было никакой паники, просто делала то, что нужно. Не было даже растерянности.

Томограмма показала, что трепанацию он может не вынести, вероятность летального исхода пятьдесят на пятьдесят. И я отказалась рисковать, решив: делать не будем. И вот тогда Салазкина, уже пожилая женщина, но очень грамотный и умный специалист, сказала:

— Нужно круглосуточно лить через капельницу реополиглюкин, препарат будет промывать мозговую систему и тогда, возможно, эта жировая эмболия уйдет, а отек сойдет.

Каждая бутылка реополиглюкина стоила, как коньяк. В сутки вливали около пяти бутылок. Но это на самом деле сработало, голова просветлялась, а через полтора месяца Саша стал приходить в себя.

С ногой тоже вопрос решили: положили на вытяжку. Он был зафиксирован и неподвижен, чтобы не появлялись пролежни, врачи сказали постоянно делать массажи.

С почкой было сложнее: ее нельзя было трогать — риск высокий, операцию муж мог не вынести. Решили, что почка либо прирастет, либо перестанет функционировать. Саша еще был молодой (тридцать семь лет) и здоровый мужчина, почка приросла. Позже врачи мне сказали:

— Если бы в такой аварии он оказался трезвый, то умер бы сразу.

Надо признать, в больнице я делала все, что хотела — у меня были деньги. Безусловно, я не злоупотребляла. Наоборот, решила, раз уж я в мужской палате нахожусь и мешаю им своим женским присутствием, буду по мере возможностей помогать. Мыла палату, ухаживала, приносили еду для Пухова — кормила всех.

Лежал в нашей палате один старик. К тому моменту ему было, на-

Н.П.Абельцев с женой.

верное, лет восемьдесят. Старик был ничей. Лежал с грыжей. Как потом выяснилось, работал грузчиком на Казанском вокзале. К нему не приходили, кормили его кое-как, за ним никто не ухаживал, его даже не мыли. По-видимому, был он абсолютно одинокий, потому что в больнице он был почти год.

Мне было жаль брошенного и никому не нужного человека. Я заплатила нянечкам, мы отнесли деда в душевую, отмыли, одели во все чистое. Старик заплакал...

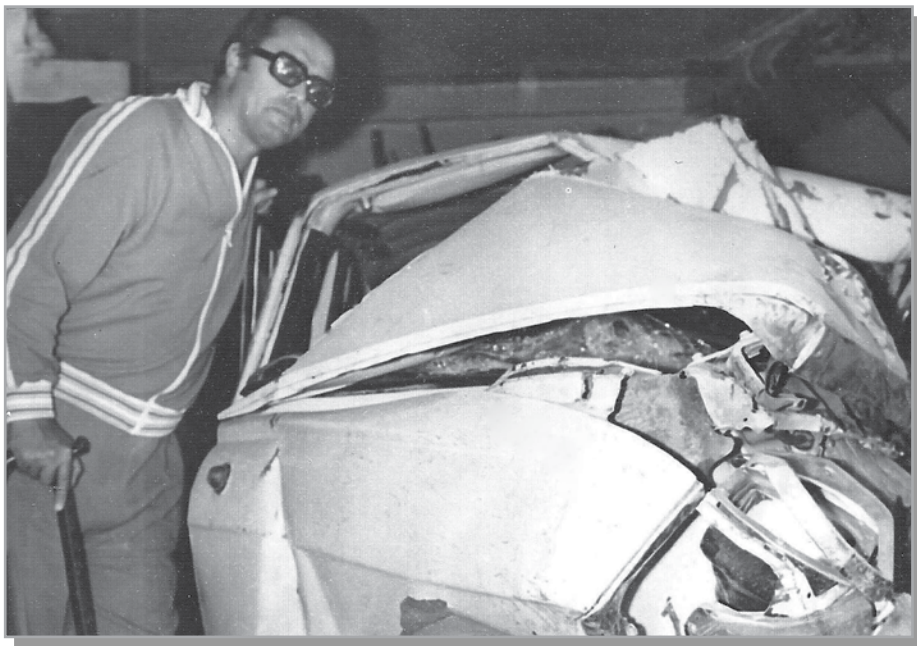
Имя у него было такое редкое, интересное — Ипполит Дорофеевич, кажется. Как-то мою пол в палате, а он вдруг взял мою руку и поцеловал.

Я смутилась:

— Ипполит Дорофеевич, да что же Вы делаете, у меня руки-то все грязные!

— У тебя руки золотые!

По-видимому, мое участие в его одинокой жизни не прошло бесследно и пробудило ответное стремление сопереживать и сочувствовать. Как-то раз кормила мужа, у которого итак характер сложный, а

После аварии.

тут еще и болезнь, что-то ему не понравилось, и он запустил тарелку с едой в меня. Я совершенно спокойно встала, отряхнулась и собрала ложки с вилками. Вдруг Ипполит Дорофеевич, у которого где-то под матрасом была спрятана шоколадная конфета, уже превратившаяся в лепешку, достает свое сокровище и протягивает мне:

— Ты не расстраивайся только...

— Ипполит Дорофеевич, да почему Вы решили, что я расстраиваюсь?

— Да на твоём месте каждый бы уже разрыдался.

Мне мало делали добра, но если кто-то делал, я помню и благодарна всю жизнь.

Через год к нам приехала свекровь. Несмотря на то, что она вынуждена была быстро уехать, я воспользовалась ее приездом и в октябре вышла на работу.

Все, что на меня навалилось, когда случилась авария, морально давило, я была разбита: на руках умирающий муж — нужно ухаживать, обеспечивать лекарствами, искать врачей; тут же приходилось ухаживать за «жертвой», водителем «Волги», с которой произошло

столкновение, выплачивать долг, кроме того — решать вопрос с уголовным делом, которое было заведено на мужа, поскольку в момент происшествия он был пьяный за рулем. Голова шла кругом. Физически я работала двадцать четыре часа в сутки. Мне, безусловно, помогали, в основном материально, поэтому все равно я была одна. У меня был долг пятнадцать тысяч рублей, по тем временам это три «Волги». Потом еще лет десять я возвращала займы.

Наверное, тогда я впервые серьезно задумалась о Боге. Борьба за жизнь мужа в сочетании с бессонными ночами, глубокой обидой на его безответственный поступок, бесконечные консультации с врачами и необходимость принимать очень серьезные решения на грани жизни и смерти, — все это истощило меня и не только в эмоциональном плане, но и физически. Я худела на глазах и буквально теряла силы.

Однажды я бессильно опустилась на свободную кровать рядом с кроватью мужа и подумала: «Как бы мне не свалиться, дело доделать надо...». И в тот момент, среди ночи, кто-то теплыми руками обнял меня за плечи и произнес: «Не бойся ничего...». А я к этому чему-то теплому прижалась и сказала: «Что-то я теряю силы, а мне так они нужны...». И опять услышала в ответ: «Ничего не бойся». Так и не знаю, что это было, возможно, я задремала и мне это приснилось... не знаю, но помню, что я видела перед собой палату...

С этого момента в меня как будто влили силу, я летала как на крыльях, и все стало получаться и устраиваться. Это было так явно, что я подумала — кто это может быть, если не Бог...И поскольку икон не было, я, глядя в угол, искренне шептала: «Господи, благодарю тебя...». Я буквально стала обращаться к Богу каждый раз: «Господи, помоги мне, Господи, помоги мне...». А однажды сказала: «Господи, если Пухов выживет, приползу в церковь, замолю все свои грехи перед тобой, Господи...». А сама удивлялась, откуда из меня, из моих комсомольских уст все эти слова льются.

Муж и в самом деле восстановился и вышел на работу.

Это был 1977 год. Время, когда на церкви и смотреть не решались, за веру или любое проявление религиозности могли наказать, отлучить от коллектива, выгнать из партии, и склонялось бы твое имя на всех партийных и не партийных собраниях. Но я, во-первых, никогда не была в партии и не собиралась в нее вступать, во-вторых, я твердо знала, что свой обет выполню.

В тот день, когда я решила после работы зайти в церковь, ко мне подседа Валя Барабаш, которая всегда очень хорошо меня чувствовала:

- Пухова, колись, что у тебя хорошего произошло?
- Валя, я сегодня в первый раз иду в церковь...

— Пухова, я тебя не брошу, я с тобой...

И мы поехали в церковь в Удельной. Я не считаю себя человеком особенно сентиментальным или чувствительным, наоборот, как технарь опираюсь преимущественно на рассудок и логику. Но когда я вошла в церковь, меня как будто кто-то подтолкнул внутрь. На меня снизошло что-то похожее на отдохновение, потянуло к иконе Спасителя. Я подошла и стала молиться. В этот момент чувствовала себя перед портретом родственника, который мне очень помог, так и говорила с ним простым бытовым языком: «Господи, спасибо тебе за то, что ты так хорошо мне помог». Очень возможно, что я произнесла это вслух, потому что в этот момент ко мне подошел батюшка:

— Первый раз? — улыбаясь, поинтересовался он

— Да.

— Зато искренне...

Так я стала глубоко верующим человеком. И с того случая в больни-

це во мне живет абсолютная убежденность, что все с Божьей помощью смогу, сделаю, выдержу. Я чувствую, всегда чувствую присутствие Бога в своей жизни.

Несмотря на то, что Бог в мою жизнь вошел так ощутимо, я и не думала креститься. Почему-то даже не возникало такой мысли. Только в 1991 году состоялось мое крещение. Это было время путча, гражданской войны.

Время настало тревожное, у меня уже были внуки, давило огромное чувство ответственности за всех. Я всю жизнь прожила с чувством «я должна». В то трудное время я приобрела землю с полуразваленным домом, на этой земле мы сажали картош-

Церковь в Удельной.

ку, капусту, морковку и как-то выживали. Тогда появилось понимание, что надо что-то изменить в своем мироощущении. Напряженность в социальной жизни была такого накала! Хватило бы спички, чтобы все запылало! У меня тогда был приятель, Виктор Самсонов, который часто говорил: «Мне сейчас дай автомат, я всех перестреляю!» И ведь он отражал мнение тысяч людей. Вот тогда, как обычно ночью, ко мне пришло решение: надо креститься. Пришло так же, как когда-то пришло решение рожать Андрюшку.

У моей приятельницы Ольги свекор был священником. К ней я и обратилась с соответствующей просьбой. Крестили меня в день, когда был путч, именно в те самые часы батюшка совершал таинство Крещения, Илья — муж Ольги, был крестным. Мой старший сын тоже крещеный, а младший Андрюша — не хочет. Но я его понимаю. Я крестилась, но в церковь сейчас хожу крайне редко. Раньше моей любимой церковью был Елоховский собор. Когда езжу по делам в столицу, всегда там бываю.

Я часто думаю, что в жизни столько много сделала, столько «везла» и своего, и чужого, что возможно это было только с Божьей помощью. У меня даже появилась собственная молитва: «Господи, помоги мне помочь». И, наверное, поэтому у меня все получалось — маму вытащила, после инсульта она еще много лет прожила, Пухов после такой аварии восстановился, а сколько в полетах было ситуаций! Ведь я пролетала на всех типах вертолетов двадцать пять лет, лучшие летчики погибли, а я жива...

«САМЫЙ-САМЫЙ» МУЖ И ОТЕЦ

Есть семьи, в которых супруги смолоду отношения создают, тщательно берегут и охраняют, а все остальное — работа, увлечения, общение — является производным от заведенных правил. В нашей семье центром событий всегда была сама жизнь, у каждого из нас она была яркой, насыщенной, увлеченной, а отношения складывались на фоне этой бурной действительности и скорее поддерживались, чем специально формировались. Но было одно правило, введенное мной сознательно для детей: их папа, мой муж — «самый-самый». В серьезных ситуациях я всегда говорила: «Отцу скажу». И дети росли с этим пониманием особой важности и значимости отца.

Саша очень редко бывал дома — работа, друзья, приключения. Я понимала, что, женившись в девятнадцать лет, он был лишен определенных прелестей молодой свободной жизни, поэтому жалела его и принимала все «сюрпризы» как должное.

На родине Сурикова.

Мы рано семью завели, рано стали жить отдельно. Лет восемь к нам в Томилино приезжали не только в гости, но и пожить. Я их кормила, постригала, стирала им — родственникам, и не родственникам, даже Сашиним друзьям. Он как-то в Иркутске познакомился и привез домой женщину с ребенком, она у нас жила, а мне все говорили:

— Алла, ну как так можно?

Я отвечала:

— Ну а куда она пойдет?

Словом, дверь у нас не закрывалась. Сейчас я думаю, откуда у меня хватило сил,

наверное, это потому что я их всех очень любила — и детей, и всех остальных...

Наше место жительства было своеобразной штаб-квартирой. У нас часто компанией отмечали праздники, приходили умные, талантливые, веселые друзья, и наши дети всегда были окружены вниманием со стороны очень хороших и интересных людей.

В те редкие минуты, когда Саша бывал дома без друзей, он умел заинтересовать детей, показать им что-то интересное, был добр, и сыновья в эти моменты к нему тянулись.

Отпуска мы всегда старались проводить вместе — ездили на моря, рыбалку, порой, большими коллективами, и дети тоже были с нами. Пухов по натуре заводила, ему это широкое общение было жизненно необходимо.

Объективно муж много делал хорошего людям. Он способен на неожиданные и очень сильные поступки.

*На руках у деда —
Александра Семеновича Долгих.*

В доме есть кровать, на которой спал сам Суриков, а поскольку он на ней не помещался, ноги клал на стоящий рядом со спинкой сундук. В те редкие дни, когда в дом приезжает Никита Михалков, он спит точно так же, как его знаменитый дед.

Не менее интересным было путешествие в село Овсянка под Красноярском, на родину известного советского писателя Виктора Астафьева. В доме, где писатель родился, открыли музей. В то время еще жива была его жена. Перед входом в окружении кедров, рябин и яблонь, посаженных самим писателем, на невысоком постаменте установлена бронзовая скульптурная компози-

ция: Астафьев с Марией Семёновной, которая была ему женой и другом.

Там же в Овсянке мы видели деревянную шатровую церковь с отдельно стоящей звонницей, построенную Виктором Астафьевым и освященную в 1998 году.

Побывали мы и там, где я прожила несколько детских лет. Первой я узнала баню, спустилась к ней, а когда окинула взглядом окружающую картину, то вспомнила и все остальное: дом, школу, заводоуправление.

Мне было семь лет, когда мы похоронили дедушку, помню, что стоя около его могилы, я видела угол бани. И вот мне шестьдесят восемь, я стою у той самой бани, глядя туда, где, должно быть, лежит мой дед Александр Семенович Долгих. Кладбище снесли, но могилы наверняка остались, поэтому я спустилась и стала так, чтобы видеть угол

бани, как видела его тогда, в далеком детстве.

Около крыльца своего дома детства собрала в пакет мазульской земли, потом поделила на три части — папе, маме и себе.

Удивительно, но рудник не изменился, все осталось прежним.

Вернулись мы домой через семь дней, переполненные впечатлениями. Оставалась еще одна не реализованная и туманная цель — Иркутск, город, где я родилась.

В те годы муж занимался самолетами Дальней авиации и был Главным конструктором Ту-22. По роду деятельности ему нередко выпадали командировки в воинские части с инспекцией. В 2005 году Александра направили на авиабазу «Белая», расположенную на территории поселка Средний Усольского района Иркутской области. Вспомнив о моем желании побывать в Иркутске, Саша предложил поехать с ним.

Два дня мы жили на базе отдыха, расположенной у берегов реки Ангара, и я наслаждалась красотой сибирской природы. На третий день нам организовали машину и экскурсию в Иркутск. И опять меня охватил восторг от встречи с детством: вот наш дом, лестница, огромная комната, где мы жили, мой папа учил здесь маму кататься на велосипеде вокруг стола, а когда-то эта комната принадлежала градо-

На юбилей с мужем 2 сентября 1985 г.

начальнику; недалеко от дома церквушка, я помнила ее внутреннее устройство, которое тоже абсолютно не изменилось. Туда меня брала с собой верующая няня, пока она молилась, я рассматривала цветной витраж над дверью в храм.

Поездки на родину в Сибирь, помогли мне сделать важное личное открытие — человек должен возвращаться туда, где он родился и провел детские годы. Мы незримо, но крепко связаны с этими местами, я физически ощущала, что обрела источник, который наполнял меня силой, надеждой, здоровьем.

Конечно, память об этих путешествиях останется в сердце до конца жизни так же, как и благодарность моему «самому-самому», правда, с годами менее терпеливому мужу за неожиданные, не традиционные, но такие важные, красивые и щедрые подарки.

Работа

НАЧАЛО

Институт я окончила по специальности инженер-механик по вертолетостроению, инженер-конструктор. Можно было выбирать распределение в одну из четырех организаций: в конструкторское бюро к М.Л.Милю, Ухтомское КБ к Н.И.Камову, ГосНИИ ГА в Захарово и Летно-исследовательский институт им.М.М.Громова в Жуковском (ЛИИ).

Я пошла в ЛИИ, где трудилась все сорок лет своей профессиональной жизни. Выбор был не случаен — только в ЛИИ можно было быстро получить какое-либо приемлемое жилье.

И действительно, совсем скоро мы стали обладателями отдельной комнаты площадью двенадцать квадратных метров, правда, даже без ванны. Рассудив, что с маленьким ребенком ванна — не роскошь, а необходимость, я произвела обмен на комнату хоть и поменьше — десять квадратных метров, но с ванной. Остальное, как в коммуналке — соседи, условия... Можно сказать, что наш быт стал более-менее устроен.

Структура ЛИИ моего времени объединяла несколько комплексов, позднее они стали называться отделениями. Первое отделение — летная часть, второе, наше, — самолеты и вертолеты, включая аэродинамику, управление, прочность, системы, испытания и предложения по модернизации, совершенствованию вертолетов и самолетов. Кроме того мы готовили так называемые РИАТы — Руководства по испытаниям авиационной техники, по которым помимо ЛИИ свои испытания проводили заводские ЛИКи, ЛИСы, военные, ГосНИИ ГА. Третье отделение занималось двигателями, четвертое отделение стандартизацией, пятое — конструкторское бюро и производство, в нем отрабатывались чертежи, электрические схемы и многое другое, шестое — приборы, измерительная техника, седьмое — ракеты, восьмое — электрооборудование, девятое отделение занималось управлением всех летательных аппаратов — самолетов, вертолетов и ракет.

машины. На большинстве режимов полета вертолеты были не устойчивы, и управлять ими было очень сложно. В ЛИИ был создан сектор автоматизации, куда я и попала. На нашем факультете проектирования конструкции летательных аппаратов не читали ни управление, ни автоматическое управление, поэтому мне предстояло самостоятельное изучение основ автоматического и оптимального управления. Позднее я поступила в институт МФТИ на факультет автоматизации летательной техники (ФАЛТ), на котором преподавали «зубры» автоматического управления, и успешно окончила последние три курса.

Но начинать приходилось с нуля не только мне, даже начальник сектора был конструктор, поэтому все мы были в начале долгого пути освоения темы.

РЕЖИМ ВИСЕНИЯ

Примерно с середины шестидесятых годов я стала заниматься отработкой автоматизации управления вертолетом на режиме висения относительно точки на земле. К тому моменту были разработаны доплеровские измерители скорости и сноса (ДИСС*). Возможность измерения малых скоростей была необходима для обеспечения режима висения. Режим висения — это режим, при котором скорость вертолета равна нулю, потребность в таком режиме возникает, например, при монтаже газонефтяных вышек, ну и при решении самых разных народно-хозяйственных и военно-оборонных задач. В этом режиме проводили монтажные работы с куполом Исакиевского Собора, спасали людей в Индии, и многое другое.

Сначала нам необходимо было доплеровский измеритель облетать, снять его характеристики, потом состыковать с автопилотом и только потом уже настроить всю систему таким образом, чтобы она обеспечила автоматическое висение вертолета относительно заданной точки. Но у доплеровского измерителя был дефект, он имел зону нечувствительности и начинал работать только с какой-то скорости, поэтому вертолет перемещался, но находился вблизи заданной точки. Для измерения высоты использовался радиовысотомер.

* ДИСС представляет собой радиолокационную станцию, предназначенную для автоматического непрерывного измерения и индикации составляющих вектора скорости, модуля путевой скорости, угла сноса и координат местоположения ЛА автономно или в комплексе с навигационным оборудованием (База знаний www.avsim.su).

Работа моя по отработке использования такой системы на режиме висения заканчивалась представлением законов управления и результатов их применения. Сюда входили характеристики ДИСС и высотомера, описание возможностей и практических результатов применения этих датчиков. Все рекомендации использовались в промышленности.

Позднее была поставлена задача точного зависания над точкой. Соответствующая необходимость возникла, когда я занималась темой «Посадка вертолета на кающуюся палубу в условиях девятибалльного шторма». Эта работа стала темой моей диссертации. Задача была «подвесить» вертолет точно, чтобы он висел как штык на малых высотах. И тогда я придумала тросовый датчик. С вертолета спускался трос с каким-нибудь грузом для натягивания, было два рожа, связанные с потенциометром, они отклонялись, шел сигнал, который я дифференцировала и получала скорости перемещения, потому что с одними позиционными сигналами не добиться точности висения, по закону оптимального управления обязательно нужны были опережающие сигналы — скорости. Когда я придумала этот прибор, сразу связалась с «милевской» фирмой, доложила на совещании, и принято было решение: сделать такой датчик.

Для реализации задуманного с фирмы приехал ко мне Евгений Петрович Троицкий (ведущий инженер на ЛИСе). Чтобы быстрее сделать этот тросовый датчик, он-то мне и предложил удобный выход:

— Алла, а ты откажись, что ты его придумала, тогда я все устрою, и тебе сделают тросовый датчик за месяц.

Я отказалась, а у него это стало изобретением. Все об этом знали. И до сих пор этот модифицированный датчик используется в системах автоматического управления вертолетов на режиме висения.

Всю систему мы создали в «железе» и отработали в полете. Я тогда при ее отработке даже не задумывалась, а ведь испытания были очень опасными, так как проводились на малых высотах и даже двадцатипроцентный отказ мог закончиться летальным исходом. Бог нас миловал.

Результаты по отработке режима висения я докладывала на конференции молодых специалистов. Эта работа была такая интересная, экзотическая для того времени и нужная.

Еще одним моим изобретением стала раздвижная тяга. Эта работа относится уже к семидесятым годам. Я уже всю пилотировала сама и понимала, что углы на висении держит мне включенный автопилот, а скорости и все остальное держать нужно самой. Летала я на разных режимах, и это было так тяжело, что пришлось задуматься — а

как бы так сделать, чтобы при включенном автопилоте, который бы мне держал углы и давал искусственное демпфирование, можно было управлять? И тогда я предложила раздвижные тяги. Раньше сигналы подавались на бустер, который управляет винтом, а я предложила не трогать бустер и между бустером и ручкой в системе управления вставлять конструкцию, которую мы назвали «раздвижной тягой». Таким образом, летчик работал, как и раньше, но у него где-то в промежутке работал как бы «дополнительный летчик» — та самая раздвижная тяга от сигналов автопилота. Получалось, что автопилот работал вместе с летчиком, то есть ручку не зажимало как раньше при включенном автопилоте.

Эта серьезная работа проводилась совместно с двумя фирмами: вертолетной, которая изготавливала «железо», и предприятием-изготовителем автопилотов, представителем от которого был Константин Старостин.

В вертолетной фирме нужно было разработку защитить, получить согласие. Действовали по четкому установленному в те годы порядку: я готовила техническое задание, а пятое отделение ЛИИ занималось оборудованием вертолета — разрезали тяги, вставляли датчики и выполняли другие работы. Когда систему с раздвижной тягой установили, ее нужно было отлаживать на вертолете. Летала я по отладке с летчиком Иваном Григорьевым. Он сначала ворчал:

— Бери, отлаживай, ничего она не слушается...

Но я упорно настраивала и когда отладила, это был такой восторг, мы получили фактически другой летательный аппарат, почти самолет. Вертолет стал устойчивый. Всю работу выполнял автопилот, а мы только изменяли скорость, изменяли высоту, осуществляли только пилотаж. И когда Ваня взял ручку, я никогда не забуду выражение его лица, он был, что называется, в диком восторге! Потом облетывали разные летчики. Таков закон, мало ли что одному показалось! Я летала со всеми. И до сих пор летают с автопилотом и раздвижными тягами.

Это изобретение я тоже не запатентовала. С одной стороны, тогда я к этому относилась несерьезно, с другой — меня просто на все не хватало. Уже позднее со мной работал Вадим Горин, который взялся за оформление изобретений, и у меня их появилась целая стопка.

После установки раздвижных тяг я стала летать в удовольствие и много. Всласть. Кроме основной работы, я налетывала летный материал, например, по динамическим характеристикам. Конечно, когда надо было какие-то особые режимы отработать или «бултыхать» машину по определенному закону, там уже управлял летчик. А вот уйти в зону, прийти в зону, просто полетать — мне доверяли. Мы даже лета-

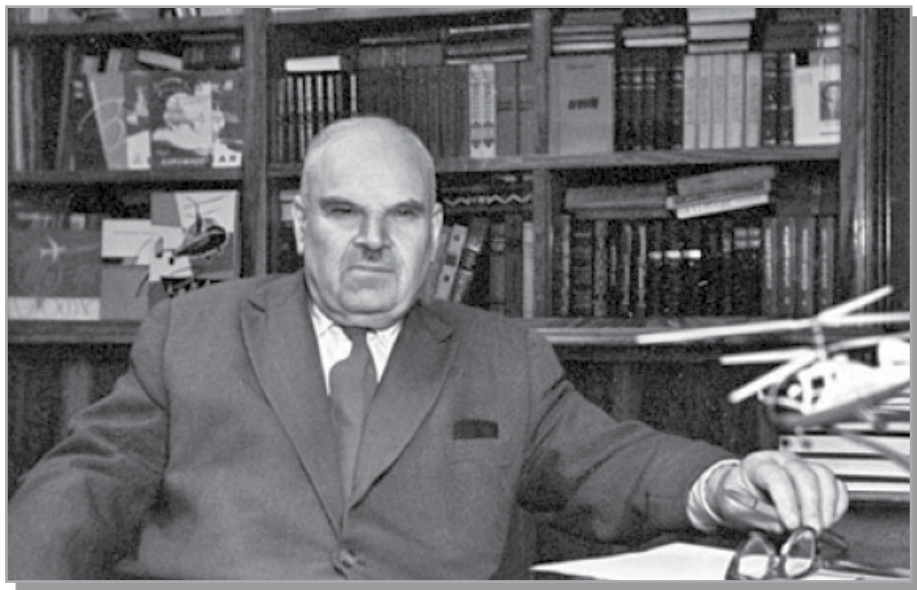

Михаил Леонтьевич Миль (1909–1970).

ли в пионерский лагерь к старшему сыну Саньке, таскали ему конфеты и булки — спускали на веревке.

Все же, надо сказать, что у меня работа была всегда мужская и очень тяжелая, я не просто так летала, необходимо было все подготовить к полету, проанализировать результаты, написать отчет и рекомендации. Появлялась какая-то тема, надо было ее обеспечить математически, смоделировать, документацию подготовить, в фирмах московских заказать макет. Потом там изготавливали систему и привозили в ЛИИ, а мне надо было оборудовать вертолет этой системой, облетать ее, параметры расшифровать, обработать и обязательно написать отчет. Цель — получить результаты, то есть сравнить с тем, что я хотела, потом проработать отзывы летчиков, так как это касалось управления, другими словами, я все время проводила или на аэродроме, или на вычислительной технике.

При такой интеллектуальной нагрузке, я физически работала, как лошадь: аэродром большой, чтобы добежать до машины, на которой собирались лететь, нужно было самостоятельно преодолеть километра полтора-два. В молодые годы мы жили очень бедно, у меня своей одежды практически не было, главное — доехать до работы, а дальше как летающему ведущему мне давали обмундирование. Облача-

Николай Ильич Камов (1902–1973).

лась в костюм меховой замшевый, унты, все было мужское. На пару размеров больше комбинезон, куртка, на голове у меня всегда была пуховая шапка, а венчал весь этот «прикид» шлемофон. Мне, конечно, ребята-летчики подбирали поменьше, но почти безуспешно. Вероятно, весь созданный образ был комичен, потому что мужики меня звали «эскимо на палочке», но относились всегда ко мне с уважением и с симпатией.

Хочу сказать главное — мы все были энтузиасты, со мной многие просились работать, потому что у меня были очень интересные работы, и как-то особых ЧП я не помню — все были живы. Мы получали замечательные результаты, писали статьи. Я всегда всех летчиков включала, потому что они и есть настоящие авторы.

Порой, о полученных результатах разработок и испытаний мне приходилось докладывать на научно-техническом совете вертолетных фирм, а иногда и лично Михаил Леонтьевичу Милю или лично Николаю Ильичу Камову.

С Милем у нас были очень хорошие отношения, сближало то, что мы почти земляки — он из Иркутска, а я в Иркутске родилась. Камов, кстати, тоже из Сибири. К тому моменту они уже были в довольно зрелом возрасте, а я мало того, что намного моложе, так еще и всегда

Награждение.

очень молодо выглядела. Как-то мой оппонент по диссертации меня вызвал, чтобы я ему доложила, а когда увидел меня, удивился: «Девочка, а сколько ж ты работаешь в ЛИИ, что у тебя уже работа готова диссертационная?» А когда я ответила, он воскликнул: «Быть этого не может!»

В то время было обязательным требованием все программы, которые выходят за пределы ограничений, согласовывать с генеральными руководителями фирм. Милю и Камову было только за шестьдесят, но они выглядели словно изношенными. Ведь то, что им и их предприятиям пришлось пройти в нашем Советском Союзе, трудно переоценить. Конечно, им выжить было очень трудно. Вертолетные фирмы всегда были на задворках авиации. Деньги на вертолетостроение всегда выделялись по остаточному принципу. Руководителям школ вертолетостроения пришлось доказывать нужность вертолетов. И хотя меня это не касалось, но я помню, что это обсуждалось. Кроме того, была конкуренция между фирмами: всегда «милевские» вертолеты шли впереди «камовских». У них все время шла борьба — по составу экипажа, летно-техническим характеристикам и так далее. И как в подтверждение этих обстоятельств, руководители тоже были разные. Миль был

очень живой, разговорчивый, приветливый, всегда что-нибудь спрашивал, встречались мы с ним раза три-четыре.

Камов Николай Ильич был насупленный и суровый с виду, порой, как бы сонный, но приветливый. Я заходила:

— Николай Ильич можно?

— Заходи, заходи деточка.

Миль младше — с 1909 г., а Камов с 1902. Миль умер в шестьдесят один год, Камов прожил немного дольше. Но оба они рано ушли.

Камовская фирма за мои работы наградила меня орденом. Орден пришел, но мне вместо него дали медаль. Позже один товарищ — Михеев Р.А., до Виктора Лосева начальник сектора прочности в нашей лаборатории, встретил меня в коридоре и рассказал, что на самом деле на мое имя пришла разнарядка на орден, который заменили на медаль. Я этот вопрос никогда не уточняла. По тем временам гражданскому человеку и медаль была событием, поэтому я бегала довольная.

МАНЕВРЕННОСТЬ

Впервые идея заняться маневренностью пришла ко мне в 1978 году, когда я была участницей первенства мира по вертолетному спорту и делала самый крутой маневр — петли. Тогда я очень хорошо поняла, что все воздушные бои основаны на маневренности.

Что такое маневренность? Это быстрое перемещение в ограниченном пространстве. Если вертолет разворачивается медленно с большим радиусом, то это не маневренность, это просто полет.

К концу 70-х началу 80-х годов созрела необходимость в глубоком исследовании этой темы. Появились вертолеты-«акулы», стала возникать необходимость обследовать машины на околопредельных режимах и в условиях ограничений, а в 1979 году началась война в Афганистане.

В Афганистане была представлена совокупность всех факторов, неблагоприятных при эксплуатации вертолетов: высокая температура воздуха, сильная запыленность, сложность высокогорных взлетно-посадочных площадок по конфигурации, нестандартные ветровые условия. Кроме того, было много нюансов, касающихся особенностей пилотирования вертолета применительно к горному рельефу.

Цель присутствия вертолетов в Афганистане — боевые действия — требовала от летчиков выполнения маневров высшего пилотажа, которые ранее не предусматривались инструкциями. В боевых опера-

циях были задействованы преимущественно вертолеты Ми-8 и Ми-24. И первое время они разбивались один за одним. А мы расшифровывали черные ящики. Это было невыносимо трудно, переживания захватывали...

Дело в том, что вертолет очень строг в управлении. Чуть-чуть резко ручку на себя, винт завалишь, если хвост вверх, то винт схлестывается с хвостовой балкой и все — щепки летят, вертолет падает. Схлестывание винта с хвостовой балкой, «закусывание» управления и прочность — вот основные вертолетные проблемы. Благодаря исследованиям маневренности уже с начала 80-х годов все изменения, которые заставила сделать жизнь, были внесены в инструкции, уверена, это помогло сохранить не одну жизнь в Афганистане.

Для работ по маневренности в ЛИИ была создана специальная бригада. Основные проблемы были связаны с предельными режимами и прочностью, поэтому начальником бригады был назначен прочник Виктор Лосев.

Лосев — умница, работяга. Также с нами работала инженер по прочности Валентина Коровкина. Это был мой тыл. Я знала, что в их работе не будет ошибок и халтуры, все будет выверено и сделано на совесть, все датчики сработают.

Отлично мы сработались и с Виктором Сускиным из ГосНИИ РАТа. С ним мы создали модель пространственного движения конкретного вертолета Ми-8 с двигателем. Виктор был меня младше, но очень уважительный, умный и старательный.

В пространственной модели все параметры были учтены. Я могла записать в полете на каком-то маневре отклонения всех рулей, задать их параметры в математическую модель, реализованную в вычислительной машине и уже из нее получить все параметры движения вертолета, чтобы сравнить их с полученными в полете. Модель почти абсолютно описывала поведение вертолета в полете. Много времени ушло на ее создание — года два. Потом, насколько я знаю, Сускин ее где-то использовал. Переоценить значение этой работы невозможно, поскольку прямо на земле можно было смоделировать ситуации, которые могут быть в полете. В математической модели можно было выходить за пределы ограничений по отклонениям рулей и видеть, какие при этом будут параметры движения вертолета, в том числе параметры нагружения критических сечений конструкций вертолета. Использовать модель можно было и на вычислительной машине, и на тренажере. С минимальными погрешностями мы получали отклонения, идентичные реальным, полетным. Работа была интересной еще и потому, что собрать воедино столько параметров движения казалось не-

вероятной, нерешаемой задачей. Радость от полученных результатов была огромной, помню, Виктор вприсядку танцевал вокруг машины.

Все маневры мы сначала прокручивали на машине, а в полете еще и нагрузки смотрели. Проверяли запас по прочности, а когда подходили к предельным показателям, смотрели, как ведут себя управление, маховое движение лопастей, и многое другое, то есть решали всю задачу в комплексе. По параметрам движения определяли, если закусило управление, как выйти из этого, как не допустить схлестывания, как можно получить резкие развороты. Без ложной скромности скажу, что по тем временам это была выдающаяся работа — сложная и, главное, очень нужная.

Например, такой серьезный для военных операций маневр, как разворот с минимальным радиусом, когда нужно было отбомбиться, развернуться и без потерь уйти. Вот это и была задача для исследования: как можно развернуться и уйти быстро, что можно позволить пилоту, где границы возможностей?

Результаты работ по маневренности входили в руководства по летным испытаниям. Летчикам выдавались четкие и конкретные рекомендации: как нужно работать рулями и педалями, чтобы либо не оказаться в опасной ситуации, либо своевременно выйти из нее.

Мы даже ездили в воинские части, демонстрировали. Для меня это было привычным делом, все-таки я преподавала в школе летчиков особенности динамики полетов вертолета. Летчики слушали курс лекций, сдавали экзамены и повышали свой класс. По иронии судьбы эти смелые, бесстрашные люди на экзамене потели и волновались! В небе ас, а тут..! Конечно, я сочувственно к ним относилась, всегда знала заранее, кто где летал, у кого что было. В конечном счете все экзамены выливались в собеседования, мы совместно обсуждали варианты поведения в разных ситуациях, опираясь на их опыт и мои исследования.

Особенности динамики им читал еще один преподаватель, но тот был поостроже и ставил им «тройки». А я ставила только «четверки» и «пятерки»: они же столько летают и неизвестно, сколько будут летать, какое право я имею нагружать их нервную систему? Думаю, поэтому летчики с удовольствием ко мне приезжали и в свою очередь щедро делились опытом, в том числе по маневренности. Наверняка, они же-ду собой делились впечатлениями о преподавателях. Косвенно это предположение подтверждается интересным случаем. На Сахалине жила моя тетя, ее муж был главным механиком на плавбазе «Маршал Мерецков». Рядом дислоцировалась воинская часть и авианосец. По словам родственников, Аллу Пухову (меня) там все знают и считают,

0 1

что на обучение в школе летчиков-испытателей и сдачу экзаменов надо попадать только к ней.

К началу работ по маневренности в ЛИИ уже была французская вычислительная машина «Шлюмберже», которая позволяла принимать с борта сигналы датчиков. В реальном времени я получала все сигналы, сидела у монитора и смотрела, как изменяются параметры, у меня была связь с летчиком, и я корректировала выполнение всех режимов. Но этого было недостаточно, например, я говорила пилоту увеличить крен, но при этом нагрузки раньше не мерились, а тут мы сделали программу с прочнистами, обклеили все места, нагруженные на конструкцию, тензодатчиками — это такая система, которая измеряет напряжение в критических участках конструкции, и эти параметры тоже выводились на монитор.

Программа измерительного комплекса называлась управление полетом в реальном времени. Можно было за малое количество полетов обследовать больше режимов. Система была очень передовая и эффективная, потому что позволяла очень быстро продвигаться по усложнению маневра. И к этому же моменту у меня была совместная работа с вычислительным центром, который сделал на отечественной

В вычислительном центре «Боинг» 1999 г.

вычислительной технике свою систему управления экспериментом в реальном времени. То есть я могла использовать две параллельные системы. Нашу систему делал Александр Фальков, но свою французы сделали раньше, а мы ее закупили, кстати, мой любимый шеф Леонид Михайлович Берестов в этом принимал большое участие. Это он узнал про систему и обеспечил ее приобретение. И вот мы их сравнивали. Я преимущественно работала с французской системой, но параллельно какие-то режимы я отдавала Саше Фалькову на его систему, он их обрабатывал, а я сравнивала полученные с обеих систем результаты. Это было в восьмидесятых годах, а примерно к 1995 году французская система стала устаревающей, как бы отработала свое. Отечественная же работала хорошо. В те годы активно шли работы у туполевцев с американцами по летающей лаборатории Ту-144, а когда начали проводить совместные испытания Ту-144ЛЛ, я мужа, Главного конструктора А.Л.Пухова, буквально уговорила взять нашу систему. АНТК им.А.Н.Туполев с ЛИИ заключили контракт, и во всех полетах в реальном времени фиксировались параметры движения самолета. Они провели всю программу просто блестяще. Наша вычислительная система была надежней, все элементы были отечественные, если что-

то отказывало — без проблем можно было заменить. Называлась наша система — ПУЛЭ (пункт управления летным экспериментом), была удобнее для использования, передовой и востребованной. По-моему, ПУЛЭ до сих пор работает.

В 1998 году А.Л.Пухова как крупного специалиста российского авиастроения пригласили в Сиэтл на фирму «Боинг», но он тут же сказал, что поедет только с женой. И, действительно, взял меня с собой. В той поездке я побывала в центре «Боинга», находясь под свежим впечатлением от работы с ПУЛЭ, более всего я заинтересовалась боинговской системой управления полетами в реальном времени, замечу — они тогда только начинали...

ДИССЕРТАЦИЯ

В начале 1969 года я приехала на фирму Камова для согласования очередной программы летных исследований. В приемной сидели трое офицеров в морской форме и что-то горячо обсуждали. По отрывочно долетающим до меня фразам было понятно, что мужчины возмущены отказом в проведении каких-то работ. Когда дело касалось работы, я была очень любопытной, поэтому уловила момент и решила поинтересоваться:

— Здравствуйте, я из ЛИИ, а вы откуда?

Оказалось, что они приехали из ленинградского морского института просить содействия в решении проблемы посадки вертолета на корабль в штормовых условиях. В то время были уже авианосцы, на которые садились Ка-25, в момент шторма корабль сильно болтало, и вертолеты не могли сесть. Нужна была автоматизированная система управления при посадке в сильный шторм. Камовцы отказались заниматься этой темой в связи с отсутствием специалистов. Поразмыслив, я им предложила:

— Вы приезжайте к руководству ЛИИ, может быть, они вам подскажут выход из ситуации.

К тому моменту заместителем начальника ЛИИ по науке был Берестов Леонид Михайлович, мой соратник по работе. Когда-то он был начальником сектора, в котором я работала в вертолетной лаборатории, а так как он был самолетчик, я помогала ему осваивать вертолетную тематику. Налетала весь материал для его диссертации. В то время наше общение всегда было очень продуктивным и профессионально полезным, а дружеским оно остается до сих пор.

Берестов был моим научным руководителем, и я предложила:

— Тема автоматизации управления при посадке вертолета на палубу корабля в сильный шторм может быть интересной для диссертации, давайте я попробую, может, у меня что-то получится из этого.

И Берестов одобрил. Поэтому, когда приехали представители ленинградского морского института, решение было принято и эту работу мы взяли.

Задача была необыкновенно интересной и пересекалась с моей прежней темой «Посадка вертолета на заснеженные/запыленные аэродромы». Почти пять лет я ездила в Ленинград в командировку по одной и той же схеме. Вечером садилась на ленинградский поезд в Москве, утром приезжала в Ленинград. Днем напряженно и много работала, потом шла в Большой драматический театр (пересмотрела весь репертуар БДТ), ночным поездом выезжала из Ленинграда и утром была уже дома. Было трудно, но я не могла оставить детей, да и не на кого было их оставить.

Мы развернули активную работу с морским ленинградским институтом. К тому моменту там только-только получили частотные характеристики кормовой качки, килевой качки, — то есть всех перемещений площадки на корабле, на которую садился вертолет. Был сформирован математический вход в систему. Нужна была автоматизированная система управления для посадки при заданных входах и возмущениях для обеспечения автоматической посадки вертолета. Мне понадобилось создать модель вертолета, чтобы обследовать все условия на вычислительной технике. Это была очень большая работа — четыре канала, дифференциальное уравнение, в каждом уравнении по десять членов, надо было найти все коэффициенты, фактически нужна была модель, которая бы полностью описывала движение вертолета — боковое, продольное, по высоте, а также работу двигателя. Вот эту модель я разрабатывала совместно с ГосНИИ ГА. Позже у меня украли все отчеты и продали эту модель (мне так сказали). Но я в таких случаях даже не пытаюсь выяснить, куда она попала, используют — и ладно.

Работа была настолько интересной, что размышления о ней не покидали даже дома. Однажды стою на кухне у плиты, варю борщ (а готовила я огромными кастрюлями). Стала чистить картошку и слышу, кто-то из детей говорит: «Мама ты не туда шкурки бросаешь!» Очнулась — и правда, шкурки в борщ, а картошку — в ведро!

И вот у меня возникла такая идея: чтобы посадить вертолет автоматически, нужно как-то отслеживать движения палубы по горизонту и кормовой/килевой качке. Ведь если вертолет садится, а она ему идет навстречу, то сразу ломается шасси, надо сбрасывать шаг, когда ты ее догоняешь и притирать ее в нижней точке, когда палуба ушла вниз. Это

Коллектив ЛИИ 1988 г.

была первая умная мысль, которая мне пришла в голову, эта идея и до сих пор используется. Назвала я это «посадкой с прогнозированием». А перемещения нужно было отслеживать нашей системой. Летчик перемещения отслеживал с помощью тросового датчика. Он прилетал, сбрасывал якорь, закреплял эту точку и получал сигналы смещения вертолета относительно этой точки. Так как все перемещения палубы были случайными, то их нужно было просто отслеживать. Требовалось выбрать нужные законы управления. Моя задача была разработать и реализовать соответствующую систему управления в железе. Нужен был такой закон управления, который бы позволил заменить летчика и сажать вертолет автоматически. Автопилоту все управление доверять нельзя, потому что могут возникать отказы в системе автопилота. Отказобезопасность системы напрямую зависит от ее сложности.

Как и во время отработки слепых полетов использовался датчик КПП с разными стрелками — тангажной, по высоте, креновой, по курсу, и если все стрелки летчик держит в нуле, это значит, что он выполняет программу, а по высоте я давала момент, когда палуба от него отходит. И тогда он должен был потихонечку сбрасывать шаг и при-тирать машину к палубе. Чтобы все отработать, мы сделали стенд. А чтобы смоделировать перемещение палубы в девятибалльный шторм с заданными частотными характеристиками по четырем каналам, я

тогда придумала «генератор качки», который реализовывал заданные характеристики реальных перемещений палубы в виде электрических сигналов. Данные сигналы я использовала в математической модели, при этом отклонения параметров движения от заданных использовались в специально разработанных мной законах управления, которые позволяли их отслеживать автопилотам. Так как автопилот в то время не обеспечивал отказобезопасность, нужно было заменить автопилот летчиком. При этом летчику вся информация, сформированная для автопилота, подавалась на стрелки прибора КПП, и летчик должен был, как автопилот, сводить эти сигналы к нулю, то есть держать все стрелки в центре прибора. Таким образом, летчик обеспечивал заданное перемещение вертолета относительно точки, не видя самого перемещения. И по сигналу о вертикальном перемещении палубы во время ее движения вниз летчик потихоньку сбрасывает шаг, притирая вертолет к палубе. Так происходит посадка.

Испытания на корабле проходили в Приморском, под Феодосией. В Ленинграде находилась теоретическая часть института, а в Приморском практическая база. Иногда я там делала доклады. Случались и смешные ситуации. Однажды на очередном докладе случился конфуз. В зале было человек пятьсот моряков, жара, я в сарафанчике на лямках. И вот в какой-то момент повернулась что-то показать, и у меня оторвались обе лямки, сарафан сполз. Я не растерялась — обернулась и попросила булавку, тут же мне ее нашли, быстренько закололи, и я благополучно продолжила доклад.

Защита диссертации проходила 3 июня 1975 года. Я не переживала. Для меня всегда было главное — дело, мне хотелось всем рассказать, со всеми поделиться своей радостью, у меня все получалось так хорошо. Мне нечего было волноваться, ведь я владела своей темой «от и до». Это присутствующие сидели все с открытым ртом, потому что была решена задача посадки на палубу в девятибалльный шторм!

Выступала не только я, но и моряки. Помню, там был один такой суровый на вид начальник, и я побоялась, что он сейчас что-нибудь скажет нелицеприятное, а он встал и сказал: «Это работа не кандидата технических наук, а доктора технических наук!»

Любопытная история произошла с самой диссертацией уже после защиты. Моя работа была секретная и находилась в первом отделе. К диссертации прилагалось много красивых, нарисованных художником плакатов. Когда все закончилось, я плакаты развесила около своего рабочего стола.

В то время у нас работал молодой специалист Дима Аполлонов из физтеха, который по совместительству для дополнительного заработка занимался переводами. В том числе переводил секретные

материалы для первого отдела. Фактически, он переводил все то, что добывали разведчики. И вот однажды Дима приносит американский отчет. Ничего не подозревая, он сначала сел и стал переводить. Вдруг на плакаты мои глянул и говорит:

— Алла Гавриловна, посмотрите!

Я подошла и стала листать отчет, с удивлением обнаруживая, что он абсолютно совпадает с моей диссертационной работой. Полностью! Со всеми плакатами и текстом! Какое-то время я, конечно, беспокоилась, что меня будут вызывать по этому поводу, все-таки это был «натовский» отчет. Но продолжения не последовало.

ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ

Справка

Ученый в области исследований динамики полета самолетов и вертолетов. Доктор технических наук, профессор. Заслуженный деятель науки и техники, лауреат премии им. Н. Е. Жуковского. В 1957 г. окончил Московский авиационный институт и с этого времени работает в Летно-исследовательском институте. Ведущий специалист авиационной отрасли по методам и организации летных испытаний и сертификации. В 1982–1996 гг. — первый заместитель начальника Летно-исследовательского института; с 1997 г. — заместитель начальника летно-исследовательского центра ЛИИ по фундаментальным НИР. Основатель принципиально нового научного направления летных исследований — моделирование в полете динамики перспективных летательных аппаратов с использованием летающих лабораторий, повторяющих движение исследуемого ЛА. Идеолог и непосредственный участник создания летающих лабораторий с изменяемыми характеристиками устойчивости и управляемости. Руководитель работ по созданию шести ЛЛ, используемых при создании аппарата для посадки на Луну, вертолета Ми-26, самолетов Ту-22, Ту-204, ВКС «Буран», а также для разработки требований к характеристикам устойчивости, управляемости и оценки новых концепций систем управления. Руководитель работ института по испытаниям и сертификации самолетов: Ту-204, Ил-96, Ан-124, Ан-28, Як-42, Ту-144ЛЛ. Автор 5 книг, 15 изобретений и более 80 печатных работ. Награжден орденом «Знак Почета», медалями.*

* Авиационная энциклопедия в лицах, «БАРС», Москва, 2007 г.

На даче у Берестовых

Леонид Михайлович Берестов был моим непосредственным начальником. Я благодарна судьбе, что моим руководителем был человек мудрый, грамотный и созидатель по сути.

Не удивительно, что отношения у нас были взаимоуважительные. Работу я всегда находила сама, а Леонид Михайлович оказывал организационную помощь и преимущественно во всем меня поддерживал. Тонкий руководитель, он был способен оценить мой интерес, продуктивность и своеобразную жадность именно к работе, а не к чему-либо еще.

Начинал Леонид Михайлович начальником сектора динамики. Несмотря на быстрый и заслуженный карьерный рост, Берестов всегда оставался доступным партнером по работе: что бы ни было, если мне нужна была помощь, мы проводили совместные разборы ситуаций и возникших вопросов. Как правило, это были исключительно деловые разговоры, а больше их вести было не с кем. Многие сотрудники, да и руководители, порой занимавшие более высокий пост, не способны были понять сути вопроса так глубоко, как Леонид Михайлович.

Разные были случаи, но всегда недостаток знаний у руководителя и неспособность это признать влекли за собой небольшие, но неприятные конфликты. Возникали они и с начальником лаборатории Акимовым, но меньше всего понимание моих работ демонстрировал Саму-

Фотография для Доски Почета .

Васильченко К.К.

ил Борисович Брэн и очень меня за это не любил, деятельно не любил. Поэтому, когда руководство института решило выдвинуть мою кандидатуру на «Доску почета» города, Брэн был решительно против. Мудрый Леонид Михайлович Берестов не обострял ситуацию, дождался, когда Брэн ушел в отпуск, и все устроил: мое лицо оказалось на «Доске почета» города Жуковский.

Однако Брэн не оставил ситуацию без ответа, а очень хитро и тонко попытался отомстить. Он умел так квалифицировано «насолить», что и не поймешь, чьих рук дело. Вот как это было.

У нас как у работников ЛИИ иногда была возможность летать в разные города. Так произошло и в тот раз — самолет летел в Ташкент, и летчики предложили:

— Борт готов, девчонки, полетите?

Дело было к концу дня, никого из начальников, чтобы подписать командировочное заявление, на месте не было. Вопрос я решила по экстренной схеме — оставила заявление технику из лаборатории Лидии Шатовой, попросила подписать, а сама благополучно с Татьяной улетела в Ташкент. Ситуация была штатной, все знали и пользовались служебной возможностью посмотреть другие города.

Прилетаю, а Брэн уже напи-

сал докладную записку на имя начальника института, в соответствии с которой я — злостная прогульщица: три дня не являлась на работу. Вот и получилось, что Берестов нерадивых сотрудников еще и на «Доску почета» выдвигает.

По возвращении мне было уже известно и о докладной С.Б.Брена, и о том, что мое заявление было изъято и уничтожено.

Брен вызвал на ковер, молча протянул мне Приказ, в котором я должна была расписаться и подтвердить факт прогула.

— Самойло Борисович, — заговорила я, — ничего не прогуливала. Лида вам должна была принести мое заявление.

— Она ничего не приносила, — ответил Брен.

Я обратилась к Лиде, но та только и смогла сказать:

— Алла, ни о чем меня не спрашивай!

Оставлять ситуацию, как есть, было нельзя, я переживала, что вся эта возня может навредить Берестову, поэтому решила на разговор с Начальником ЛИИ Константином Константиновичем Васильченко.

Константин Константинович меня принял. Поведав о произошедшем, корректно, без особых претензий и склочных заявлений, я задавала один простой вопрос:

— Константин Константинович, как Вы считаете, вот я — старший научный сотрудник ЛИИ, столько лет проработала без замечаний, кандидат технических наук, могу просто взять и прогулять? Я пришла к Вам с единственной просьбой, прошу учесть, что никакой вины Берестова не существует, со мной делайте все, что угодно, только не наказывайте Берестова, он отличный руководитель и профессионал!

Глядя на реакцию Васильченко, я вдруг почувствовала, что меня тут понимают и слышат, тогда решила сказать больше:

— Константин Константинович, мне кажется, что причина неспокойной жизни Брена не столько во мне, сколько в успехах Берестова. У нас ведь как карьерная лестница выглядит? Сначала начальник сектора, потом начальник лаборатории, следующая ступень — начальник отделения. А Берестова за способности и глубокие профессиональные знания с самой низкой ступени — начальника сектора — сразу к Вам, в заместители Начальника института. Похоже, что Самуил Борисович просто завидует Берестову...

Неожиданно начальник института подошел и погладил меня по голове.

— Да не волнуйтесь Вы, ради Бога, никому ничего не будет.

И, действительно, разгромного продолжения этой истории, ради которого Брен все затеял, не последовало.

ЧЕМПИОНАТ В ВИТЕБСКЕ

В июле 1978 года Советский Союз проводил 3-й Чемпионат мира по вертолетному спорту. Начиная с 1971 года Чемпионаты мира у спортсменов-вертолетчиков проводятся всего раз в три года, событие такого масштаба — большая редкость для советского, а теперь и российского вертолетного спорта.

В третьем Чемпионате принимали участие команды СССР, Венгрии, Польши, Германии, Англии и США. Спортсмены и экипажи соревновались в выполнении специальных упражнений: пилотирование на малой высоте в ограниченное время; полёт на малой высоте (три-пять метров) с проносом ведра, наполненного водой, между стойками ворот и последующая постановка его на стол; полёты с отысканием целей, сбросом груза в мишень, посадкой на поворотный пункт маршрута; сброс груза в отверстие, перемещение контрольного груза, а также свободный пилотаж на малой высоте в ограниченном пространстве.

Принимали лучших вертолетчиков мира на территории Белорусской республики в Витебске.

Т.В.Руссиян (1930–2012).

О том, что Чемпионат пройдет в Витебске, я узнала от легендарной Татьяны Владимировны Руссиян.

Справка

Татьяна Владимировна Губанова (Руссиян) — мировая рекордсменка, вертолетчик-спортсмен, планерист. Окончила аэроклуб, МАИ. Мастер спорта СССР международного класса. Ведущий инженер по летным испытаниям. Судья всесоюзной категории (1991). До 2002 г. была вице-пре-

зидентом Клуба женщин летных специальностей «Авиатрисса». Имеет 12 мировых рекордов на вертолетах Ми-1, Ми-2, Ми-4, Ми-8. Награждена орденом Знак Почета, международным дипломом Поля Тиссандье. Участница воздушных парадов в Тушино. Родилась и жила в Москве. Скончалась 03.10.2012 г.

К тому времени Татьяна Владимировна с фирмы Камова перешла на работу в ЛИИ. Летала не очень часто, поскольку занималась вопросами прочности, но иногда как ведущий инженер наведывалась в гости к небу.

Наши отношения всегда складывались доверительно, поэтому, как только стало известно о проведении соревнований, Татьяна не только предложила мне использовать удачный момент для проведения своих экспериментов и измерений, но и охотно познакомила с нашей женской командой. Девушки наши — смелые, активные, с горящими глазами — завораживали и удивляли мастерством, ведь летали они на вертолетах Ми-2, тяжелых и абсолютно не маневренных. Чтобы что-то показать, им приходилось очень много физически работать и тренироваться.

В те годы только у немцев были многоцелевые и ударные вертолеты MBV Bo.105 на торсионе, обладавшие требуемыми характеристиками для выполнения маневра известного как «мертвая петля». Небольшой, компактный MBV Bo.105 выпускался «Messerschmitt-B lkow-Blohm» и «Daimler-Benz Aerospace AG» в военных и гражданских модификациях.

В СССР разработки по маневренности только начинались. Как часто бывает — составляла сама жизнь, в то время наша армия

Мировая рекордсменка.

стояла уже на пороге интернациональной войны в Афганистане. Первопроходцем по данной теме было КБ Миля, а первым маневренным вертолетом стал Ми-28.

Узнав, что на чемпионате будет демонстрировать пилотаж Во.105 в военной модификации, я обратилась к Леониду Михайловичу Берестову с просьбой направить меня для проведения исследований перегрузок и, как обычно, получила всестороннюю поддержку.

Благодаря этой работе мы могли получить данные для понимания, что нужно «выжимать» из наших вертолетов. Для аэродинамического расчета маневра нам достаточно было иметь измерения перегрузок и вес. Эту задачу решить было не так легко, подготовка была основательной. Совместно с Руссиян мы разработали техническое задание, затем получили необходимую измерительную аппаратуру для проведения замеров. Предварительно благословив наш ратный труд, к работе подключилась служба безопасности.

Наконец, чемпионат стартовал.

Мы установили систему регистрации координат и во время полетов проводили измерения. Аэродром в Витебске большой, а мне требовалось провести измерения, данные собрать, синхронизировать, отфильтровать, словом — работа была большая, не стандартная и не простая. Всё же нужные измерения были проведены.

Одновременно предстояло узнать вес вертолета. Лучше информатора, чем механик машины, трудно было представить. И мне удалось с ним познакомиться. Это было настоящей удачей, поскольку именно механик знает, чем загружается вертолет, сколько топлива поставляется во время соревнований, что из машины выгружается. В ходе своих наблюдений я определила, что для полетов на перегрузки из Во.105 убирали всё лишнее: кресла, аппаратуру, четко ограничивали заправку топливом. Мне нужно было только уточнить — сколько топлива они заправляли, сколько масла, сколько забирали из вертолета лишнего.

Механик Иржи был поляком, а поскольку славянские языки похожи, я его хорошо понимала. В переводе наш диалог выглядел примерно так:

— Иржи, а зачем ты кресла убираешь?

— Да так надо...

— И что прямо все уберешь?

— Да нет, только три ...

— Слушай, а топливозаправщик не рано уезжает? Только подъехал ведь.

— Да я залил, мне нужно всего несколько литров (и тут же называл, сколько литров бензина он залил).

В этих простых диалогах я потихоньку узнавала всю нужную информацию о весе.

В процессе работы я познакомилась и с капитаном немецкой сборной Карлом Цимерманом, симпатичным немцем, военным. Я еще помнила немецкий, но общались мы через переводчика. Как-то раз я слетала на нашем вертолете, Карл видел это и удивленно спросил:

— Сама?!

— Ну, так... могу немножко,— размыто ответила я

— На каких вертолетах? — живо поинтересовался Карл.

— Да так, — продолжала напускать туман, — пробовала на разных.

Подошло время для заключительных демонстрационных полетов. Карл тоже готовился, а я наблюдала за Во.105 со стороны. Вдруг вижу — Цимерман сел в вертолет и машет мне из него рукой:

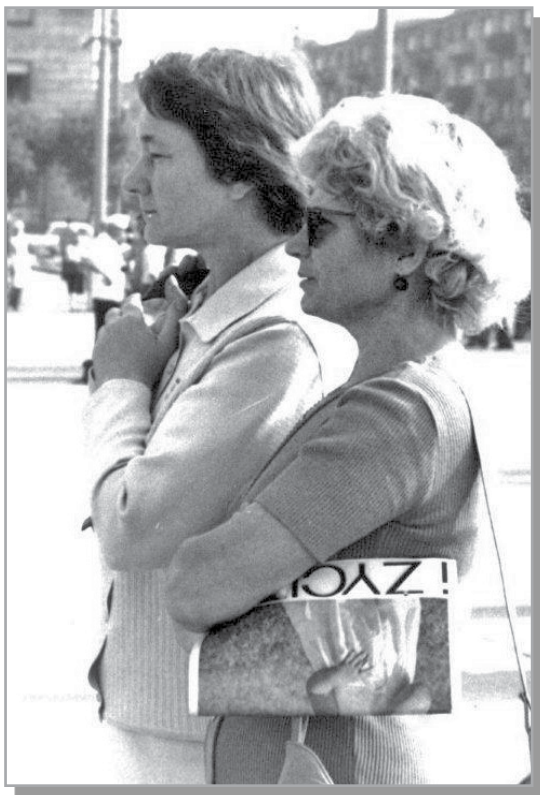
— Setze dich! (садись)

— Я? — удивленно воскликнула, — можно?

— Setze dich, setze dich! -улыбался и энергично кивал Карл.

И хотя я очень обрадовалась, в голове предупреждающе забегали мысли: «Он военный летчик, нужно согласовать...». Благо, наш сотрудник «особой квалификации» Борис ходил за мной на небольшой дистанции как пристегнутый и был всегда рядом:

— Борис! — кинулась к нему,— Карл предлагает слетать с ним! Можно?

*Т. В. Руссиян и А. Г. Пухова
на чемпионате в Витебске.*

На чемпionate, слева направо: А. Г. Пухова, М. Н. Тищенко...

— Лети, — тут же разрешил мой сопровождающий, — лети, все записывай, запоминай...

И мы полетели, покинули аэродром, ушли в зону.

Довольно быстро Карл взял мою руку и указал на ручку управления, давая понять, что я могу попробовать самостоятельное пилотирование. Уговаривать меня не пришлось, я тут же схватила ручку.

— Ja— Ja, — утвердительно закивал головой Карл.

Вертолет Во.105 с демпферами и поэтому удивительно легок в управлении. Ощущение счастья переполняло меня, и вскоре, не взирая на присутствие Карла, я запела. Невольно я сравнивала зарубежный вертолет с отечественной техникой, которая, напротив, невероятно сложна в управлении, сильно вибрирует и громко гудит, отчего общение возможно только через СПУ.

Мы набрали хорошую высоту. Змейки, горки, повороты...

У каждого человека есть свои особые события, которые когда-то перевернули привычный мир, вознесли на недостижимую ранее высоту и остались в памяти на всю жизнь. Для меня таким событием стал полет на Во.105. Невозможно описать словами, что чувствуешь, когда

оказываешься один на один с необъятным небом за штурвалом современной и податливой машины.

Видя мой восторг, оторопевший Карл отрывочными восклицаниями, немецкими словами и знаками предложил мне выполнить «петлю». Это сложнейший маневр, и отсутствие навыка общения на немецком давало о себе знать — я не могла быстро уточнить, как рычаги, как держать крен? Но упорно продолжала пробовать. Карл помогал вербально и невербально: жестами, знаками, возгласами. Первый маневр — немного завалила! Второй — лучше, наконец, третий — «петля» получилась! Я была на седьмом небе от счастья, такой радости я больше никогда не испытывала и не знала, с кем и как можно поделиться своим восторгом.

Вспоминая об этом полете, всегда прихожу к выводу, что это самое яркое впечатление, которое я испытала в жизни, ничего сильнее не помню...

Наконец, у меня оказались все данные, необходимые отечественным фирмам для адаптации под наши вертолеты. Мы получили очень хороший материал. Когда вернулись, его тут же забрали. По-видимому, кто-то им занимался, расшифровывал.

Спустя годы мой младший сын искал результаты тех исследований. Ему удалось отыскать в архивах старые пленки с моими экспериментами по автопилоту и часть демонстрационных полетов в Витебске, но весь остальной материал из ЛИИ исчез, даже Андрей их найти не смог.

Остается добавить, что на этом Чемпионате советские спортсмены стали практически абсолютными победителями, выиграв тридцать восемь медалей из сорока двух разыгрывавшихся.

О НЕКОТОРЫХ КОЛЛЕГАХ И РУКОВОДИТЕЛЯХ

Я настолько интересовалась своей работой, что несмотря на окружение — вокруг меня всегда были мужчины — ими я совершенно не интересовалась... Были и красивые, и умные, и плакали, а я бежала бегом, у меня только пятки сверкали, если кто-то там пытался проявить ко мне личную заинтересованность. И все знали, что со мной никаких «шур-мур» крутить не получится.

Кроме работы меня больше ничего не интересовало, у меня не было закадычных подруг. Не привлекало меня то, что принято считать женской темой. Меня интересовало только то, что я делала, был в этом какой-то замкнутый круг: у меня все получалось и мне это нравилось, чем больше я любила свою работу, тем больше у меня получалось.

Мне даже было бы жалко тратить время на всякие любовные похождения. А потом — мы были так воспитаны: замужем, значит — семья, все такое остальное — это плохо. Мне нравились умные и талантливые люди, но я даже не представляла, чтобы у меня с ними что-то было помимо работы...

Как-то раз мне очень понадобились кинотеодолиты. Кинотеодолитная станция была всего одна. К тому же в то время самолеты были на первом месте, а нас ставили на обслуживание, что называется, в конец хвоста. Ожидание напрямую влияло на работу: солнце уходило, летные графики срывались. А тут команда поступила: Пуховой — отбой, летит Волк, истребитель. Я тут же бегом на контрольный диспетчерский пункт. У входа общались четыре самолетных летчика и Гринев Юрий Николаевич, начальник летного комплекса, тоже летчик-герой, летал еще в войну.

— Юрий Николаевич, можно Вас на минуту? — обратилась я к Гриневу. — Помогите решить вопрос, — и все ему рассказала.

Юрий Николаевич тут же откликнулся:

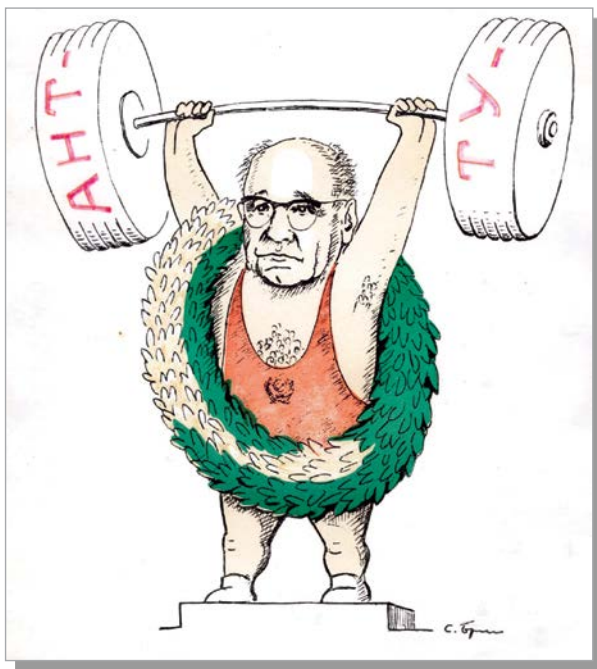

Рисунок С. Брена.

— Сейчас все сделаем, — и по-братски хлопнул меня по плечу, тут я и рухнула! Упала, меня все кинулись поднимать, на ноги ставить. Вот так ко мне относились в мужском коллективе — как к своему парню!

Автоматизацией я занималась почти двадцать лет. И вот вроде бы все основные работы с автоматизацией я переделала. В тот период я еще писала РИАТы, статьи.

У меня был очень неприятный для меня начальник лаборатории — Брэн Самуил Борисович. Многим он казался старым, хитрым, ушлым. Ко мне он относился очень внимательно. У него не было образования, он совершенно не знал и не любил математику. Поначалу он пару раз решил со мной разговаривать так: вызвал меня в кабинет и начальственным тоном заговорил:

— Алла, скажите, пожалуйста, кто будет читать этот отчет?

При этом раздраженно указывал на представленный мною отчет.

— Инженеры, — уверенно, без тени сомнения отвечаю.

— И что они тут поймут? — заводился Брэн. — Давайте сократим математику! Давайте сократим эти формулы!

Внимательно рассматривая начальника, соглашаюсь:

— Хорошо, Самуил Борисович, давайте мы с Вами присядем, и Вы мне покажете, что сократить.

Он подумал и завершил:

— Вы мне оставляйте все, а я посмотрю.

Я тут же согласилась, оставила отчет, а сама ушла на обед. Возвращаясь, отчет лежит у меня на столе, подписанный им без удалений и сокращений, в своем исконном виде.

С тех пор он перестал ко мне придираться вообще.

Лётчики

ЕГОР ФИЛИППОВИЧ МИЛЮТИЧЕВ

Е. Ф. Милютичев
(01.10.1922–25.10.2008).

Справка

Заслуженный лётчик-испытатель СССР, полковник, заслуженный тренер РСФСР.

Родился 1 октября 1922 года в селе Привич ныне Дмитровского района Орловской области. В 1938–1940 годах работал в колхозе, в 1940–1941 — слесарь авторемонтной мастерской в городе Подольск Московской области.

В 1941 учился в Арзамасской школе пилотов ГВФ. В армии с 1941. В 1941–1943 учился в Тамбовской ВАШЛ. В 1943–1944 — лётчик-инструктор 6-й ВАШПОЛ (г. Саракташ). В 1946 окончил Чкаловское ВАУЛ (г. Оренбург). Служил в строевых частях ВВС. В 1948–1952 — лётчик-инструктор Серпуховской учебной вертолётной эскадрильи ВВС.

В 1952–1959 годах — лётчик-испытатель ОКБ А.С. Яковлева. Выполнил первый полёт и провёл испытания Як-24, Як-12СХ. В 1955 установил два мировых авиационных рекорда грузоподъёмности на Як-24. С января 1959 по декабрь 1970 — на лётно-испытательной работе в ЛИИ. В 1959–1961 и 1968–1969 был лётчиком-инструктором в ШЛИ. Провёл исследования: по устойчивости и управляемости вертолётов; прочности несущих и рулевых опытных винтов; вибраций вертолётов; срывных режимов несущего винта; авторотации на вертолётах Ка-15, Ка-25, Ка-26, Ми-1, Ми-2, Ми-4, Ми-6, Ми-8, Ми-10. Участвовал в испытаниях вертолётов В-12, S-58, Н-21. Провёл исследования флаттера несущих винтов на Ми-1 и Ми-4. С 1971 — в запасе. Работал в ЛИИ: ведущим инженером (1972–1990), инженером (1990–1997).

Жил в городе Жуковский Московской области. Награждён орденом Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, медалями.*

Заслуженный лётчик-испытатель Егор Филиппович Милютичев дал мне путевку в небо.

Когда мы познакомились, я только пришла в ЛИИ. Мне все было интересно, и, поскольку это было начало начал не только для меня, но и для всего вертолестроения, делала все, что хотела. Возникла идея — я тут же записывала ее в план, находила тех, кто сделает макет, систему и проводила летные испытания. Правда, это было чуть позднее. А в начале знакомства с Милютичевым сама я не летала, управляла свою систему на борт вертолета и инструктировала второго пилота, что нужно делать. Однако жизнь внесла в этот порядок свои коррективы.

Была замечена некоторая закономерность: поставят мою систему на борт, взлетают лётчики, а она не работает. Их раскачивает, болтает, а она не работает. Так было с моей первой темой «Обеспечение устойчивости вертолета на висении». Система называлась «демпфера» — автоматизированная система, повышающая устойчивость вертолета. Но стабилизация вертолета у лётчиков никак не получалась, он словно нарочно болтался еще сильнее.

В тот день очередные испытания начались как обычно. Пилотировал вертолет Егор Филиппович Милютичев. Машина взлетела, лётчики приступили к работе в конце полосы, а я осталась ждать на стоянке.

В те годы у меня уже был маленький Санька, с которым на прогулке во дворе мы играли в песочке. Вот и на стоянке нашлась бочка с песком, к ней прилагался предусмотрительно припрятанный мужиками

* Энциклопедия испытателей www.testpilots.ru.

стакан для спирта. Заниматься было больше нечем, и я по известному мне сценарию сидела, лепила этим самым стаканом «куличики». Вдруг, вижу — возвращаются, а раз возвращаются, значит, полет загублен, ЧП! По действующим правилам возвращаться они могли, висеть могли, главное, чтобы не зафиксировали посадку: полеты были на вес золота, давали их немного. Подлетели и зависли над стоянкой. Оторвавшись от бочки и «куличиков», подбегаю:

— Егор Филиппович, что, что случилось!?

В следующее мгновение он взял меня за шиворот и сказал:

— Немедленно в машину!

Я без всяких медицинских свидетельств быстренько села в вертолет, заменив второго летчика.

— Вот теперь делай, что хочешь в полете, — удовлетворенно выдохнул Милютичев и добавил:

— Нечего издеваться над летчиками.

Мы полетели в конец стоянки. Цель была обеспечить автоматизированное висение, чтобы вертолет не болтало. Часть настроек были у меня рядом, а часть в хвостовом винте. Оценив ситуацию, я увидела, что тут уже всё на пределе, и быстренько метнулась в хвостовой винт, там подстроила систему, села и у меня сразу — хлоп! Вертолет зафиксировался! У меня все получилось!!!

В те годы уже разрабатывался стопроцентный автопилот. Он мог стабилизировать только угловое положение вертолета — по тангажу, по крену и по рысканию. Мне надо было подобрать оптимальные числа, чтобы получить как можно более точное выдерживание углов, чтобы вертолет не заваливался. И так как у меня сразу получилось, мы пришли на методсовет с Егором Филипповичем, на котором он, указывая на меня, сказал:

— Вот, без нее больше мы не полетим...

Так, с легкой руки известного летчика Егора Филипповича Милютичева, я стала летать. Потом, конечно, прошла медицинскую комиссию и даже освоила пилотирование.

Как и многие обладатели профессии летчика-испытателя, на земле Егор Филиппович был кавалер — галантный, внимательный, красивый сорокалетний мужчина. Но в воздухе ответственность требовала иные правила поведения, которым, порой, Егор Филиппович следовал с особым упоением. Я же все время что-нибудь настраивала и налаживала и, откровенно говоря, во время полетов, он меня «шкурил», как мог. Но слышать это было совсем не обидно. Однажды во время очередного сеанса возмущения в мой адрес, а, несмотря на гул и шум в вертолете, я все слышала, поскольку Милютичев в этот момент нажимал на СПУ, я подняла на него глаза и чуть не расхохоталась от

увиденного. Мужчина он был крупный, от вибрации трясло не только вертолет, но и щеки Егора Филипповича, частично не вместившиеся в шлемофон, в сочетании с его серьезным видом и направленным на меня и мои эксперименты бурчанием это было так смешно! Я не выдержала и шутливо-приказным тоном проговорила:

— Егор Филиппович, командир! Прекратить лишние разговоры!

При этом случайно вместо СПУ нажала на радио (внешняя связь), и все услышали, потом, конечно, хохотали, а я оправдывалась:

— Егор Филиппович, ну Вы ж мне мешаете, мне надо сосредоточиться на настройке системы, а Вы нудите, нудите. Прямо в ухо...

Летал он прекрасно, мастер был замечательный. Человек интересный. Я в нем была уверена и знала, что с ним, как за каменной стеной. И хотя Милютичев первый, кто меня посадил на борт, управлять он меня не учил. Если у меня выпадала программа с Милютичевым, я так скромно и тихо просила:

— Егор Филиппович, можно я в зону полечу?

Он удивлялся:

— Ты, в зону? Ну попробуй...

При этом сам очень напряженно держал ноги на педалях, руки над ручкой, не касался, но был готов в любой момент перехватить управление. Я пыталась его отвлечь, что-нибудь спрашивала, но он был непоколебим, сидел, насупившись, и в жутком напряжении. Все равно летать давал. А под конец даже оценил мое пилотирование:

— Ну, ничего — все терпимо, ничего-ничего, хорошо...

Хороший был мужик. Красивый сибиряк. В личной жизни неоднократно был женат, но детей не было. Он был наивный, как ребенок. Глаза широко раскроет — сущее дитя! Мог все мне рассказать, все...

Здесь уместно вспомнить о летчике из отряда Милютичева — Евгении Пугаеве. Егор Филиппович был командиром отряда, а Женя был хороший летчик, но «хулиган». Однажды мы взлетели, и в машине откуда-то появился дым. А Женя вдруг стал машину туда-сюда дергать. Я с удивлением воскликнула:

— Ты что, с ума сошел? Что ты делаешь?

— Дым вытрясаю!

В тридцать три года Женя разбился. Случилось все во время испытательного полёта при перегоне вертолета Ка-25 со скрытым дефектом двигателя.

«В одной из строевых частей в полете было отмечено кратковременное нарушение в работе двигателя. На земле отказ обнаружить не сумели, и было принято решение провести испытания в ЛИИ. Перегон объекта испытаний в Москву возложили на самих испытате-

лей. Учитывая серьезность дефекта, предложили оформить каждый этап перелета как испытательный полет высокой сложности. Назначение Пугаева на эту работу не было случайным. Летчик-испытатель, инспектор Министерства авиационной промышленности, он сам обучал слушателей вертолетного отделения посадкам вертолетов при отказе двигателей, обучал летчиков-испытателей Министерства действиям при посадке с авторотирующим винтом, проверял их... Отказ, но не тот, которого ждали, произошел в каких-нибудь двадцати километрах от аэродрома взлета. Как рассказывал потом участвовавший в полете штурман Карпинский, раздался грохот и сразу же взвыл один двигатель. Летчик выключил один двигатель, за ним — второй. Посадка по-самолетному на авторотации винта из-за малой высоты — практически перед собой на пахоту. Женя отлично выдерживал направление после касания, пока левое носовое колесо не подломилось... Вертолет опрокинулся на сторону командира и завращался, ковыряя остатками лопастей весеннее поле, но не загорелся. От удара Олега Карпинского выбросило через дверь далеко вперед. Его спас защитный шлем, сплюсвившийся, как пустая консервная банка... Летчик был еще жив, когда Олег со сломанными рукой и ногой, с пробитой в нескольких местах головой сгоряча попытался перевернуть лежащий на боку вертолет в одиночку. Когда это не получилось, вспомнил о тракторе, который зафиксировался в сознании в процессе снижения. Тракторист уже сам бежал к месту падения. Стали переворачивать вертолет вдвоем, а Женя еще был жив... Потом, когда с помощью трактора удалось перевернуть машину, обнаружилось, что командир мертв. Экспертиза показала, что смерть наступила от удушья... Похоронен Евгений в Жуковском, на Быковском кладбище. Награжден орденом «Знак Почёта»*

На мой взгляд, Пугаев, как и многие летчики ДОСААФ, не умел садить машину на авторотации.

Гибель Пугаева командир переживал очень тяжело, как человек эмоциональный и восприимчивый, винил себя, считал, что не смог научить своего летчика: «Лучше бы я сам полетел». Женя мог выжить, если бы умел садиться на авторотации. Милютичев умел. Такой навык на соосном вертолете нужно было отрабатывать до автоматизма, там были свои тонкости — на сколько и когда сбросить шаг, подорвать винт... Женя не смог сесть, поэтому рано ушел, а Егор Филиппович после этого случая бросил летать, но остался верен профессии. В этот период начали создавать первые пилотажные наземные стенды, и

* Энциклопедия испытателей www.testpilots.ru.

летчик-испытатель Милютичев продолжил работу в нашей лаборатории инструктором по стендам.

Наша с ним дружба продолжалась до его последних дней.

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГАРНАЕВ

В воскресенье вечером, 6 августа 1967 года, во Франции при тушении большого лесного пожара, в сложных условиях гористой местности потерпел катастрофу вертолёт Ми-6. Экипаж в составе: командира корабля — Героя Советского Союза, заслуженного лётчика-испытателя СССР Ю.А.Гарнаева, второго пилота Ю.Н.Петера, штурмана В.Ф.Иванова, бортинженера С.А.Бугаенко, бортрадиста Б.Н.Столярова, инженеров-испытателей А.Я.Чулкова, В.П.Молчанова и двух французских специалистов: Сандоза и Тэпфера — погиб*

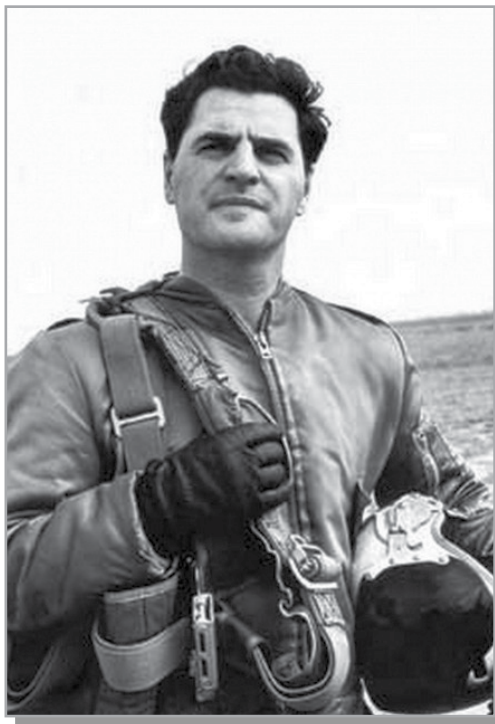
Справка:

Герой Советского Союза (21.08.1964), заслуженный лётчик-испытатель СССР (21.08.1964), капитан Юрий Александрович Гарнаев родился 17 декабря 1917 года в городе Балашов Саратовской области. С 1934 жил в посёлке Лопасня (ныне — город Чехов) Московской области. Работал токарем на механическом заводе. В 1936 окончил 3 курса Подольского индустриального техникума. В 1936–1938 — токарь Лиа-нозовского вагоноремонт-

*Ю.А.Гарнаев
(17.12.1917–06.08.1967).*

* Из сообщения ТАСС.

Летчик-испытатель.

ного завода. В 1938 окончил Мытищинский аэроклуб. В армии с 1938. В 1939 окончил Энгельсскую ВАШЛ. Служил в строевых частях ВВС (Забайкальский ВО). В 1940–1942 — лётчик-инструктор Забайкальской ВАШЛ (г. Улан-Удэ). С 1942 вновь служил в строевых частях ВВС. Участник советско-японской войны: в августе-сентябре 1945 — штурман 718-го истребительного авиационного полка (Забайкальский фронт); совершил 11 боевых вылетов на Як-9. С октября 1945 — в отставке. В декабре 1945 был осужден и до 1948 находился в заключении. Работал токарем, технологом, старшим диспетчером завода МВД в городе Ворошилов (ныне — город Уссурийск) Приморского края, в 1948 был заведующим

клубом НКВД в городе Норильск. В 1949–1950 работал в ЛИИ техником. В 1950–1951 — заведующий клубом «Стрела» (г. Жуковский). В январе-декабре 1951 — парашютист-испытатель ЛИИ. Выполнил 7 испытательных катапультирований и несколько десятков парашютных прыжков. 14 мая 1951 выполнил первое в стране катапультирование в скафандре. С декабря 1951 — на лётно-испытательной работе в ЛИИ. В 1953 окончил курсы лётчиков-испытателей при ШЛИ. Выполнил первый полёт и провёл испытания «Турболёта» (1957), созданного в ЛИИ под руководством конструктора А. Н. Рафаэлянца. Провёл испытания: Ми-3 на авторотации (1954); опытных автопилотов на Ми-4 (1957); испытания по отстрелу лопастей на Ми-4 (1958); испытания МиГ-21Ф на максимальную скорость; испытания ряда опытных двигателей на самолётах-истребителях; средств спасения; силовой установки Ми-6; Ту-16 и Ан-10 на сваливание (1960); Ту-104 на режимы невесомости; испытания скафандров на МиГ-15, Ил-28, Ту-14 (1951–1953). Участво-

вал в испытаниях Як-24 (1953–1955), Ми-10 (1959), Ка-22 (1962–1964); в отработке крыльевой заправки Ту-16 (1956). 29 декабря 1962 покинул с парашютом Ми-6, 16 июля 1964 — Ка-22. Погиб 6 августа 1967 года на вертолёте Ми-6ПЖ при тушении лесного пожара в районе Марселя (Франция)...

Жил в городе Жуковский Московской области. Похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище. Награждён орденами Ленина (21.08.1964), Отечественной войны 1-й степени (28.08.1945), Трудового Красного Знамени (12.07.1957), медалями. Его именем названы улицы в Балашове, Жуковском, Улан-Удэ, Феодосии. В Жуковском, на доме, где он жил, и в Балашове, на школе №5, носящей его имя, установлены мемориальные доски. В городе Ле-Ров (Франция) установлен памятник.*

В 1963 году началась отладка на больших высотах опытного доплеровского датчика, измеряющего скорости перемещения. Отрабатывали режим висения. Задача была получить как можно меньшее перемещение от точки. Систему отлаживали на вертолете Ми-4. Сигнал надо было отфильтровать, подготовить, чтобы он был удобен для восприятия гидравлическими усилителями — рулями, и подобрать настройки.

11 января 1964 года мы выполняли плановый полет в составе экипажа: Юрий Александрович Гарнаев — на месте первого летчика, я — на месте второго, а сзади пристегнутый стоял наш механик Андрей Исаакович, который следил за оборотами и параметрами двигателя. В полетном листе была указана высота пятьсот метров.

Был яркий, солнечный, морозный день. Мы поднялись на плановую высоту пятьсот метров и зависли без автопилота, в этот момент я посмотрела через Гарнаева и увидела контур радужного круга, а в нем — наш вертолет. Это было невероятно красиво и необычно!

— Юрий Александрович, — воскликнула я, — посмотрите!

— Красота какая, вижу, — ответил, улыбаясь, Гарнаев.

— А давайте посмотрим, как он будет дышать с изменением высоты, — предложила я.

— Давай!

Гарнаев был человек, с которым все было можно. Мы поднялись на восемьсот метров и радужное кольцо увеличилось!

— Юрий Александрович, а если на тысячу? — не унималась я.

— А давай!

Мы не могли объяснить происходящее, видно, падающие лучи солнца и влажность создавали это необыкновенное радужное явление.

* Энциклопедия испытателей www.testpilots.ru.

ние. Мы набрали высоту тысяча метров, а явление было все красивее и красивее. Время шло, у нас всего час полета, поэтому пришлось прервать созерцание и вернуться к задаче.

Уже на высоте тысяча метров мы перешли в режим висения, включили автопилот, он зафиксировался — стоит. Вдруг — отказ по крену! А так как автопилот стопроцентный, ручка ушла до упора, и нас крутануло в бок. Когда мы перевернулись, механик Андрей Исаакович западнировал и стал кричать:

— Командир! Мы падаем!

Мы действительно были на волосок от гибели. Уверена, если бы пилотировал другой летчик, он попытался бы вернуть машину и, конечно, не догнал бы ее. Но Гарнаев был гением и принял гениальное решение. Когда нас завалило, он не стал возвращать машину, а дал педаль до упора и перевел крен в пикирование. Скорость и все остальные параметры зашкаливали. Только когда появились столбы, то есть совсем близко от земли, Гарнаев вывел машину, и мы сели прямо в поле.

Я посмотрела на Юрия Александровича. Не знаю, что у него было с давлением, но через все лицо проходили две полосы — желтая и малиновая. Мне стало жутко: «Вдруг умрет!»

— Алла, — произнес сдавленным голосом Гарнаев, — у тебя же ребенок...

Я ничего не ответила, но запомнила его лицо. Перед полетом мы всегда обсуждали наших маленьких детей. Сейчас, сын Героя Советского Союза Юрия Гарнаева — Александр Гарнаев — Герой России, а его ровесник, тот самый ребенок, мой сын — ученый, талантливый физик, доктор физико-технических наук.

Несмотря на происходящее, я не поддалась панике, включила запись и записала все параметры. Ушло у нас на это тысяча метров! А если бы мы начали режим висения на запланированной высоте пятьсот — как было в полетном листе?!

Анализируя произошедшее, могу сказать: Господь меня хранит. Я ведь от любопытства Гарнаеву предложила подняться выше, и хорошо, что он согласился, заразился моим интересом, другой бы сказал — написано пятьсот метров в полетном листе — и все! Потенциально это была стопроцентная катастрофа!

В данном испытательном полете с Гарнаевым работал автопилот, ручку зажало, и летчик ничего не мог сделать. Автопилот перевернул вертолет. Мастерство Гарнаева, который не стал вмешиваться в управление, а перевел в пикирование, плюс то, что автопилот был включен только по каналу крена и тангажа, и не были зажаты педали, — все это спасло нас от катастрофы.

Надо признать, раз произошел сбой, значит я как ведущий инженер допустила ошибку. Это были опытные машины и опытные системы, которые сама придумывала, по моим техническим условиям делали макеты, потом я ставила их и обследовала. Несмотря на то, что работала моя система, меня никто не ругал за очевидное ЧП, испытания мы продолжили.

Судьбоносным вертолетом для Юрия Александровича стал Ми-6. Несколько лет он поднимал эту машину в воздух, досконально изучил ее. Первая крупная авария случилась в конце декабря 1962 года. Тогда пожар в силовой установке ликвидировать не удалось, и экипажу Гарнаева пришлось покинуть горящую машину на парашютах. Я оказалась практически участником и свидетелем той трагической ситуации.

В тот день мы должны были лететь с Гарнаевым на моей «четверке», но Ми-6 подготовили раньше. А так как Гарнаев брал меня во все полеты, к Ми-6 я ехала с ним в автобусе. Приехали, я с парашютом шла за Гарнаевым, чтобы сесть в «шестерку», но он вдруг повернулся и говорит:

— Алла, мы быстренько, там у них что-то противопожарная система барахлит, мы на пятнадцать минут, ты иди пока, готовься, я быстро вернусь, и мы полетим.

Мы расстались. Я с механиком все предполетные подготовки закончила, пятнадцать минут уже давно прошли. Неожиданно я увидела, как к вертолету бежит другой летчик — Женя Пугаев, прибегает, ничего мне не говорит, командует механику запуск, механик запустил, и мы полетели. Я долго молчала, в таких случаях особо не возникаю, значит что-то случилось. А в вертолете вибрация, ничего не слышно, разговаривать можно только по СПУ. Спрашиваю:

— Жень, куда летим?

— На поиски, — отвечает Женя, — разбился Ми-6.

Тот самый вертолет, на котором я должна была лететь. А так как они не далеко отлетели, то мы их быстро нашли. Возник пожар, загорелся двигатель, вертолет был полностью заправлен и вспыхнул. Экипаж вертолета: Юрий Гарнаев и Щепкин Володя — пилоты, механик Мамков Костя и ведущий инженер Миша Рылеев.

Мы сели, вокруг снег, вышли из вертолета, а навстречу нам Гарнаев, я кинулась к нему:

— Юрий Александрович, какое счастье, живой!

А он говорит:

— Я живой, а Володя нет...

Дело в том, что когда вертолет летит, то надо еще из кабины летчиков изошртиться и выпрыгнуть. Потому что у него шасси не убираются,

Один из семейных вечеров.

если из кабины летчиков просто выпрыгнуть, то запросто можно удариться о шасси, поэтому нужно обязательно хорошо оттолкнуться и выпрыгнуть. Володя вывалился из вертолета и попал в шасси. Костя Мамков был довольно грузный мужчина, пытался вытолкнуть Мишу Рылеева, а тот упирался, боялся, в результате они вместе с Костей и погибли. Когда мы нашли их, то Костя, механик, попал под винт, и его искромсало, мы подбирали бедро — как рис вареный, я после этого долго-долго рис не ела... Мишу Костя все-таки вытолкнул, но тот не успел раскрыть парашют, упал, как кукла. Мы его затащили в Ми-4, прямо так положили, у него скоба была не выдернута. Когда их всех хоронили, приехали родители Миши Рылеева из Энгельса. Они были очень пожилые люди, сын у них поздний и единственный. Оба сошли с ума. Мать и отец. Мой приятель ездил к ним, они писали в Правительство, что Мишу заслали в космос. Оба закончили в сумасшедшем доме.

В тот раз Гарнаев проявил свое мастерство и в способности выживать, мог и пилотировать, и катапультироваться.

Юрий Александрович Гарнаев был моим первым учителем летного дела. Дело в том, что для автоматизации какого-либо процесса, надо

было придумать и отработать законы управления, по которым автопилот сможет пилотировать на заданном режиме. При этом законы эти должны были обеспечить оптимальное управление. Автоматизация и опытные системы нужны были не сами по себе, а для оптимизации управления полетом, и мне необходимо было самой почувствовать, ощутить, что это такое — управление полетом вертолета. Единственной возможностью точно определить, что необходимо исправлять, являлось самостоятельное пилотирование.

Методика обучения Гарнаева была настолько эффективна, насколько и проста, буквально укладывалась в два предложения:

— Ты все берешь, а я не трогаю.

И вот тут я, конечно, выпрыгивала из своего комбинезона, потому что он на самом деле сидел, полностью отдав управление. А в воздухе решают всё доли секунды, и я из последних сил старалась. Надо признать, у меня получалось, но было очень трудно. Техника вождения была не простой: сначала нужно было подняться где-то на метр и повисеть на месте, это довольно трудный режим, потом уже разгоняться и уходишь в горизонтальный полет. И дальше опять нужно затормозить машину, взвесить ее над землей и сесть. Это я все освоила, но не блестяще. Пока долетала в зону — двадцать минут, была вся «в мыле», потому что управление было невыносимо тяжелое, особенно на малых скоростях и малых высотах. Но так как я упряма, к тому же это было очень интересно, я старалась из последних сил. Освоить нужно было четырехступенное управление — тангаж, курс, крен и высота. Отрабатывали поканально: летчик держал три канала, а я отработывала высоту, потом училась по крену и так каждый канал. На режиме висения вертолет начинало буквально «корёжить», совершенно не было демпфирования. Нужно было чувствовать всегда вторую производную, постоянно вмешиваться в управление по всем четырем каналам — педали, высота... Когда я прилетала, спина и комбинезон были мокрые. Это была невероятно тяжелая работа, нужно было прикладывать огромные усилия к рычагам управления — на пальце, которым управлялся «шаг-газ», у меня был мозоль. К тому же в отличие от тех, кто обучался пилотированию в специальных школах, мне нужно было освоить все очень быстро. Поэтому примерно на третьей программе я уже могла как-то сама справиться с полным движением — горизонт, высота и курс. Наше партнерство с Гарнаевым было очень результативным, позднее Юрий Александрович брал меня в полеты как талисман.

После случая с отказом автопилота мы недели две на земле с московской фирмой гоняли вертолет на привязи по всем режимам, на

всех оборотах, проверяли двигатель, но причину отказа так и не нашли: на земле все работало, как часы. И вот тогда Гарнаев вместо того, чтобы сказать — чтоб этой девчонки больше на борту не было, сказал: «Полетели!» Мне казалось, что любой летчик-испытатель возмущился бы: не место женщинам в воздухе. Но Гарнаев был особенным, а, возможно, время такое было — все болели за дело, а тут ведущий инженер с экспериментом, пусть садится и сама летает, отлаживает. Получится — хорошо, нет, значит, закроем программу.

И мы полетели. Отработали программу, все у нас получилось, вертолет по углам держал отлично! Трудно переоценить значение этой работы, ведь в результате был сделан очень важный вывод: нельзя оставлять на вертолете стопроцентное управление от автоматики, стопроцентный автопилот опасен.

Постепенно мы доработали систему, обеспечив возможность ограничивать ход автопилота. Мне же поручили вместе с Гарнаевым проведение полетов для отработки системы на разных уровнях высоты. С тех пор и до сегодняшнего дня все пилоты летают с двадцатипроцентным управлением от автопилота. Именно эта работа с Гарнаевым стала особенно важной для всех последующих поколений вертолетов и испытателей, ее результаты позволили спасти много жизней. Можно только догадываться о последствиях, если бы были запущены в серию вертолеты со стопроцентным автоматическим управлением, сколько пилотов могли погибнуть?!

У Юрия Александровича Гарнаева была удивительная судьба, он уникальный и единственный в своем роде летчик. Летал на всем, что могло и не могло летать. Была такая платформа — «Турболет*», с шестью или четырьмя двигателями. Двигатели давали струю, и этот летательный аппарат висел. Два двигателя были с поворачивающимися соплами, которые обеспечивали движение немного вперед, немного в стороны. Если отказывал хотя бы один двигатель, платформа переворачивалась и падала. А Юрий Александрович на этом аппарате не просто летал, а вальс танцевал и демонстрировал свое искусство на больших высотах во время воздушного парада в Тушино!

Один из семейных вечеров

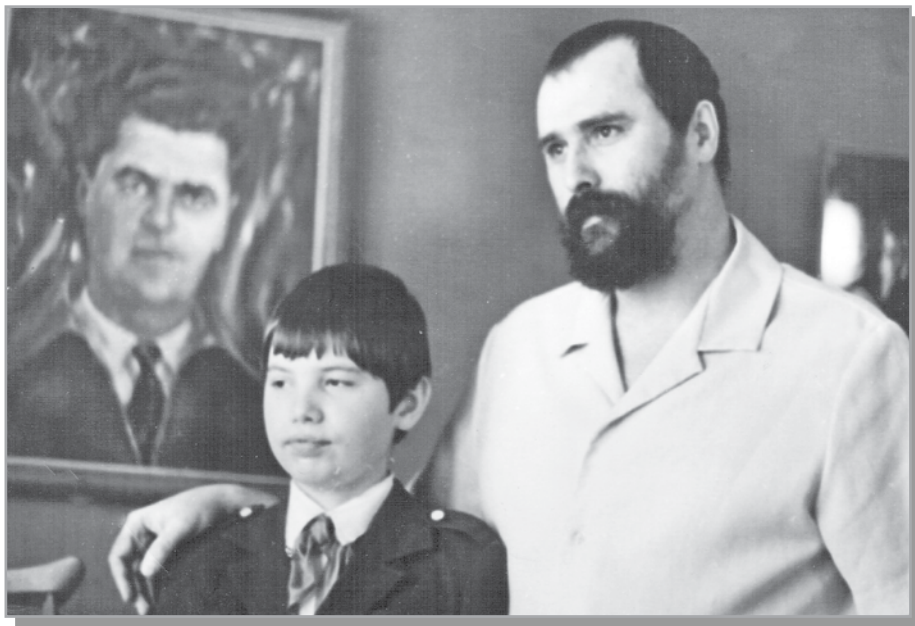
Кроме того Гарнаев был удивительно работоспособным, казалось, на любимой работе он никогда не уставал, был единым целым с любой летающей машиной, чувствовал ее, как часть себя. График полетов

* Турболет — стенд для проверки работы двигателя и газоструйной системы управления для самолетов вертикального взлета и посадки (СВВП). Журналисты дали ему прозвище «Летающий слон».

В последний день жизни... 6 августа 1967 года.

и объекты испытаний впечатляют: прилетит с большого самолета, и тут же мы идем отрабатывать задачи на маленьких легких вертолетах С-61. Тогда как раз закупили американские вертолеты Сикорского С-61: вертолет небольшой, кабина вся остекленная — капсула, и когда взлетаешь на нем, оказываешься в воздухе один на один с небом. Мне выпало счастье с Юрием Александровичем на этом вертолете много летать. Надо признать, что С-61 были гораздо удобнее в управлении, чем наши машины. На порядок выше по характеристикам, чем наши вертолеты. Во-первых, у них была загрузка ручки совсем другая. У нас на всех вертолетах детали были тяжелые, как паровозные, с запасом прочности. Почему-то у нас считалось, что чем больше загрузка, чем сильнее загрузочная пружина на ручке управления, тем надежнее. А на импортных вертолетах были пружины слабые, и ходило все легче. Получалось, что их вертолеты с демпферами более устойчивые

1977 г., Муж и сын Андрей, на заднем плане портрет Гарнаева, выполненный художником ЛИИ Славой Архаровым.

и управляемые — легкая ручка, легкая загрузка.

Талантливый специалист, гений в профессии, Юрий Александрович и как человек был безупречен. Человек, который много страдался.

Женился он рано и в двадцать лет уже стал отцом — сначала, в 1937 году, появился сын Слава, позже родилась девочка. К началу войны у Гарнаева была семья, но вскоре он попал на Дальний Восток в Забайкальский военный округ, а там в 1945 году случилась беда — его незаслуженно осудили, и он отбывал заключение. По-видимому, где-то на этот период приходится развод с первой женой. После освобождения Гарнаева бывшие супруги разделили заботу о воспитании детей. Юрий Александрович воспитывал Славу, у которого к тому моменту был туберкулез кости. Кстати, мы со Славкой стали друзьями, помню, он давал мне свой мопед, и я ездила за детьми в детский сад. Слава Гарнаев был и моим коллегой: тоже всю жизнь проработал в ЛИИ.

Сам Юрий Александрович пришел в ЛИИ в 1950 году. Вхождение в работу по понятным для того времени причинам не было гладким: сначала приняли, но потом, как бывшего заключенного, предпочли

уволить. Какое-то время первоклассный летчик работал заведующим клуба «Стрела». Выяснилось, что и здесь ему равных не было: прекрасно пел, заражал оптимизмом и всегда улыбался! Внешне он был очень симпатичным, к тому же обладал веселым нравом и приятными манерами: всегда вежлив, галантен и открыт, словом, душа — человек!

Но, главное, Герой летчик-испытатель Гарнаев был для своих коллег не просто учителем и примером, а очень комфортным партнером — с ним было всё можно и всё получалось, он так и говорил:

— Все сделаем, все можно...

Для меня, молодой и хрупкой девчонки, многие работы тяжелы были в организационном плане. Например, пробить полеты, когда выдавалась погода, было нереально сложно, сразу шел поток машин по заявкам, и в первую очередь пропускались самолеты, а вертолеты всегда где-то сзади. Но тут приходил на помощь Юрий Александрович, лично с кем-то договаривался, чтобы взлететь, нам давали «зеленый свет», и мы работали.

Погиб Юрий Александрович в строю.

*«...Гарнаев сжимал органы управления в руках и продолжал ими работать до самой последней секунды, когда близ городка Ля Ров на юге Франции его многотонный вертолёт Ми-6, потерявший управляемость из-за разрушения хвостовой балки, уже плюхнувшись на более или менее удачную площадку сверху плоскогорья, вращаясь, сорвался с обрыва, обрушился вниз на пылающий в ущелье лес и горел там ещё почти пять часов...»**

В лаборатории ЛИИ работал художник Слава Архаров, он сразу после трагедии с Ми-6 во Франции и гибели экипажа Гарнаева нарисовал портрет Юрия Александровича. На портрете красивый Гарнаев в кожанке, окруженный языками пламени. Этот портрет я купила у Славы за большие деньги. Но спустя годы Саша, муж, работал с американцами по программе Ту-144, а с ним работал сын Гарнаева — Александр, ему мы портрет и подарили как память о легендарном отце, который был героем при жизни и погиб героически, спасая от пожара чужую страну.

* Энциклопедия испытателей.

центра ДОСААФ. В 1962–1965 — лётчик-инструктор Ростовского аэроклуба. В 1965–1966 — пилот ГВФ. В 1966 окончил вертолётное отделение Школы лётчиков-испытателей, в 1975 — Московский авиационный институт. С марта 1966 — на лётно-испытательной работе в ЛИИ. Провёл ряд сложных испытаний на вертолётах Ми-2, Ми-4, Ми-6, Ми-8, а также на самолёте Як-38 по тематике института. Был одним из первых лётчиков-испытателей в программе «Спираль». Тренеровался в ЦПК им. Ю. Гагарина в 1979–1980 годах для полетов на ОК «Буран».

8 сентября 1980 года при выполнении очередного короткого взлета Як-38 №307 сошел с палубы с потерей высоты, ударившись колесами об ограничительный брус, и еще минуту шел в фонтане брызг над самой водой. У лётчика-испытателя Кононенко времени катапультироваться было более чем достаточно, однако до последней секунды он пытался набрать высоту и спасти машину. Попытка спасения лётчика с помощью дежурившего в воздухе вертолета-спасателя не удалась, и Як-38 затонул вместе с лётчиком. Изучение причин катастрофы в ЛИИ и ЦАГИ показало, что торможение ветрового потока над палубой могло повлечь за собой снижение подъемной силы крыла, приведшее к потере скорости и удару о палубу. После этого случая на самолете провели ряд доработок, повышающих надежность системы поворота сопел ПМД, и уточнили методику ВКР.

Жил в городе Жуковский Московской области. Похоронен в Жуковском, на Быковском кладбище. Награждён 2 орденами Ленина.*

В семидесятые и восьмидесятые годы прошлого века проходила смена поколений лётчиков, с новой волной пришли молодые и талантливые Анатолий Муха, Олег Кононенко, Владимир Сомов. Если Гарнаев был интуитивным лётчиком, специального образования у него не было, а машину он просто чувствовал, то Олег Кононенко был «профессором» в деле пилотажа: образованным, очень грамотным и эрудированным испытателем.

Олег был лётчик от Бога! Он пилотировал, как сам Бог! Как он летал! Если Милютичев дал мне путевку в небо, Гарнаев научил летать, то Олег меня научил пилотажу. Не просто летать, а пилотажу! С ним мы разговаривали на одном языке. Прямо в полете Олег показывал, какие варианты возможны при разных режимах пилотирования, он знал много тонкостей и охотно делился со мной. Мог и безупречно летать и безупречно обучать других. С Кононенко я оттачивала свое мастерство.

* Энциклопедия испытателей www.testpilots.ru.

Олег Кононенко на испытаниях.

— Ну что ты вся зажатая... обращался ко мне Олег, — это же твой друг!

После Олега я летала, могу признаться, нормально, в 1978 году даже смогла сделать петлю: очень сложный маневр, при котором вертолет запросто могло завалить. Чтобы сделать координированную петлю, нужно очень хорошо пилотировать. И мой успех в этом деле, бесспорно, заслуга Олега.

Работать с ним было необыкновенно интересно. Красивый, умный, талантливый — он вызывал восхищение как летчик и человек.

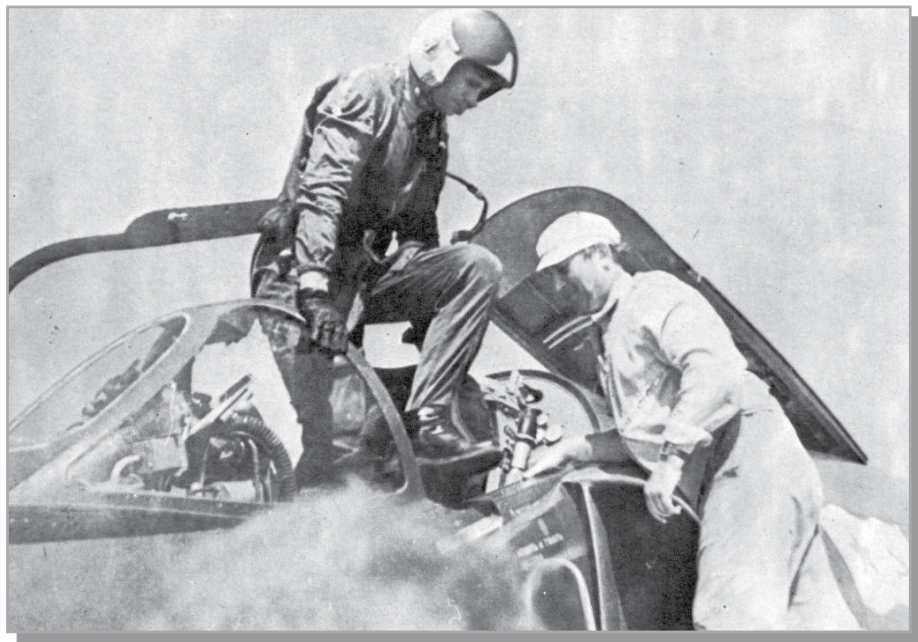
Как уже упоминала, Олег был очень грамотным инженером, получил высшее профильное образование и кроме интуиции имел опыт и научные знания, был теоретически подкован. Поэтому самые сложные программы с Олегом становились простыми и исполнимыми.. Олег умел, как никто другой, проанализировать и дать четкие рекомендации. После отработки задач с ним я всегда знала, что мне делать дальше.

Благодаря Олегу я выполнила уникальную программу по теме «Посадка вертолета на заснеженные/запыленные аэродромы». Работа была необыкновенно интересной и запредельно сложной. Суть ее заключалась в следующем.

При посадке на заснеженную или запыленную площадку вертолет

создает вокруг себя снежные или пыльные вихри, ухудшая при этом обзор. Пилот теряет видимость и вертолет падает. В этот момент управления все зависело от информационной части. Гипотетически я допустила, что если посадку запрограммировать, то автопилот все выполнит. Все решения по эксперименту обязательно отрабатывали на стендах. У меня возникло предположение, что если сигнал, который автопилот отрабатывает в ноль, направить на прибор летчику, то сам летчик будет держать стрелку в нуле и работать вместо автопилота. Во время испытаний я зашторивала летчика, оставался только прибор, на котором нужно было держать стрелку в нуле. Это были так называемые «слепые полеты».

«Слепые полеты» мы пытались реализовать с несколькими летчиками, но ни у кого не получалось, очень трудно держать стрелку в нуле, когда ты ничего не видишь. Сложно в первую очередь морально: приближаешься к земле и ничего не видишь. Кроме того, у вертолета не ориентированное шасси, и если при посадке допускается боковое смещение, то вертолет переворачивается. Мы провели несколько

После полета.

безуспешных попыток с разными летчиками, оставался единственный из высококлассных испытателей, с кем я не пробовала «слепые полеты», — Олег Кононенко. Но рассчитывать на него не приходилось: в то время он тренировался в отряде космонавтов для полетов в космос.

Я была в полном отчаянии: оставалось пять полетов, а у меня совершенно не было результатов. И вот как-то стою на КПП, задумчивая и расстроенная, вдруг кто-то меня трогает за плечи, поднимаю голову — Олег:

— Ты чего такая печальная?

Я, как на духу, ему все изложила, а Олег тут же направился к начальнику ЛИЦа Валентину Петровичу Васину и получил разрешение отлетать по моей программе оставшиеся пять полетов.

У Олега все получилось с первого раза. У нас был великолепный результат, который потом использовали в фирмах. Я была такая счастливая! Почти сразу после завершения программы я уехала в Ялту, а он в Малайзию. Проводы были очень грустные, он так не хотел улететь туда...

Превосходный специалист, профессионал, заслуженный летчик-испытатель Олег Кононенко был отобран в команду космонавтов-испытателей для подготовки к полетам в космос на шаттле «Буран». Но судьба распорядилась иначе...

8 сентября 1980 года в Малайзии Олег разбился: упал на взлете в океан. Долго не могли ничего найти, мне кажется, так и не нашли. Месяца через три похоронили.

Гибель Олега я пережила очень тяжело...

Ушел необыкновенно талантливый летчик и очень хороший, близкий по духу человек — добрый, умный, красивый... вечная ему память!

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕССОНОВ

Справка:

Заслуженный лётчик-испытатель СССР (14.08.1981), лейтенант запаса Николай Александрович Бессонов родился 15 апреля 1935 года в Москве. В 1939–1945 жил в городе Караганда (Казахстан). В 1959 окончил Московский авиационный институт. Одновременно с обучением занимался планерным и самолётным спортом в аэроклубе МАИ, который окончил в 1957. Продолжал летать в Центральном аэроклубе имени В.П. Чкалова. В 1959–1962 работал инженером в Лётно-исследовательском институте. В 1963 окончил Центральную вер-

толётно-планерную школу ДОСААФ (г. Калуга). В 1962–1965 работал старшим инженером в КБ (п/я 228). В 1966 окончил вертолётное отделение Школы лётчиков-испытателей. С марта 1966 — на лётно-испытательной работе в Лётно-исследовательском институте. Провёл ряд испытательных работ на вертолётах по тематике института: испытания нового винта на Ми-6; исследования по максимально допустимым перегрузкам на Ми-8; испытания методики взлёта Ми-8 с передней стойки шасси для сокращения взлётной дистанции в высокогорье. Есть такие стихи (по поводу лыжных прогулок на Терсколе):

Известно: Волк — не трус,

И Муравей — не трус.

Они с Бессоновым по пьянке

Взобрались шустро на Эльбрус

Умер 14 марта 1982 года от ожогов, полученных 8 февраля 1982 года при катастрофе вертолёте Ми-8. В этот день Бессонов с В.Е.Туровцом отрабатывали “крайние” режимы посадки на Ми-8. После трех благополучных режимов с обоими выключенными двигателям (на режимах авторотации с “подрывом”) был режим на “малом газе”. Упали с большим углом тангажа, развернуло, так как топливо было не отсечено, то видимо это привело к сильному пожару. Туровец погиб в пожаре в 13 часов 40 минут. Бессонова отвезли с сильнейшими ожогами в больницу. Через неделю Бессонов приступил к зарядке (!) при 20% ожогах кожи, дыхательных путей. Гибель Туровца от него скрывали. Когда он узнал об этом, то, как свидетельствуют очевидцы, “сломался”. Лидия Аркадьевна Богородская, дочь А.Богородского, первая увидела и подняла тревогу

Н.А.Бессонов
(15.04.1935–14.03.1982).

*по поводу падения вертолета и пожара. Бессонов жил в Москве. Похоронен в Москве, на Химкинском кладбище. Награждён орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта».**

Стать таким летчиком-испытателем, как Гарнаев, Кононенко, Милютичев, может далеко не каждый. Пилотирование — особый дар, и если человеку не дано, то даже круглосуточные тренировки не помогут.

Испытатели в ЛИИ приходили по двум каналам — военные летчики-испытатели и летчики ДОСААФ. Степень мастерства была разная. Военные были на несколько уровней выше. «Досаафовские» летали очень тяжело, напряженно, к сожалению, многие из них очень быстро разбивались.

Я летала со многими летчиками, но всегда выбирала, чтобы налет был хороший, реакция была. Для меня это было важно, потому что от правильного выбора зависел не только результат испытаний, зависела моя жизнь. Поэтому подходила к этой задаче очень серьезно, и с летчиками была предельно честна.

Был у нас летчик-испытатель Николай Бессонов, мы с ним еще в институте учились вместе. Окончил ДОСААФ, потом школу летчиков, но летчик он был обычный, без особенных талантов и достижений.

Когда мы стали принимать участие в афганской войне, наши вертолеты падали один за другим, нам привозили черные ящики, и мы должны были разбираться в причинах летных происшествий.

В те годы мне у меня была задача отработать быстрый уход от противника по приборам — разворот с креном и со скольжением, чтобы за счет сокращения радиуса меньше времени быть хвостом к противнику. Вот на эту работу ко мне стал проситься Коля Бессонов:

— Алла, я так хочу полетать на этих режимах!

— Ну, давай, вот у меня есть три полета... — согласилась я.

Мы сделали один полет — не получилось, второй — опять неудача. И я пришла на КПП, отвела Колю в сторонку и говорю:

— Коля, закончили мы на этом работу, не получилось у тебя, ты меня извини.

И вот он, стоя напротив меня, заплакал:

— Алла, мне так интересно это все делать, у тебя такие интересные работы, позволь мне еще один полет слетать...

Через некоторое время Коля разбился... Не умел на авторотации садиться.

В том последнем полете Коли — 8 февраля 1982 г. — погиб летчик В.Е. Туровец, а Бессонова с автомехаником отвезли в больницу Виш-

* Энциклопедия испытателей www.testpilots.ru.

невского. Я знала, что у Коли, несмотря на то, что он был красивый парень, не было ни семьи, ни жены. Знала, что никто за ним не будет ухаживать, и предложила начальнику:

— Пока кто-нибудь не найдется, я помогу.

Я поехала в больницу, прошел день, два, три — никто не появлялся, чтобы меня сменить. Дома у меня семья, а я в больнице «прописалась». Позвонила на работу в лабораторию, и только тогда стали приезжать женщины с Колиной работы, чтобы меня сменить.

Коля лежал с ожогами, а врачи ничего не могли сделать. То, что они ничего не могли сделать, я бы, может, и не поняла, но там была врач, которая мне все рассказывала. Это был 1982 год, лекарств не было, с питанием — сложности. Сначала я просила институтское руководство подключиться и помочь, чтобы все-таки лечение какое-то шло. Из ЛИИ звонили, но, по-видимому, этого было недостаточно, потому что изменений я не заметила.

Здесь хочу вспомнить еще одного нашего однокурсника — Севастьянова Виталия. Севастьянов был просто мой однокурсник, с ним мы общались очень мало, потому что у нас на курсе училось много ребят — двадцать групп студентов и по различным специальностям — беспилотники, ракетчики, самолетчики, вертолетчики, оборудование. Но когда Коля Бессонов в Институте Вишневого умирал, я обратилась именно к Виталию.

Так совпало, что в эти дни у нас проходила встреча курса, на которой он выступал — уже широко известный летчик-космонавт Виталий Иванович Севастьянов. Мы оказались рядом, я тут же к нему подседа и попросила:

— Виталий, вот ты сейчас известный человек, а помнишь Колю Бессонова? Он сейчас умирает в больнице, и ничего я сделать не могу. Помогите, может, позвони, куда следует.

И он откликнулся, помог, позвонил.

Приезжаю я на следующий день в больницу, а там уже бегают вокруг Коли, перевели в другую палату, капельницы ставят. Врач мне сказала, что и лекарства привезли, все в порядке.

Мне кажется, что Николай не умер бы, если бы не врачебная ошибка... Я, конечно, не уверена, но сомнения в действиях врачей у меня есть...

Все случилось в мое дежурство. Коля к тому времени уже стал идти на поправку, разговаривал. Был вечер, мы только все, что требовалось, проделали, и вдруг я заметила, что он как-то стал плохо дышать, у него стали лопаться сосуды. Я быстро побежала на пост и позвала дежурного доктора, прибежали врачи, сделали трахеотомию. Это

было часов в двенадцать ночи. Но что-то пошло не так, он тут же умер, практически у меня на руках, я его держала, а они интубировали... Потом меня вывели, а через несколько минут и сами вышли...

Николай умер 15 марта.

А механика мы выходили, он до сих пор живой, но остался инвалидом.

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ МУХА

Справка.

Лётчик-испытатель 2-го класса (1973), лейтенант запаса Анатолий Иванович Муха родился 4 июня 1940 года в городе Семикаракорск Ростовской области. С 1957 жил в городе Шахты Ростовской области. Работал стартером авиаотряда. В 1958–1959 работал

слесарем-сборщиком, токарем, грузчиком на заводе в Ростове-на-Дону. В 1961 окончил Калужскую центральную вертолётно-планерную школу ДОСААФ. В 1961–1962 работал лётчиком-инструктором Ростовского аэроклуба. В 1962–1968 — пилот ГВФ. В 1967 окончил Ульяновскую школу высшей лётной подготовки ГВФ. В 1968 окончил вертолётное отделение Школы лётчиков-испытателей. С сентября 1968 — на лётно-испытательной работе в ЛИИ. Провёл ряд испытательных работ на Ми-4, Ми-6, Ми-8, Ка-26 по тематике института. Погиб 30 сентября 1976 года при выполнении испытательного полёта на Ка-26. В конце 1960-х — начале 1970-х годов в связи

А. И. Муха (04.06.1940–30.09.1976).

с созданием в Конструкторском бюро Н.И. Камова противолодочных вертолётов, в ЛИИ на летающей лаборатории Ка-25 А.И. Мухой были проведены лётные исследования по отработке систем посадки вертолёта на подвижную палубу корабля, включая посадку в условиях моря. Он отработал большое количество режимов посадки в сложных условиях, проявив при этом, как отмечается в документах, филигранную технику пилотирования и глубокое понимание требований к системам такой посадки. Результаты этих работ использованы при создании автоматизированной системы управления вертолетов в противолодочной обороне страны. А.И. Муха принимал участие в испытательных работах на вертолетах-лабораториях с изменяемыми в полёте характеристиками управляемости, а также в полётах на вертолётном имитаторе ВИ-4-ЛК (на базе вертолёта Ми-4), в ходе которых проводились лётные испытания управляемости посадочного модуля пилотируемого космического аппарата, предназначенного для посадки на Луну. В 1976 году в ЛИИ проводились исследования «вихревого кольца» на вертолете Ка-26. «Вихревое кольцо» — это особая область режимов полета со срывным обтеканием несущего винта, которая выходит за рамки эксплуатационных ограничений. Из-за неустойчивости процессов аэродинамические и прочностные расчеты для этой области режимов весьма приближенные, а пилотирование затруднено. Программу летных испытаний составил ведущий инженер Борис Литвинов, ему же предстояло летать в экипаже. Методический совет назначил на эту работу в числе ответственных исполнителей летчика-испытателя Анатолия Ивановича Муху... По радио Муха передал: «Конец режима». И две из трех теодолитных станций прекратили наблюдение, а с третьей вдруг прозвучал женский голос: «Авария! Снимайте же!» На одной кинограмме, уже потом на земле, было видно, как лопасть ударила по стабилизатору, а потом лопасти верхнего и нижнего винтов схлестнулись. Это значит, они ударили друг по другу и превратились в обрубки. Теоретически — лететь невозможно, управляемость соосного винта нарушена полностью, но Толя сумел удержать вертолет в таком положении, чтобы выпрыгнул с парашютом ведущий инженер. На кинограмме видно еще, как справа от вертолета резко отделилась точка (это была пятая секунда после удара лопасти о стабилизатор), миновала несущие винты и над ней взмыл купол парашюта. Вертикальная скорость снижения при этом у падающего вертолета была около сорока метров в секунду. На пятнадцатой секунде, когда вертикальная скорость достигла шестидесяти метров в секунду, слева от вертолета отделилась еще одна точка. И вертолет накрыл ее... своим винтом, потому что тело человека в свободном падении достигает скорости всего пятьдесят метров в секунду...

*И парашюта там не было... О.Г.Кононенко убедил специалистов по данным контрольно-записывающей аппаратуры, что Муха все-таки управлял обреченным вертолетом, управлял. Парируя возникающие ежесекундно заваливания по крену, задирает нос вверх сразу после зарывания его вниз к земле. Это управление нисколько не походило на пилотирование в обычном смысле слова. Нелогичной совокупностью движений для любого полета исправной машины Анатолий Иванович боролся за жизнь товарища, постигнув интуицией или каким-то сверх чутьём, как надо лететь последние двадцать секунд жизни своей. Три удара: по голове ниже затылка, по пояснице и по ногам. «Так всегда, если попадешь в винт», — скажет потом В.И.Слабчук, Заслуженный летчик-испытатель СССР, повидавший на своем веку разного... А.И.Муха жил в городе Жуковский Московской области. Похоронен в Жуковском, на Быковском кладбище.**

Анатолия очень любили дети. Мой младший сын Андрей занимался у него в кружке по авиамоделизму.

Толя был красивый, молодой, веселый, добрый, летал великолепно... он, как и Олег Кононенко, отличался от других особым подходом к профессии и работе летчика — испытателя. Для него было важно не просто отработать программу, но понять, проанализировать, сделать выводы. Для Толи были характерны профессиональное любопытство и, как следствие — отличное понимание, чувствование техники.

После полетов он всегда приходил, и мы вместе смотрели, анализировали показатели осциллографа. Благодаря глубокому интересу Муха очень быстро совершенствовал свою технику пилотирования. В последнем полете Толя держал машину, пока не выпрыгнул ведущий инженер Борис Литвинов. Муха попал под винт, шансов выжить у него не было.

Так совпало, что Толя погиб, когда в моей жизни был самый тяжелый период. Помню, узнав об этом, я впервые за долгое время дала волю слезам: просто ушла в лес и там выплакалась... На похоронах уже не плакала.

Спасшийся тогда Борис Литвинов умер в 2008 году, могила Бориса находится рядом с могилой моей мамы.

ЕЩЕ О ЛЕТЧИКАХ И ПОЛЕТАХ

С особой теплотой и благодарностью вспоминаю Валентина Петровича Васина, начальника ЛИЦ, который был всегда открыт, добр и очень много мне помогал.

* Энциклопедия испытателей www.testpilots.ru.

Справка.

Валентин Петрович Васин родился 30 октября 1923 года в селе Алешино Бронницкого уезда Московской губернии. Детство и юность провёл в посёлке Новогиреево (ныне в черте Москвы). В 1941 окончил 10 классов школы и Реутовский аэроклуб. В армии с августа 1941 года. В 1944 году окончил Чугуевскую военную авиационную школу лётчиков, до 1947 года был в ней лётчиком-инструктором. В 1947 году окончил Высшую офицерскую авиационно-инструкторскую школу в Грозном, оставлен в ней лётчиком-инструктором. В 1953 году окончил Школу лётчиков-испытателей, в 1959 году — Московский авиационный институт. С

В.П.Васин (30.10.1923–11.11.2010).

1953 года по 1980 год — лётчик-испытатель Лётно-исследовательского института. Поднял в небо и провёл испытания: военно-транспортного самолёта Ан-8, второго и третьего экземпляра опытных сверхзвукового самолёта Е-50 (в 1957 году). 25 марта 1957 года впервые в стране достиг на втором экземпляре самолёта Е-50 скорости, равной двум числам Маха (то есть двум скоростям звука). Провёл: исследования по отработке посадки без двигателя и по выходу на динамический потолок на критических режимах полёта на сверхзвуковых истребителях МиГ-19, МиГ-21, Су-7 и Су-9; испытания опытных двигателей на сверхзвуковых самолётах Су-9, Су-11, МиГ-21 и СМ-12. Участвовал в испытаниях самолётов СМ-50, СМ-51 и Як-27В, провёл ряд испытательных работ на вертолётах Ми-1, Ми-4, Ми-8 и Ми-10. Провёл испытания жидкостного ракетного двигателя ЛДАЗ-00-0000 в режиме невесомости на самолёте Ил-28 и множество других сложных лётных испытаний. За мужество и героизм, проявленные при испытании новой авиационной техники, подполковнику Васину Валентину Петровичу Указом Прези-

диума Верховного Совета СССР от 1 мая 1957 года присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». С 1982 года генерал-майор авиации В. П. Васин — в запасе. Одновременно с лётной работой занимал руководящие должности: в 1964—1973 годах — заместителя начальника ЛИИ по лётной службе, в 1973—1982 годах — начальника Лётно-испытательного центра ЛИИ, в 1982—1991 годах — заместителя начальника Лётно-испытательного центра ЛИИ, в 1991—1995 годах — начальника Лётно-испытательного центра ЛИИ, в 1995—1998 года — заместителя начальника ЛИИ, в 1998—2003 годах — заместителя начальника Лётно-испытательного центра ЛИИ. Руководя Лётно-испытательным центром, возглавлял все аэродромные подразделения и службы Лётно-исследовательского института. Жил в городе Жуковский Московской области. Умер 11 ноября 2010 года. Похоронен на Быковском кладбище в Жуковском.

Наше сотрудничество и общение длилось больше сорока лет — с 1959 до 2002 года. Васин — умный и очень порядочный человек. О нем немало написано воспоминаний и сняты фильмы.

Последний раз мы виделись в 2002 году на восьмидесятилетии Егора Филипповича Милютичева, тогда еще все были живы... Но я уже не работала...

АРКАДИЙ ПАВЛОВИЧ МАКАРОВ.

Справка.

Заслуженный лётчик-испытатель СССР (14.08.1987) Аркадий Павлович Макаров родился 31 мая 1938 года в Брянской области. В 1956 окончил 1-й Московский городской аэроклуб. В армии с 1956. В 1958 окончил Забайкальское ВАУЛ. С 1958 — в запасе. В 1958—1970 работал пилотом в ГА.

В 1970 окончил вертолётное отделение Школы лётчиков-испытателей. С декабря 1970 по апрель 1988 — на лётно-испытательной работе в ЛИИ. Провёл ряд испытательных работ на вертолётах по тематике института. Участвовал в отработке методики транспортировки грузов на внешней тросовой подвеске с помощью двух вертолётов. Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Живёт в городе Жуковский Московской области. Награждён орденами Мужества, Трудового Красного Знамени, медалями.*

* Энциклопедия испытателей www.testpilots.ru

Пока я была в должности ведущего специалиста, небо для меня было открыто, и я могла летать. Но в 1975 году, после защиты, я стала старшим научным сотрудником, а по требованиям того времени специалистам этого уровня летать не рекомендовалось. В небо подыматься стала реже, но выбирала интересные темы и по-прежнему лучших летчиков. Во время отработки автоматизированной системы летчик бросал управление, и очень важно было, чтобы в случае возникновения отказа, пилот своевременно его «поймал» и предотвратил падение. Именно поэтому мои требования к испытателям были высокие. Одним из летчиков, с которыми я летала в то время, был Аркадий Павлович Макаров.

А. П. Макаров (род. 31.05.1938).

С Аркадием Макаровым мы отрабатывали полеты в условиях горной местности и в ущельях для подготовки рекомендаций летчикам, воевавшим в Афганистане. Отрабатывали, так называемые, «змейки», для выполнения которых необходимо было рассчитывать радиусы разворотов на разных скоростях полета при максимально допустимом крене.

Также с ним отлаживали «генератор качки». Летали мы на вертолете Ка-25. Аркадий Павлович летал очень хорошо, но отличался своим неугомонным характером, любил покричать.

ТЕБЕНЬКОВ ВЛАДИМИР ЛЕОНИДОВИЧ.

Справка.

Тебеньков Владимир Леонидович — лётчик-испытатель 1-го класса (1991), майор. Родился 2 ноября 1953 года в городе Алзатай Иркут-

В.Л. Тебенков (02.11.1953–31.08.1994).

ской области. В армии с 1971. В 1975 окончил Сызранское ВВАУЛ. Служил в строевых частях ВВС. Участник боевых действий в Афганистане: в марте 1980 – сентябре 1981 — командир звена; совершил более 600 боевых вылетов на Ми-24.

С 1984 — в запасе. В 1984 окончил вертолётное отделение Школы лётчиков-испытателей. С октября 1984 — на лётно-испытательной работе в ЛИИ. Провёл испытания вертолёта В-3 в условиях обледенения; испытания топливной аппаратуры В-3; испытания системы имитации видимости на вертолёте и ряд других испытательных работ на вертолётах по тематике института.

Погиб 31 августа 1994 года в авиакатастрофе на вертолёте «Алуэтт». Жил в

городе Жуковский Московской области. Похоронен в посёлке Островцы Раменского района Московской области. Награждён 2 орденами Красной Звезды, медалями.

В восьмидесятих годах в рамках программ по маневренности и пилотажу я работала с молодым и очень талантливым летчиком Володей Тебенковым. Он был небольшого роста, а его профессию можно было определить по внешнему виду: собранный, сконцентрированный — руки и ноги словно всегда наготове. Так выглядят все летчики.

«Тебенёк», несмотря на возраст, успел побывать в Афганистане, это был важнейший опыт для отработки маневренности. Летчики-афганцы — пилоты, которые прошли все ограничения. С Володей мы отрабатывали режимы, где нужно было выработать рекомендации, повышающие шансы на спасение: как уберечь несущий винт и хвост, двигатель, определить источник огня, повернуться бортом, днищем... Проработали мы совместно лет восемь.

*Встреча в рамках программы Ту-144ЛЛ.
В центре — Президент концерна «Боинг» с супругой.*

Володя летал превосходно и был необыкновенно продуктивен. Без него я бы столько полетов в таком сжатом объеме не сделала. Мы ведь сэкономили полеты, каждый полет — это риск и деньги, и ресурс. Отлетали ресурс — нужно менять. Но Володя был грамотный, профессиональный и талантливый летчик. Выполнял режимы один в один, просто каллиграфически, а ведь это все было вблизи ограничений, в любой момент можно было перейти черту.

Его спокойствие, профессиональное отношение к делу, доверие мне и Виктору Лосеву (нашему прочнисту), — очень подкупали. Володя всегда приходил и смотрел все параметры по прочности, потому что от этого зависела наша жизнь — отломается лопасть, а дальше из вертолета если и выпрыгнешь, то тебя догонит какая-то часть...

Ряд исследований мы провели с помощью нашей системы ПУЛЭ — пункт управления летным экспериментом: я отслеживала полеты и ограничения на земле, Тебеньков летал. По изученным маневрам подготовили рекомендации.

В «лихие» девяностые годы, когда все рушилось, летчики уходили в структуры, где платили и давали работу. Нередко быстро гибли. Вот и Володя Тебеньков ушел в коммерческие полеты. Я помню, как-то спросила его:

— Володя, ну зачем тебе это надо?

— А что же я буду тут сидеть? Полетов нет.

Владимир Тебеньков был великолепный летчик, но как только ушел в коммерческую структуру, тут же разбился. В 1990 мы расстались, а в 1994 году я попала уже на похороны.

Последний мой полет был 3 апреля 1990 года с летчиком Михаилом Швецовым, мы подошли к летным испытаниям на огибание рельефа местности. Но этим испытаниям так и не суждено было состояться. Все испытания были прекращены из-за отсутствия денег.

Я пришла к Леониду Михайловичу Берестову, к тому времени заместителем начальника института по науке, с которым мы с 1959 года работали душа в душу. Профессионал, интеллигентнейший человек, обладал удивительным чувством такта и терпением, если я приходила к нему и в ходе доклада или обсуждения проявляла излишнюю эмоциональность, он выслушивал, потом спокойно и по-доброму начинал с того момента, где он закончил: «Алла, Вы... И в то трудное для всех нас время — и материально, и морально, — я напрямую задала вопрос любимому и уважаемому руководителю:

— Леонид Михайлович, я нужна здесь еще, есть чем заниматься, если нет, так я уйду.

— Алла, нужна.

И он меня сделал своим помощником и помощником начальника института по РИАтам по вертолетной тематике.

Друзья и подруги

Студенческие друзья

Всегда благодарю Бога за то, что меня окружали умные и талантливые люди. Как бы это не прозвучало, но у меня не могло быть близких людей не умных и не интересных, с теми, кто был мне не интересен, я быстро расставалась.

На Сашином курсе учился Валентин Малинин, после окончания он тоже пришел работать в ЛИИ. Валя стал любимым другом нашей семьи со студенческой скамьи. Он буквально прикипел к нам, выступая то в роли друга, то подруги, то няньки. Маленьких Саньку и Андрея нянчил дома, а подростков водил в музеи и театры. Даже маму мою в театр водил.

Когда Валюша купил себе кооперативную однокомнатную квартиру недалеко от нас, я неизменно стряпала там и накрывала стол на Вашины дни рождения. Валя был всеми любим — мягкий, добрый, так с нами фактически и прожил до сорока пяти лет.

В сорок пять Валюша пошел в поход, там встретил Милу, которая вскоре переехала к нему. Помню, был «вопиющий» случай — мы пришли к нему, а он нас не пустил в квартиру, потому что у него была Мила.

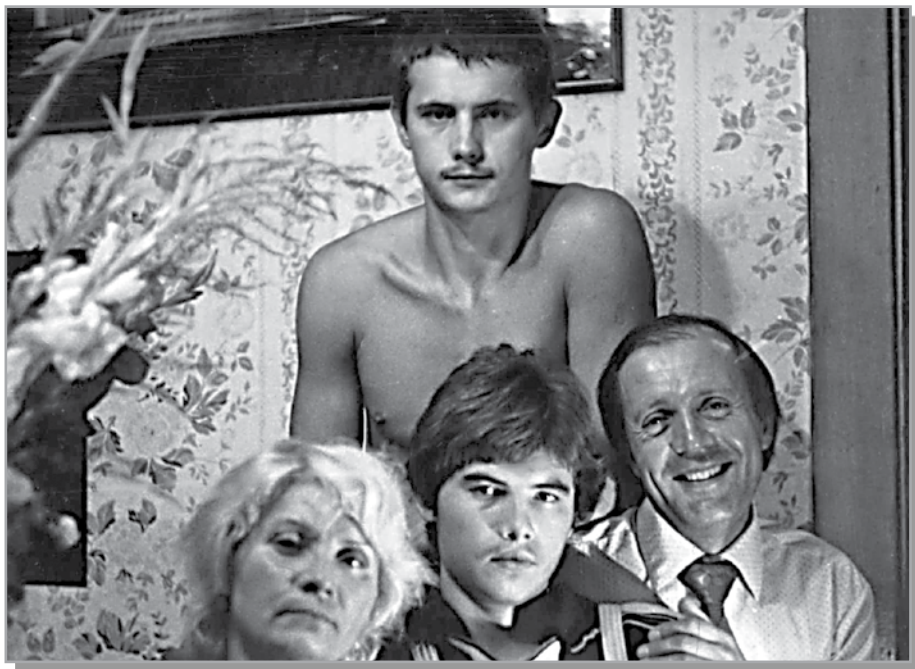
Мила родила ему двух детей, но, вероятно, от всей этой неразберихи житейской у Вали обнаружился рак печени. Пухов тогда работал с иностранцами, зарабатывал хорошо и смог за большие деньги с помощью мадам де Пол найти какой-то специальный переходник. Переходник Вале продлил жизнь еще на три года, но потом пошли метастазы.

В онкологический центр ездили по очереди — сутки я, сутки Мила. Зимой, в конце января, Валю выписали как безнадежного.

21 февраля мы собрались на Валин День рождения. Валя водил меня по своей новой двухкомнатной квартире и рассказывал, где и что он еще сделает, какие полочки прибьет... Выглядел он угасающим. Делился со мной сокровенным, глаза блеснули, а я смотрела на него и думала: только бы слезы не брызнули.

Вскоре наш Валя ушел.

Еще из студенческих друзей был Слава Савин, тоже с курса ракетчиков и тоже позднее в ЛИИ работал. Но со Славой изначально отно-

С сыновьями и Вале́й Мали́ниным (справа), 12.05.1979 г.

шения складывались не такие тесные и близкие. Слава тоже женился поздно на Вере. По ряду причин лет десять мы с ними не общались. Но в 1984 году мне дали путевку в Геленджик, там наши пути с Савиными вновь пересеклись. Встреча носила такой же противоречивый характер, как вся наша история отношений с этой семьей.

В Геленджик мы приехали поправить, главным образом, Сашино здоровье. Но вместо этого муж попал в больницу, благодаря Вере, которая его фактически напоила (Пухову категорически нельзя было пить). Но когда Сашу положили, Вера проявила свои лучшие качества и помогала мне, привозила еду.

Вернувшись из Геленджика, мы стали общаться, я все забыла и простила из благодарности. Но вскоре после одного случая все вернулось на свои места. Я очень люблю играть в шахматы. На одном из дружеских застолий минут за десять я плотно покушала и отправилась играть в шахматы, тут же собрались любопытствующие и советчики, центр внимания со стола переместился к нам. В какой-то момент я покинула место игры и, проходя мимо кухни, услышала все, что на

Шахматная партия с Р.Д. Искандаровым, 1975 г.

самом деле думает обо мне Вера. Это было неприятно, больше мы не общались.

Слава умер в 2011 году, Вера умерла от рака в 2012.

ТУПОЛЕВЦЫ

Мне повезло в жизни общаться со многими известными достойными и интересными людьми, среди которых с особой теплотой вспоминаю супругов Юлию Андреевну Туполеву и Владимира Михайловича Вуля. Мы бывали у них в гостях, и это всегда было необыкновенно интересным событием, конечно, потому что это были неординарные особенные люди, высоко интеллигентные и порядочные.

В этом контексте уместно вспомнить о еще одной известной туполевской супружеской паре — Кандаловых Андрее Иннокентьевиче и Лидии. Кандалов был из числа интеллигентов старой закалки — закрытый, необыкновенно умный, видел людей насквозь. Но мы почему-то с ним стали друзьями, он очень много о себе рассказывал. Во время одного из застолий я стала бродить по дому, меня привлек портрет красивой женщины, как оказалось, мамы Андрея Иннокентьевича. Кандалов заметил это и поделился историей своей семьи, рассказчик он был необыкновенный и в целом человек неординарный и очень интересный.

Последний раз мы встречались на его 75-летнем юбилее, а на следующий день Андрей Иннокентьевич вышел на работу и на проходной умер...

Воспоминания Галины Анатольевны Соколовой

Впервые я познакомилась с Аллой Гавриловной в 1961 году, когда она приехала вместе с сыном Сашей на стадион «Слава» «поболеть» за туполевских баскетболистов, за которых начал играть Александр Леонидович, только что пришедший в ОКБ А.Н.Туполева на преддипломную практику.

Затем знакомство продолжилось, когда Алла Гавриловна пришла к нам на традиционную ресторанный встречу нашего подразделения. И вот с этих пор второе пятидесятилетие продолжается наша с ней дружба и, смею надеяться, взаимная симпатия.

У нас на фирме известно, что когда Алла Гавриловна была первый раз в Израиле, то в Стену плача она засунула между камнями записку Господу Богу: «Господи, выполни, пожалуйста, просьбу моего супруга!»

Совсем недавно журнал «Вестник авиации и космонавтики» опубликовал интервью Александра Леонидовича. На вопрос о супруге Александр Леонидович ответил: «У «Стены плача» я написал записочку Господу Богу: — Боже помоги мне поднять Ту-144, а после спросил у жены: — Ты, что написала? Она ответила: — Господи! Выполни, пожалуйста, пожелания моего супруга!»

Вот эта помощь Аллы Гавриловны во всех делах Александра Леонидовича очень нам всем импонировала, и мы всячески её выделяли и, как принято говорить, праздновали.

Александр Леонидович стал большим начальником, его ближайшие помощники С.Д.Чурилина, Л.В.Лебедева, Г.А.Соколова стали друзьями Аллы Гавриловны. Софья Дмитриевна Чурилина, будучи пенсионеркой, каждый раз на день рождения Аллы Гавриловны приезжала на фирму и просила передать имениннице подарок. А Любовь Васильевна Лебедева, хотя уже более 20 лет на пенсии, до сих пор и встречается, и обменивается поздравлениями, сувенирами.

Алла Гавриловна очень хорошая хозяйка, умеет вкусно приготовить и порадовать гостей. Александр Леонидович часто на фирме принимал гостей из США, Германии, Великобритании. Несколько раз он приносил на банкет изготовленный Аллой Гавриловной украинский борщ. Гости просили дать рецепт, и их жены по возвращении готовили борщ «Алла».

А когда Алла Гавриловна осваивала дачу в деревне Радушино (под городом Зарайск) и прислала нам, Соколовым, мешок своей картошки, мы пировали несколько месяцев. Когда картошка все-таки закон-

Одесса, 08.08.1986 г., справа — Соколова Г.А.

чилась, мама пошла на рынок. Долго-долго выбирала, хотела, чтобы была «синеглазка», такая же вкусная, рассыпчатая. Но когда подали на стол отцу, он сразу же спросил: «А что, Пуховская кончилась?»

Закончить свое эссе — признание я хочу описанием двух гостевых визитов. Первый — в городе Одесса, куда Алла Гавриловна и Александр Леонидович приезжали в санаторий на отдых. Поскольку в Одессе живет моя сестра Валентина, то, конечно же, Алла Гавриловна и Александр Леонидович были у неё в гостях (она живет у рынка «Привоз»).

Когда Валентина приехала в Москву ко мне в гости, мы с ней были приглашены к Пуховым на дачу в поселок Ильинское. До сих пор вспоминаем этот прием: и стол, и баню с прекрасной купальней, и сон на втором этаже среди сосен (мы посчитали — двадцать штук).

ЭММА САМСОНОВА (ЩЕЛОЧКОВА)

В 1961 году нас отправили в колхоз. В то время это было обычным делом. В колхоз отправляли на уборку, на посев, на прополку и на другие работы. В октябре того года нас погнали убирать капусту. Урожай мы грузили на трактор «Беларусь» с прицепом, которым рулил и отво-

зил нашу капусту мальчишка-подросток. Когда он очередной раз приехал, я попросила:

— Слушай, дай я съезжу разочек.

Паренек согласился. Несмотря на то, что у трактора был очень большой люфт в управлении и долго приходилось выкручивать руль, я вскоре приспособилась. Пока я возила эту капусту, парень загорал где-то в кустах. Пример оказался заразительным для других, и моя коллега из лаборатории Эмма Щелочкова тоже решила попробовать. Я, конечно, ее предупреждала, что не стоит: тяжелое управление, руль крутишь-вертишь, а он на месте, но она все равно села и поехала. Буквально тут же свалилась с трактором в кювет, аккумулятор упал и разрубил ей правую руку. Тяжелый был случай, мы отвезли Эмму в больницу, но она осталась калекой на всю жизнь.

ВАЛЕНТИНА БАРАБАШ

Конечно, на работе меня окружали не только летчики. Была у меня замечательная сотрудница Валентина Барабаш. Во время испытаний на кораблях Валентина работала в моей группе инженером по специальности. Валя очень порядочный, хороший и добрый человек, с которым мы долгие годы в теплых приятельских отношениях.

Смолоду Валентина меня опекала и жалела. Однажды, во время испытаний в Феодосии, она завела меня в обувной магазин и заставила примерить очень красивые югославские босоножки. Босоножки идеально сидели на ноге и очень подходили к моему платью из «Детского мира», но денег на эту покупку у меня не было.

— Пухова,— сказала Валя, — я уже оплатила, отдашь, когда сможешь.

И так она всю жизнь рядом. Я очень хотела, чтобы к ней присмотрелся Валя Калинин, мне всегда хотелось пристроить его к какой-нибудь хорошей женщине. Валентина была очень красивой — большие глаза, золотистые кудрявые волосы. Жила она в общежитии, мы не раз к ней ездили на обед, и я видела, что при такой внешней красоте Валя еще и очень хорошая хозяйка.

С моей стороны была предпринята попытка их заинтересовать друг другом, и я даже у себя специально стол накрыла, но не сложились у них отношения. Зато Валентина через некоторое время удачно вышла замуж за хорошего парня. Он был старше Вали на шесть лет, они прекрасно прожили вместе тридцать пять лет, вырастили двоих детей. Два года назад муж Вали умер от рака. Теперь мы вместе ездим на кладбище, она — к своему Сергею, а я к маме.

На работе Валентина была незаменимым помощником. Я была уверена, что если что-то ей поручу, она все выполнит в лучшем виде.

ГАЛИНА РОЖКОВА

Начальником лаборатории был Вадим Горин, тоже очень хороший специалист и надежный соратник по работе. Там же, в лаборатории, работала Галина Рожкова. Наша дружба с Галиной продолжается с шестидесятых годов и до сих пор!

Галина окончила вечерний курс МАИ в Жуковском.

В лаборатории ей было поручено обслуживать аналоговую машину, вводить наши дифференциальные уравнения, отлаживать всю аппаратуру.

Мне всегда везло на людей, и Галя не исключение — порядочная, трудолюбивая, честная, она отлично справлялась со своими задачами. Если я давала какую-то работу Галине, то уже абсолютно не сомневалась, что все будет выполнено вовремя и в полном объеме. Наша совместная трудовая деятельность протекала лет сорок и переросла в хорошую дружбу.

У Галины была прекрасная мама — Любовь Осиповна — необыкновенной души человек, жизнерадостная, добрая, ласковая. Жили они вместе в Ильинке, скромно, но дружно. Особенно поражало гостеприимство этой семьи.

Я немного переживала за Галину, поскольку своей семьи у нее не было. Вместе с Любовью Осиповной вырастили племянников Галины, но своих детей так и не появилось.

И здесь случилась удивительная история любви.

В ЛИИ у нас работал очень хороший человек Петр Власов, занимал большой пост. К тому моменту он разошелся с женой. Переживал так сильно, что создавал впечатление потерянного и неприкаянного. В 1990 году на годовщине смерти Эммы, нашей знакомой, я и увидела Петю. И по-видимому, ему было так тяжело, что он вызвался меня проводить. Пока мы шли, Петя поведал о своих разочарованиях. И вот тут-то я ему прямо заявила:

— Я хочу, чтобы ты жил с Галей.

— Алл,— отмахнулся Петя,— посмотрим...

— Не посмотрим! Я вас познакомлю, а там сами смотрите.

Почти полгода — с июня по февраль — я занималась этим вопросом. Галя тоже сопротивлялась, ей к тому моменту было уже 50 лет:

*На Дне рождения Галины Рожковой, 1995 г.
Слева направо: Петр Власов, Галина.*

— Алла, мне это не нужно, — говорила она.

Я же ее убеждала, что это совсем другое — мужское внимание, тепло, забота. Параллельно я проводила работу с Петей. Наконец, была назначена дата встречи — 19 февраля 1991 года.

По иронии судьбы именно в этот день мне позвонила невестка и попросила посидеть с внучкой Надюшкой. Это значило, что Петру предстояло все сделать самому. Конечно, он попытался избежать своей участи, но я настояла, и встреча Галины с Петром состоялась.

По воспоминаниям Гали, когда она открыла дверь — на пороге стоял элегантный мужчина с тортом и цветами. Галя, большая умница, очень интересный человек, легко и просто установила контакт с Петром. Они сразу откровенно и доверительно обо всем разговорились, понравились друг другу, вскоре поженились и прожили счастливейших семь лет. Они вместе путешествовали, проводили время, фотографировали и так прекрасно общались между собой!

Прожили не долго, но так ярко, так бережно друг к другу относились!

В 1998 году Петр умер от рака.

Внуки

ИЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Шел 2008 год. У мужа появился повод для подвига: я подарила внуку Андрею машину, но мне без автомобиля никак нельзя. Как человек занятой, я все время куда-то ездила. Мне надо было все таскать, у меня все время были какие-то дела, стройка, словом, без машины — никуда. И вскоре случилось то, за что я очень благодарна своему мужу.

С внуком Ильей, 1984 г.

Однажды я увидела Сашу на пороге после работы с большим пакетом. Оказалось, это были деньги — пятьсот тысяч рублей и куча бумажек с именами и суммами! Таким образом, муж решил мою проблему, подарив на машину деньги, которые взял в долг. Я считаю себя человеком «железобетонным», никакие сантименты особенно меня не понимали, но тут у меня из глаз брызнули две слезы. Я, конечно, сказала «спасибо», взяла пакет и потом два года расплачивалась.

Машину покупать мы ездили со старшим внуком — Илюшей. Приехали в салон и купили мне «Опель-Корсу» золотистого цвета, как потом шутили — к нашей с Пуховым золотой свадьбе.

Илюшка у меня здоровый, высокий, красивый парень и очень ласковый, а так как он тоже мое дитя с рождения, то мы всегда с ним в обнимку ходим. Вот он меня обнял, мы с ним ходим вокруг машины, и подходит к нам дама, симпатичная, вся в драгоценностях, как мне потом объяснили, она имела отношение к хозяину этого салона, говорит:

— Как приятно видеть, когда мама покупает сыну машину.

Но Илюша сразу ее поправил:

— Во-первых, она мне не мама, а бабушка, а во-вторых, машину она покупает не мне, а себе.

Дама быстренько от нас отошла.

На золотистом «Опеле» я и сейчас езжу — машина безотказная! Это мой друг, я с ним разговариваю, глажу его, и он никогда меня не подводил. Один раз мой «Опель» у меня не заводился, как раз со мной был Пухов, который всегда на меня орет — не так я езжу, а тут еще машина не завелась, я её обошла, по «заднице» хлопнула и говорю:

— Ну, елки-палки, что ж ты меня так подводишь!? — села, и мой опель завелся. А я поехала тут же в автосервис к знакомому пареньку. Тот покрутился, все посмотрел и удивленно сказал:

— Может, клемма отошла, а так все в порядке.

НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА

Моя семья всегда состояла из мужчин: муж, двое сыновей, внук Илюша. Разбавляли эту сугубо мужскую компанию животные — кошка Марта, собака Нюра, черепаха Бабулька, даже рыбы у меня были женского рода.

Наконец, третьего октября 1986 года у моего младшего сына Андрея и его первой жены Татьяны родилась девочка. Родилась чуть раньше положенного срока, отчего радость наша была неожиданной и внезапной. Девочку называли Наденькой в честь Таниной тети по отцу.

С внучкой Надеждой, 1986 г.

Пятого октября с большим букетом розовых голландских роз мы втроем — я, Саша и мой папа, отправились навестить невестку и внучку. Казалось, нашей радости не может быть предела.

Молодые родители еще были студентами, поэтому растили Надюшку все по очереди. Жила молодая семья у Таниных родителей. Несмотря на то, что у меня жил Илюша, была работа и полеты в институте, раз в неделю я обязательно оформляла административный отпуск и ездила нянчить внуку.

Маленькая Надюшка была очень смешная, лохматенькая и маленькая, а на груди у Татьяны, рост которой выше среднего, внучка смотрелась как брошка.

Немного спустя у молодой семьи появилась двухкомнатная кооперативная квартира в хорошем доме в Коньково. Денег чуть добавили родители с каждой стороны, но в основном Андрей зарабатывал сам: восемь лет ездил на «шабашки» строить дачи, чтобы прокормить семью и выплатить за кооператив.

Надя была необыкновенно хорошенькой, шустрой, забавной и разумной. Наблюдать за ней было удовольствием, и, конечно, я гордилась, что у меня есть внучка.

В деревне Радушино (теперь дом и участок Нади).

Ребенок рос смышленным. С трех до шести лет мы водили ее на танцы в музыкальную школу рядом с домом. В школе тоже особых проблем с учебой не помню.

С Надюшей связано много смешных воспоминаний.

В 1988 году со старшим внуком Ильей мы провели на море два месяца. Ребенок вернулся домой здоровый, загорелый, крепкий и румяный. Поэтому в 1990, когда Надюше было три с половиной года, абсолютно убежденная в целебной силе Черного моря, я взяла с собой в Ялту внучку.

Время было тревожное, пугали нас не только перестройкой, но и обилием криминальных новостей, в том числе похищениями детей. А Надя была очень хороша: черноволосая, черноглазая, румяная, с двумя косичками — чудо-ребенок! Мы с ней отлично ладили, но из-за бесконечных телевизионных предупреждений и страшилок, отпуская ребенка гулять, я чувствовала огромную ответственность, была начеку и не могла расслабиться.

Однажды одела ее в красивое платье, заплела, выпустила поиграть на танцплощадку перед домиками, но буквально через минут десять выскочила и громко позвала:

— Надя! Наденька!

— Я тут, бабуля, — бежит девочка на мой зов.

Проходит еще немного времени, я опять выхожу:

— Надя, ты где?

На Кипре, 1998 г.

— Я, тут, бабуля!

Наконец, когда я очередной раз проверяла наличие ребенка, Надюша не выдержала, подбежала и, взглянув на меня большими черными серьезными глазами, строго произнесла:

— Бабуля, как ты мне надоела!

Это было так трогательно и смешно, что я тут же рассмеялась и обняла ее:

— Милая, если бы ты знала, как я себе надоела, но вдруг красоту такую кто-то заберет, что мне делать без тебя?

Надя выросла красивой и яркой девушкой. Рано вышла замуж и стала самостоятельной. Она умница, в ней чувствуется правильный стержень. Единственное, что мне искренне жаль, что Надюша не стала заканчивать обучение в МАИ.

Трудолюбивая и целеустремленная сейчас внучка реализует себя в дизайне, и, кажется, у нее хорошо получается.

Так и остается Надя единственной девочкой среди детей и внуков.

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ

Маленький Андрюшка, мой внук, года два жил у меня, потому что к тому времени у него возникли сложности с учебой.

С внуком Андреем, Жуковский 1992 г.

В Жуковском я его устроила по знакомству в школу. А потом каждый день, в любую погоду возила его на уроки. Устроить ребенка помогла завуч третьей школы Нина Искандарова.

Андрюша поступил в восьмой класс, а я тут же наняла репетиторов по математике, русскому и физике. Так мы начали учиться — сначала в школу привезу, потом едем к репетиторам.

Нужно было внуку помочь выйти из сложностей с учебой и контролировать какое-то время. Правда, тут мы действовали с ним сообща и договорились:

— Андрей,— сказала, — я — твоя бабушка, и беру на себя все это, потому что хочу тебе помочь. Я тебя очень люблю. Ты мой внук. Но чтобы я тебе помогла, ты должен понять, что я тебе помогаю, и, хотя бы, не сопротивляться.

Надо отдать ему должное, он согласился и мужественно терпел. Мы занимались днями и ночами, то сами, то с репетиторами.

Для меня это был нелегкий период. В нашем доме жила мама, ей было девяносто два года, Пухов, животные, — всех нужно было кормить и за всеми ухаживать. Еще на мне была подруга, которой нужно было делать уколы. Андрея привезу в школу, потом к подруге, потом по магазинам, готовила, потом приезжала за Андрюшкой, потом к репетиторам.

Меня знали все учителя, а когда я приезжала за Андрюшей к двум часам дня в школу, его одноклассники кричали:

— Андрей! Твой «шумихер» приехал!

Андрей старался и у него был очень сильный дополнительный стимул:

— Андрей, если ты окончишь десять классов, поступишь и проучишься год в институте, отдам тебе свою машину, — пообещала я.

В то время у меня была очень хорошая машина, экспортный вариант, серебристая «Лада-99». Ей было лет шесть, но она сохранилась в отличном состоянии — пробег всего 40000 километров, машина гаражного хранения в идеальном состоянии.

И на самом деле: внук дал слово и окончил школу хорошо, троек у него было одна или две. Что ценно — в аттестате были не просто поставленные четверки и пятерки, а оценки, адекватные знаниям внука. Репетиторы были хорошие специалисты, подбирались с прицелом на поступление в институт.

Как и планировалось, Андрюшка поступил в МАИ, позднее его перевели из группы, которая занималась самолетами, в группу автомобилистов. Это было его желание, он любит машины и прекрасно в них разбирается.

Когда Андрюша перешел на второй курс, я поехала и переоформила машину-сказку. Ездил он на ней очень долго, а когда он ко мне приезжал на ней, я обязательно подходила:

— Ладушка ты моя, ты уж меня прости...

С внуком Андреем в Ту-144ЛЛ 1997 г.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Мой старший сын женился второй раз на женщине с ребенком, и у него появился сын, а у меня внук. Сына звали тоже Александр, к тому моменту мальчику исполнилось семь лет.

Это был очень хороший ребенок и у меня ассоциировался с ангелочком. Учился Саша в специализированной так называемой «немецкой» школе в годы, когда требования к образованию оставались достаточно высокими. Учился хорошо и, что важно, сам. Я сравниваю, потому что с другими внуками приходилось заниматься и мне, и репетиторам.

Дома у них стоит портрет очень молодого и симпатичного мужчины, родного отца Саши. Когда приезжаю в этот дом, всегда поглажу

Празднование Нового... года. Внуки Андрей и Саша (справа).

портрет, с него смотрят добрые глаза очень хорошего человека. Саше было всего два или три года, когда отец умер, ушел совершенно неожиданно, в Боткинской больнице «сгорел» за три дня.

Мой сын воспитывал, участвовал в судьбе приемного ребенка, как умел. Надо признать, что старший Саша практически никогда не высказывал недовольство по отношению к маленькому Саше. Как-то в самом начале их совместной жизни с Ириной у нас состоялся разговор, который, возможно, помог расставить все точки на места. Сын за что-то посетовал на маленького Саню, и я тут же отреагировала:

— Не дай Бог (Саша верующий человек), сынок, тебе когда-нибудь обидеть Сашу, ребенок растет без отца, с отчимом, но ты ведь не лучший отчим, ты же это знаешь?

— Это да, — честно признал сын.

Признавал он это легко, как очевидное, так как вся семья знает, что абсолютное увлечение моего старшего сына — физика, все остальное, в том числе воспитание детей, факультативно.

Я же абсолютно приняла Сашу как своего внука. И всегда к нему так относилась и отношусь.

Саша долго и серьезно играл в футбол: сначала за детскую команду, потом за юношескую. Всегда был очень развитый и спортивный мальчик. И, как мне кажется, никогда неприятных хлопот родителям не доставлял.

Сейчас Саше 23 года. Видимся мы реже, но всегда очень приветливо встречаемся.

Думаю, секрет Шашиного характера в Ирином подходе к семье и воспитанию детей. Она не только умная женщина, но и трудолюбивая, детьми занималась всегда и результат очевиден. Ира предана семье, без «сюсюканий», немногословная, технарь по складу, но за семнадцать лет, которые я знаю Иру, не раз убеждалась, что все она делает правильно. Именно это слово очень точно отражает её путь — правильно думает, правильно видит, правильно относится к каждому члену семьи и правильно поступает. Поэтому она является таким настоящим тылом для них. Это такая правильность технической натуры — без лишней сентиментальности. Поэтому не удивительно, что Саша вырос в строгих рамках правильным человеком, со стержнем и собственным выбором.

Сейчас Саша живет отдельно, родители купили ему квартиру, у него есть девушка.

Московский авиационный институт Саша бросил после первого курса. Когда это произошло, я попросила его приехать, и мы два часа общались. Я старательно вырисовывала ему все преимущества в пользу продолжения обучения, расписывала грядущие ужасы ар-

мейской жизни, но тщетно, мужчина принял свое серьезное и твердое решение. Саша ушел в армию. Ему повезло, он служил год в охране Кремля. Ирина и Людмила Ефимовна (мама Иры, замечательная женщина, которую люблю и уважаю) ездили на присягу и привезли фотографии, Саша выглядел абсолютно довольным, красивым, упитанным и здоровым. Служба проходила успешно, парню делали предложения о продолжении военной карьеры, но он отказался.

После армии Саша прошел специальное обучение и сейчас работает в автомобильном салоне менеджером по продаже машин, похоже, ему это нравится.

Возможно, я не все знаю о его жизни, Ирина — невестка немногословная, но мой собственный сын обязательно бы поделился, если бы проблемы были. Пока молчит, а я радуюсь, что у меня есть такой внук и что для него я «баба Алла».

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Муж с внуком Иваном: мужской разговор.

У сына Александра не очень хорошо складывались отношения с родным сыном Ильей. Это меня и расстраивало, и беспокоило, поэтому я помню, как не раз пыталась воздействовать на ситуацию:

— Саша, — воспитывала я взрослого сына, — ну что ты творишь? Это у тебя родной сын, единственный родной, больше сыновей не будет.

Говорила я это будучи искренне убежденной, что от поздней любви Ирины и Саши дети не появятся. Обоим было за сорок лет.

Но очень скоро жизнь доказала обратное и однажды я увидела спускающуюся по ступенькам веранды сноху,

A young boy with light brown hair, wearing a black suit, white shirt, and black tie, stands outdoors. He is holding a large bouquet of white flowers wrapped in clear plastic. The background shows a paved area, a yellow curb, and greenery with pink flowers.

— Да, Алла Гавриловна, —
ВОТ ТАК.

— А ты говорила, что у меня больше сыновей не будет!

Ванюша родился в том же роддоме, где я родила Сашу, только в 2003 году. На третий день сын предложил мне приехать в роддом посмотреть Ванюшу, насмотревшись вдоволь на внука, заодно я прошла и посмотрела палату, в которой рожала его отца.

С младенчества у Ванечки определили порок сердца, и нам пришлось побегать по больницам и врачам. Но, Слава Богу, все разрешилось.

Лет до семи Ваня был мальчиком болезненным. В 2007 году Саша и Ирина поехали на море, чтобы укрепить Ванечке здоровье. Я пришла через месяц на смену Ирине и взялась за него очень серьезно. Во-первых — строгий режим: два раза в день купание, полноценное хорошее питание, дневной сон, а во-вторых — только радостные переживания.

— Ваня, — сказала я, — тебе поможет только гормон радости. У нас есть деньги, и два раза в день мы будем покупать тебе то, что ты захочешь, только показывай пальцем.

Дело пошло. Гормон радости вырабатывали прямо при выходе из пансионата среди ларьков и прилавков, растянувшихся на полкилометра. Финальную точку в череде подарков поставил большой высушен-

В первый класс.

ный лакированный лангуст, который был приобретен для Ванюши уже в самом конце отдыха.

Я благодарна Ирине за умение вовлечь моего старшего сына в дела семейные и воспитательный процесс. С Ванюшей Саша стал папой, который занимается ребенком и даже ходит в школу.

Ваня мальчик с изобретательным умом, я успела это оценить, поскольку одно время мне ежегодно его привозили на каникулы с двумя внушительными списками — задания, которые необходимо выполнить, и лекарства, которые необходимо принимать по часам.

Программа у нас была насыщенная — прогулки, плотное питание, выполнение заданий, которые, конечно, Ваня не приветствовал.

Сейчас Ванюша учится в хорошей школе, занимается в разных кружках: анимационном, танцевальном. Ну а отец потихоньку приобщает его к математике.

Надеюсь, у мальчика хорошее и интересное будущее.

С внуками Ильей и Надей и собакой Нюрой

Приключение

РАЗБОРКИ

Однажды я попала в автомобильную аварию. И решила, что отсутствие страха — большой недостаток. У меня нет чувства опасности. Нет страха.

Ближе к вечеру 13 декабря на дороге в мою машину въехали: разбили мне мою «Ладу». Я здорово ударилась, вышла, а передо мной, как я потом поняла, раменские бандиты. Несмотря на серьезность моего положения, страха не было.

— Ну что? — подошли ко мне.

Слышу, один из них говорит:

— Да тут, подумаешь, ремонт на сто долларов, давай ей дадим, и пусть катится.

В это время подъехали из «ГАИ», взяли наши документы, я решила уточнить обстановку, подошла к одному из «гаишников» и спрашиваю:

— Ну, и что меня ждет?

— Ничем тебе помочь не могу,— отвечает, — сама понимаешь...

— Ну, дайте мне хотя бы их права.

Права он дал и уехал, а я с бандитами осталась один на один. Тут же подъехал, по-видимому, их «главный» с каким-то оружием. Уже стемнело, было часов восемь или девять вечера. Состояние у меня было неважное: я ударилась о стойку, меня тошнило, потом вырвало. Но я подошла к главному:

— Ну что будем делать?

— Да тут ремонт-то на сто долларов, я Вас отвезу в Раменское, и там быстро все сделают, — отвечает.

— Давай, — согласилась я, понимаю, что это бандиты, что я могу сказать?

И они как-то сразу так обрадовались, а я чуть подумала и говорю этому главному:

— Вы знаете, у меня вот эта машина и все, больше у меня транспорта нет, Вы сейчас отвезете меня в Раменское, как я туда буду ездить?

Мне далеко. Вот тут рядом есть мастерская, давайте туда меня отвезете.

Они согласились.

Привезли меня в автосервис и говорят:

— Ну, мы поехали.

— Слушайте, — отвечаю, — вы поедете сейчас, но давайте сначала прикинем, сколько это стоит, хватит ли мне этих сто долларов?

Они опять согласились подождать, пока мне ее оценят. В это время шел парень, которого я знала, он работал в этом автосервисе. Я быстренько к нему подошла и потихоньку все случившееся описала. — Сейчас разберемся, — ответил он подошел к машине, около которой стояли бандиты. — Давайте посмотрим, что там у нее.

Тихо-мирно насчитали мне тысячу долларов за ремонт. Виновники ДТП, конечно, тут же сообразили и объявили:

— С собой у нас нет \$1000, но мы сейчас поедem и привезем — давай права.

— Ребята, ну вы даете! — решила я пошутить, — вот вы сейчас поедете, и где мои деньги!?

— Ну, так поехали с нами, — не моргнув глазом отвечают.

И я поехала с ними в Раменское. А к этому времени «главный» бандит уже куда-то делся, осталось двое. Время шло, приближалась полночь. Ехали мы довольно долго, и в окошко я увидела, что Раменское то мы проехали! Интересуюсь:

— Слушайте, а куда мы едем?

— Мы едем за деньгами...

В машине я заметила ключ, и так в шутку говорю:

— Ну, если вы надумали что-нибудь сделать и выбросить меня, то у меня вот ключ есть, я первая ударю...

Они молчат. Продолжаю:

— А вы видели, подошел парень? Это мой приятель, я, между прочим, ему сказала, куда мы едем, и дала номер вашей машины.

Водитель остановил машину. Я тут же говорю:

— А почему мы стали?

— А мы стали, потому что пойдем сейчас за деньгами

— Это хорошо, но я в туалет хочу, можно я с вами? — думаю, сейчас они меня оставят с одним, и тот меня прихлопнет.

— Пошли.

И я пошла с ними. Зашли в какую-то квартиру. Я быстренько в туалет сходила. Они там о чем-то поговорили, мы вышли и опять в сели машину. На этот раз машина направилась в сторону Раменского. Воз-

можно, они позвонили своему «главному» и что-то ему сообщили обо мне. Убить, может быть, и не убили бы, но в лесу где-нибудь выбросить могли, забрали бы права, а дальше — поминай, как звали.

Но на обратном пути они сообщили, что сейчас поедem в Раменское казино, возьмем там деньги. Путешествие получилось суетливое: ехали по подворотням, входили в какие-то дома, меняли оружие, и так мотались, наверное, около часа.

Наконец, поздно ночью, мы вернулись в сервис (он круглосуточный). Бандиты отдали тысячу долларов, на которые мне так отремонтировали машину, что «Ладушка» моя стала лучше новой: заменили весь зад, крылья, словом, сделали очень хорошо.

ОГРАБЛЕНИЕ

В один из дней, а точнее — ночей мая 2012 года к нам в дом ворвались грабители.

Я проснулась от звука тяжелых шагов, по дому действительно расхаживали трое мужчин в черном и масках.

Быстренько они откуда-то достали провода, которыми собирались связать мне руки и ноги, но меня разобрал смех, потому что ситуация оказалась курьезной: во-первых, я привыкла спать без одежды, а во-вторых, почему-то захотела в туалет.

Пришлось договариваться, и наше взаимодействие приобрело согласованный характер. Сначала я совершила, что хотела, а потом легла и грабители связали мне руки и ноги.

Рот я попросила не заклеивать:

— Кричать не буду. Берите, что хотите.

На том и порешили.

Три часа двое из них обыскивали дом в поисках наживы. Третий, молодой парень, сидел рядом со мной, мы с ним просто разговаривали, шутили и даже смеялись.

Я предполагаю, что визит этот был запланирован, по наводке. Не знаю, как бы они повели себя, если бы я кричала, ругалась, возмущалась, но я только спросила:

— Кто вам сказал?

Они ответили:

— Ваши соседи.

Может, кто-то подсмотрел в окно, как я прячу деньги? Впрочем, не важно. Свой вывод я сделала исходя из их особого не утихающего интереса к комоду, в котором были спрятаны сто тысяч рублей на

путевки в санаторий. Когда ночные гости, наконец, нашли деньги, все поиски были завершены:

— Мы уходим,— сказали.

— Счастливо, — ответила я.

На том и расстались. Помимо денег прихватили мои немногочисленные драгоценности — несколько колечек и серьги.

Они ушли, а я минут сорок развязывалась. С трудом освободившись от проводов, кинулась наверх — к мужу. Выяснилось, что он был первой жертвой на их пути. Сначала они залезли к нему, он же их проинформировал:

— У меня ничего нет, все внизу у жены.

Обнаружила Пухова прилично подвыпившим, связанным, с заклеенным ртом и спокойно спящим. Только ему отлепила рот, сразу услышала в свой адрес в стихах и красках претензию за проявленную в деле его освобождения нерасторопность.

Я его развязала и ушла, у меня даже не было попытки рассердиться.

И опять осознала свой большой недостаток — я ничего не боюсь. Пока грабители искали я думала — найдут или не найдут, а когда нашли — думала — вот заразы!

Послесловие

Возможно, потому что я работала всегда в мужском коллективе, поклонников у меня было много, но я никогда не разрешала за собой ухаживать, бежала от таких проявлений — только «пятки сверкали», ни цветов, ни подарков не принимала! Если говорить начистоту, то и потребности во внимании или флирте никогда не испытывала.

Я всегда чувствовала себя очень счастливой и никогда не падала духом. Живу с чувством, что мне дано гораздо больше, чем я того заслуживаю. Может, поэтому у меня нет зависти. Иной раз посмотрю на других женщин: умницы, красавицы, ну такие все замечательные, а ничего у них нет. Я-то чем лучше? А у меня все есть. Вот и считаю, что мне дано много такого, чего и не заслуживаю.

Всё получалось, вот за что бы не бралась! У меня пятьдесят прыжков с парашютом, я летала на всех типах вертолетов, хорошо вожу автомобиль (хотя за руль села уже в зрелом возрасте).

Всё получалось, кроме одного — не могла заставить Пухова бросить пить. Эту непримиримую борьбу вела всю жизнь и не знаю, может, уже все бы закончилось, если бы я не боролась. Иногда мне его бывает жалко, но потом, думаю, а зачем жалеть? Вот он — весь такой ухоженный, уважаемый, живет, как хочет, он всю жизнь живет, как хочет. Семейными проблемами не обременяла, все делала и делаю сама.

Когда строили этот дом, я упала со второго этажа на спину, и Витя, рабочий, отвез меня в больницу. Мы с ним были в очень хороших отношениях, пока лечилась, он меня навещал, и все считали, что это мой муж. А Пухов не приходил, пришел один раз пьяный, но его тут же вывели.

Я знала, что он никогда другой не будет. Он любит подвиги, быт — не его стихия. Чужим он все устроит, а я — проза жизни. Что-нибудь случится, он кричит:

— Аллка! У тебя опять калитка не закрывается...

— Аллка! У тебя опять замок...

— Аллка! У тебя течет раковина...

Жили часто на мои деньги, особенно первое время, потому что раньше окончила ВУЗ, начала работать. Зарабатывала всегда хоро-

Родные люди...

шо, а иногда и очень много благодаря «летным» деньгам, которые платили за полеты на вертолетах. Когда окончила с отличием аспирантуру и защитилась, сразу получила существенную прибавку.

Саша талантливый, но все-таки не до конца реализованный. Любил погулять, повыпивать, компании бесконечные. Постоянно организовывал помощь кому-то. Для него жизненно важно, чтобы хвалили, восторжались. И дело не только в воспитании или сложившемся характере, есть в это и мой вклад, отчасти я его таким сделала. Всю жизнь ему говорила, что он самый красивый, самый умный, самый талантливый, и при этом всегда делала все, что хотела. Если у него случались какие-то неприят-

ности, он приходил домой, все мне «вываливал» и спокойно уходил спать. Фактически перекладывал все свои неприятности на меня. Я подключалась и начинала анализировать, а на следующий день формулировала выход примерно в таком виде: «Саша, ты, конечно, правильно поступил, а если бы ты еще поступил так, как ты мне рассказывал, так было бы лучше». Он шел и так делал. Из-за того, что я всю жизнь поддерживала его культ, муж живет счастливую жизнь — самый талантливый, самый великий, самый удачный.

А дети? Конечно, я тоже ими занималась, кормила, стирала, убирала, когда болели — ночи не спала. Муж работал и многого о детях не знал.

*В гостях у сына в Национальном центре
вертолетостроения, Томилино, 2013 г.*

У меня не было подруг, были приятельницы, я даже не помню, чтобы с кем-то серьезно поссорилась.

С сыновьями я тоже не сорюсь, если уж чем-то они меня обидят (они же не святые), промолчу и начну с того момента, где остановилась.

У моих парней, которые всегда были высокие, красивые, девиц было навалом. Я сочувствовала девицам, ко всем относилась очень хорошо. И к женам сыновей тоже. Сейчас у меня очень хорошие отношения с Таней, второй женой Андрея. Что-то случится, я ей позвоню, мы все обсудим, решим.

То же могу сказать и о женах старшего сына — Саши. С первой женой Саша развелся очень давно, но когда я серьезно заболела, Ольга меня возила по врачам, нашла онколога, поддерживала. Сейчас у Саши другая жена, и я опять чаще на ее стороне. Всегда на стороне невесток из-за женской солидарности и потому что знаю, женщине тяжелее, чем мужчине.

Порой появляются мысли, что я как-то неправильно жила. Все время для кого-то и никогда просто для себя. Занималась детьми, мужем,

мамой, внуками, животными, многочисленными родственниками, которые приезжали, уезжали, жили...

У меня есть приятельница — Ольга, мы с ней в аспирантуре вместе учились и до сих пор общаемся, она часто говорит что-то вроде этого:

— Пухова, какая ты дура! Как ты все на себе везешь? Все об тебя ноги вытирают, все тебя пинают. Ты только бегаешь и ищешь, кому бы еще пол помыть.

Вот она считает, что я себя недооцениваю, а могла бы царить.

Не до себя как-то было. Что было, то и одевала, редко задумывалась о нарядах, прическах, красоте. На работе сотрудница Татьяна, женщина очень красивая, иногда в шутку ругала и даже занималась моим гардеробом:

— Пухова, — заботливо возмущалась она, — ну как ты так можешь?

К сожалению, я пришла к выводу, что только животные в ответ на добро делают добро. А люди бывают всякие...

Но никогда в жизни я не чувствовала себя несчастной.

Все время «рот до ушей»: мне все нравится, я самая счастливая!

С мужем и сыновьями

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
РОДИТЕЛИ	7
Гавриил Акимович Петров	7
Клавдия Александровна Петрова (Долгих)	11
Леонид Федорович Пухов	12
Надежда Александровна Пухова (Демина)	16
Невестка	20
ШКОЛА	23
Учителя	23
Школьные друзья	24
Воспоминания Нелли Вещуновой (Кулинич)	29
Кукурузники	32
ИНСТИТУТ	33
В Москву	33
Группа СД-15	35
Преподаватели	40
Отношения	43
ЗАМУЖЕМ	46
Старший сын	47
Младший сын	57
Авария	66
«Самый-самый» муж и отец	73
РАБОТА	79
Начало	79
Режим висения	81
Маневренность	87
Диссертация	92
Леонид Михайлович Берестов	96
Чемпионат в Витебске	99
О некоторых коллегах и руководителях	105
ЛЕТЧИКИ	108
Егор Филиппович Милютичев	108
Юрий Александрович Гарнаев	113
Олег Григорьевич Кононенко	124
Николай Александрович Бессонов	128
Анатолий Иванович Муха	132
Еще о летчиках и полетах	134
Аркадий Павлович Макаров	136

Тебеньков Владимир Леонидович	137
ПРИЯТЕЛИ И ПРИЯТЕЛЬНИЦЫ	141
Туполевцы	143
Эмма Самсонова (Щелочкова)	145
Валентина Барабаш	146
Галина Рожкова	147
ВНУКИ	149
Илья Александрович	149
Надежда Андреевна	150
Андрей Андреевич	153
Александр Александрович	156
Иван Александрович	158
ПРИКЛЮЧЕНИЕ	161
Разборки	161
Ограбление	163
ПОСЛЕСЛОВИЕ	165

Нюра - 1

“ ... Не просись в людское сердце,
Не стучись в чужие двери,
На печаль твою, скорее,
Отзовутся чутко звери.

У людей весь мир сердечный
Слишком тесен, слишком узок,
Посочувствует скорее
Впроголодь живущий Тузик.

И поймут тебя собаки,
Бесприютные дворняги,
Все незнающие ласки,
С чутким сердцем псы-
бродяги.

Встретит пес тебя с улыбкой,
И вильнет хвостом сердечно,
И собачьими глазами
Взглянет нежно, человечно...”

*Мама Лили Лунгиной - Мария
Даниловна Либерсон (-1944)*

Нюра - 2